

**АНТОНИНА
СЕРЕДИНА**

**В ЛЮБУЮ
ПОГОДУ**

КНИГА 33-я

**АНТОНИНА
СЕРЕДИНА**

В ЛЮБУЮ ПОГОДУ

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1977

Уже четверть века имя Антонины Серединой связано с громкими победами наших девушек-байдарочниц на чемпионатах Европы, мира, Олимпийских играх. Десять лет Антонина Александровна была первым номером сборной команды Советского Союза, дважды став олимпийской чемпионкой. Спортсменке Серединой присвоено звание заслуженного мастера спорта СССР, она награждена орденом Ленина. Уйдя с водной дорожки, она осталась в сборной команде страны как тренер. Прошло еще две Олимпиады, и тренеру Серединой присвоено звание заслуженного тренера СССР, она награждена орденами Дружбы народов и «Знак Почета». Спортивному педагогу Антонине Александровне Серединой присуждено звание кандидата педагогических наук.

О нелегкой и благодарной доле спортсмена, о тяжелой и счастливой судьбе тренера, о морали и этике спорта первая книга старшего тренера сборной команды Советского Союза.

С $\frac{70302-070}{078(02)-77}$ 128-77

© Издательство «Молодая гвардия», 1977 г.

Я ПРОЩАЮСЬ И... ОСТАЮСЬ

Передо мной стоят часы. Часы моих побед и моих поражений. Заведенные в августе 1969 года, часы работают исправно и отсчитывают время протяженностью в шесть лет. Или 2890 дней. Или 17 340 часов. Секунды я не считаю, хотя популярная песня предупреждает: «Не думай о секундах свысока...» Эти новые часы как новые рельсы моей жизни. И надпись: «Желаем такого же успеха в тренерской работе. Коллеги». Такого же успеха! Это, значит, олимпийского? Неужели я смогу? Коллеги? Это, значит, я тоже тренер? И завтра любая из этих девушек, с которой сегодня гребла рядом, обратится: «Антонина Александровна». Все это вертится в голове, путается, я смущаюсь, хотя за долгую жизнь в спорте много раз поднималась на пьедесталы почета, чтобы получать призы и медали. Меня провожают... Провожают в армию (впереди целая жизнь), провожают на пенсию (активная жизнь практически окончена). Меня провожают...

Спасибо Саше Силаеву! Это мой старший товарищ по сборной команде, мы вместе начинали, но вчера я еще выступала в соревнованиях, а он уже давно закончил. И для меня и всех остальных Александр Павлович Силаев, главный тренер сборной команды СССР по гребле на байдарке и каноэ. Это его идея — устро-

ить мне проводы. Сколько уже уходило замечательных спортсменов, но они именно уходили, прикрывали за собой дверь сборной команды и уходили. А меня — провожают. Заплакать, что ли?

А вокруг длинный строй моих товарищей, все команды, приехавшие на чемпионат СССР, провожают Антонину Середину на тренерскую работу. Все ждут от меня слова, а я, волнуясь, ничего не могу сказать путного. Нет, конечно, могу и хорошее сказать и поучительное, но... как это сделать... Может быть, в этой книге они найдут для себя что-нибудь поучительное?

МАМА

Когда наша семья садилась за стол, мама раскладывала тринадцать ложек. Из одиннадцати детей трое умерли в детстве, двое погибли во время войны... Жизнь в те годы была очень трудная, и больше всего доставалось маме.

Порядки в нашем доме строгие. Если утром нужно было вставать для поливки огорода, возраст в расчет не принимался. В пять утра, пока не взошло солнце, надо полить рассаду. И все различие между нами, детьми, заключалось в размерах лейки. В четыре года мне дали трехлитровую, а старшей сестре — пятилитровую. Вечером, перед сном, мама вела на речку. И с малых лет учила плавать по-своему: года в три-четыре бросала прямо с мостика в Тверцу. Мы бултыкались, пускали пузыри, но воды не боялись, и пусть по-лягушачьи, но плавать умели все.

Игрушек у меня не было, и первое, что запомнилось, — это старенькие лыжи, может, потому, что мама старалась их приобрести каждому. Однажды, когда у меня не было своих, я взяла чьи-то лыжи без спроса. За это в нашей семье строго наказывали: приходилось стоять в углу на коленях, а чтобы лучше запоминалось — подсыпали горох. Часа два постоишь, почувствуешь, осознаешь и запомнишь на всю жизнь...

В тот день я взяла лыжи без разрешения и, не сказав ничего дома, пошла кататься. Одна. Горки пустые, никто не видит. Тверца покрылась тонким льдом. Раз съехала, второй... А в третий раз выкатилась на лед. Что-то хрустнуло подо мной, затрещало и обожгло... На мое счастье, увидели это мальчишки, вытащили меня мокрую, повели домой. Пока дошла — вся обледенела. Как положено, отстояла в углу, но в скором будущем получила личные лыжи.

Летом мы бегали в лес за ягодами. И мне всегда хотелось быть первой, даже в том случае, когда решался вопрос, в какую сторону идти домой. Однажды уговорила сестру идти за ягодами. Она удивилась. «Как, без разрешения? Нас ведь будут ругать». Но я заверила, что мы не заблудимся. Ходили, ходили, принесли ягоды, а радости нет. Непослушание наказывалось строго. И вдобавок мы еще принесли ежа. Мама долго объясняла, что это делать нельзя, потому что у него свой дом и свои маленькие ежата. «Срочно одевайся и отнеси». Было страшно. Уже стемнело. И все равно пришлось одеться и отнести. Не знаю, кто у нас придумал такой закон, но, если мама сказала, надо сделать. Это осталось у меня надолго: и то, что нельзя брать чужое, и особенно трогать животных. В детский сад меня отдали в наказание: раз не слушается дома, пусть ее коллектив воспитывает. Там я была младше всех. Но чувствовала себя превосходно. Помню, давали конфеты, а мне не досталось. Почему — не знаю. И я предложила: давайте поборемся, кто победит, тому и конфету. Конечно, это забава, но в шесть лет я поборола всех старших ребят, и они отдали мне конфеты. Может, поэтому учли ходатайство детского сада и отдали в школу досрочно.

Так и закончилось мое детство. Сейчас пишу и все вижу заново: вот мама, отложив свои дела на ночь, занимается с нами. Очень она хотела, чтобы все мы

стали грамотными, и школу кончили с отличием, и в институт поступили. Приходим из школы, и все уроки под ее контролем. За столом она сидит как учительница. Кто торопится на улицу, делает ошибки или ставит кляксы, тут же начинает заново. Мама собственноручно выдирает листы и заставляет переписывать. Это особенно доводило до слез моих братьев. А мне легче: меня считали шустрой, и я все старалась делать быстро. Поначалу в школе все интересно, и в то же время не очень, потому что много я уже знала со слов старших. Поэтому я вертелась, задавала вопросы, и в итоге меня посадили на последнюю парту. В этой школе учились мои братья и сестры, все заканчивали ее с отличием, и мне всегда ставили их в пример. Так уж получилось, что все мои братья и сестры закончили школу с похвальными грамотами. Все, кроме меня.

Я подрастала и все удивлялась: как могла мама и обед приготовить, и на базар сходить, и заниматься нашим воспитанием — проверять уроки и ходить в школу на все собрания. Как же она хотела, чтобы мы получили образование! А у самой только полтора класса сельской школы! Когда мы слышали, как она выспрашивает у старшей сестры, что задали, и та рассказывает ей урок по географии или истории, нам было стыдно. И перед тем, как уйти в школу, мы снова открывали свои портфели и показывали ей тетради и еще устно пересказывали все, что каждый должен был знать. И у нее хватало терпения все это слушать.

Старшая сестра очень любила книги и в нашем доме была семейным библиотекарем. Мы привыкли, что на деньги, выданные в день рождения или на мороженое, надо купить книжки. Все книги оприходовались — была у нас такая игра, — и если надо читать, все брали с разрешения старшей сестры, которая их

выписывала. Это нам нравилось, и мы старались побольше приобрести книг в свою библиотеку.

Все войны начинаются неожиданно... Мы не сразу поняли, что это такое, и поначалу нам интересно было играть с противогоазом. В городе уже обучали детей, и каждый день мы надевали противогоаз и бегали по улицам. Когда в августе 1941 года наш город стали бомбить, мы пошли на дежурства и помогали сбрасывать с крыш зажигалки. И это тоже было радостно, и в ночную смену мы с удовольствием бегали по крышам.

А потом наш Торжок, маленький и такой уютный, начал гореть... В тот день отец пришел с работы и сказал: нужно собираться. Куда? Зачем? Собирая пожитки, мама решила ехать на родину, в Калининскую область.

Мы не успели переехать Тверцу, как начался налет. Как рассказать, что это такое... Я еще пыталась считать самолеты, а бомбы сыпались как горох. Мы разбежались и попрятались кто куда. В этой суматохе затерялся младший брат, ему было пять лет. После бомбежки мама долго собирала нас всех, хватилась, а его нет. Она посадила нас на военные машины: «Езжайте — я догоню». Я никогда не смогу забыть, как металась она и не могла его найти. Мама рыдала, но все равно ее усадили и увезли. Когда проехали километров пятьдесят, сестра вдруг заметила мальчика на обочине. А уж темно. Мы оглянулись и видим — это наш брат. Пovyскакивали из машины, а он расплакался. «Что же вы меня бросили? Меня дяди подхватили и провезли».

А дальше ехать некуда — впереди зарево, там горел город Калинин. Вышли мы из машины и пошли проситься на ночлег в деревню. Спали в сенях, в будущем это еще покажется раем, а тогда стало страшно — как это можно: в коридоре, да еще на соломе.

Рано утром выехали и добрались до нашей деревни. Приехали в Емельянцево, где мама родилась, а там вся деревня — десяток домов. И живут, как и везде, старые, малые да женщины. И все теперь лежало на их плечах. Мы начали менять свои вещи и носили домой муку и картофель. А когда все кончилось, ходили помногу километров в поисках еды. А потом пришел день, когда от голода умер младший брат, которому от роду было всего пять месяцев, а затем сестра шестнадцати лет... Я не могла спокойно смотреть на маму, это нельзя забыть — у нее не было сил накормить своих детей...

Весной 1942 года мы с мамой поступили на работу в колхоз. Нам выделили небольшой участок, где мы посадили капусту и картофель. В колхозе я работала много: пахала, сеяла, боронила, а зимой воспитывала двухгодовалых бычков, учила их ходить в упряжке. За каждого обученного получала семь трудодней. Тогда я обучила семь бычков. Позднее, на Олимпиаде в Мехико, увидела корриду, вспомнила свое искусство и стало даже смешно. Ведь бычки и меня могли запороть. То, что они поднимали нас рогами вверх, казалось пустяком для тех времен, тогда все было ничем.

Итак, я колхозница. Вместе со взрослыми — а мне двенадцать с половиной лет — стараюсь делать все. Когда некому стало пахать, председатель колхоза — женщина, обязала меня. Я рада, а мама пытается сказать, что мне мало лет и такой труд не по силам. И тогда председатель закричала: «Иждивенцы, понаехали тут!» А я не хотела, чтобы маму обижали, ей и так тяжело — нас восемь детей, и всех надо кормить. И я пошла. Плохо получалось, а гордости хоть отбавляй: я пахарь. Это был самый тяжелый год. Как смогу

я забыть, когда мама упала на покосе от голода и усталости. В то время мы ели раз в четыре дня... И в те дни мама косила до 50 соток в день. Но тогда все так работали, потому что всей стране было тяжело. В конце лета после уборки — праздник: я заработала больше всех трудодней, и меня вывели в передовики. Мы гуляли, забыв, что идет война. Об этом нам напомнила похоронка на моего брата — самого любимого, самого первого сына мамы. Он был ее помощником и успел пройти трудный путь: работал преподавателем математики, пошел учиться в военную академию. Оттуда — на фронт. И вот погиб. До самой смерти мама его ждала. Она уже умирала и все говорила: «Все, все, я ухожу, а Николай никак не идет со мной проститься...»

Осенью собирали урожай и сдали государству. Мама заговорила, словно очнулась: «Ребята, пора в школу. Вот война кончится, а вы у меня будете неучи». Я несколько раз начинала заниматься, а зимой бросала — обуться не во что. И пропустила три года. А мои братья ходили в лаптях. Дойдут до школы, разуются, спрячут лапти в кустах и бегут босиком. Не ходить нельзя — мама ругается, а ходить в лаптях стыдно, дразнят оборванцами. Мама нас успокаивала как могла и все время заставляла учить уроки. А как учить? Учебников нет: одна книжка на пять человек, а писали мы на газетах. Может, поэтому в школу я не торопилась, в колхозе интересней — днем в поле, а ночью лен колотим.

Однажды послали меня сдавать зерно. Взрослые колхозницы меня не берут: «Что, мы за нее будем мешки таскать?» Так и поехала одна. На железнодорожном переезде у лошади растянулся хомут. К счастью, не было поезда, и я быстро смекнула, где надо подтянуть. А когда приехали на склад, там нужно мешки носить наверх. Кладовщик, здоровый, жир-

ный парень — я ему позавидовала, нам в семье еды не хватало — вот, думаю, за него бы разок поесть, — вдруг пожалел меня и велел зерно высыпать вниз.

Когда отменили карточную систему, мама купила всем по буханке хлеба и говорит: «Ну, мои дорогие, ешьте досыта, теперь не будет болеть душа, что вы голодны». Долго мы ждали этого дня.

Сейчас многое вспоминается — и хорошее и плохое. И особенно, как не хотела учиться! Уже давно переросла всех, и все отказываюсь идти. И тогда мама меня до самой школы провожала, гнала с веревкой и приговаривала: «Пойдешь. Обязательно пойдешь. Мало ли, что ты взрослая, — ничего, поучишься и с маленькими. Вот ты и докажи, что можешь учиться». Таким образом и загнала меня в пятый класс. Правда, учеба мне давалась легко, особенно точные науки. Я иногда даже спорила с преподавательницей, предлагая свой способ решения, и позднее это здорово мне помогло. А тогда сидела со мной подружка, которая не очень разбиралась в математике, я ей решу задачу, а она мне даст пирог. И каждый раз пирог я оставляю и несу домой маме, а уж она делит всем по кусочку.

Сейчас я часто слышу разговоры: школы далеко. А в те годы я ходила в школу за шесть километров. Выйду зимой, а дороги замело: ни пройти, ни проехать. Вот и сижу дома, пока кто-то не появится на санях. Позже у нас снова появились лыжи и в школу стали ходить по лыжне. Уйду на полдня, а дома свое хозяйство, корову покормить и подоить надо — все это на моих плечах. Ребята, живущие рядом, часто опаздывали, и учителя ставили меня в пример: вот, пожалуйста, как далеко живет и не опаздывает. Только позднее я подумала, что это, наверное, и было начало моего пути в спорт.

В нашей школе был преподаватель по физкультуре, демобилизованный офицер. Он стремился нас на-

учить чему только мог. Спортивного зала не было, и занятия проводились на улице, где он сделал турник и прыжковую яму. Когда проводились отборочные соревнования для поездки в район, я оказалась второй. Но по каким-то причинам поехать не смогла, и моя дорожка в спорт затерялась в трудовых буднях — в колхозе было много работы.

Война шла к концу, мы радовались и огорчались: от нашего отца нет вестей с фронта. И вдруг однажды его привозят прямо из госпиталя, идти он не мог, его внесли. Мама — в слезы. Отец был в таком состоянии, что все мы ждали его смерти. Уже давно врачи списали его, а вот мама — нет. Каждый день после тяжелой работы парила его в бане, массировала и старалась достать для него лучшие продукты.

После войны мы переехали в Калинин, и я пошла учиться на курсы бухгалтеров. Принимали со средним образованием, а у меня за спиной семь классов. Правда, математику знала хорошо, быстро считала и ориентировалась в бесконечных цифрах, и для меня сделали исключение.

Завод, где я работала, растянулся по берегу Тверцы, и в обеденный перерыв мы ходили купаться. Плавали до посинения. Я не думала, что когда-нибудь мне это пригодится. Однажды сестра попросила, чтобы я покатала ее с подругами на народной лодке, предварительно спросив, могу ли грести. До этого лодки я видела только на расстоянии, но все равно ответила: «Хорошо, покатаю!» Пришли на лодочную станцию, а там народу уйма. Заняли очередь, стоим, ждем. Один юноша получил весла и приглашает девушку в лодку, а сам не знает, как весла поставить. Вокруг смеются, а он еще больше смущается. Сестра отвела меня в сторону: «Может, и мы уйдем? Будет стыдно, если не

сумею». Я запротестовала. Нет, что ты, поедем! Обязательно! Правда, я уточнила: «А подружки твои плавать умеют?»

Подошла наша очередь. беру весла, иду в лодку. Когда дожидалась, присмотрела, что делают с веслами и куда их вставляют. В общем, думаю, не пропадем. Сажая своих пассажиров и отталкиваюсь. Ничего, вроде бы получается. И тут, как это всегда бывает, с нами начали заговаривать ребята с соседней лодки. Пришлось приложить максимум сил, чтобы оторваться от них. Сестра и подружки довольны моей ловкостью, я стараюсь как могу, а ладони уже болят. Потом на следующий день глянула, а там кровавые мозоли. Такие у меня были только в колхозе, когда копала в поле. Как бы там ни было, а свою первую, самую первую гонку я все-таки выиграла. И восхищенные ребята уже на берегу подвели ко мне тренера по гребле. На все его предложения показать свое умение я ответила категорическим отказом.

Когда жить стало лучше, мама в приказном порядке обязала меня поступить в техникум. Она так и сказала: «Не хочу, чтобы вы потом на меня обижались — вот, мол, не дала детям образования». Пришлось задуматься. Брат закончил семь классов и подал документы в вагостроительный техникум. Решилась и я. Мама довольна, а отец нет: зачем учиться, есть работа, хороший заработок. И тогда мама засекретничала: «Бери отпуск и готовься к экзаменам, а там будет видно, отцу пока не скажем».

Тайком от отца я начала готовиться в техникум. На заводе тоже воспротивились, не хотели отпускать. Пришлось уволиться.

Итак, я свободна, отец ничего не знает и думает, что я работаю. Каждое утро поднимаюсь и ухожу... на чердак готовиться к экзаменам. Отец узнал об этом позднее, когда моя фотография появилась в местной

газете по случаю победы в толкании ядра на чемпионате города. Все сослуживцы отца восхищались и поздравляли его с победой дочери, а он был страшно зол. Долго ему мама объясняла, зачем я учусь.

Не было у нас в техникуме ни зала, ни стадиона, ни спортивных площадок, но с первого курса мы выступали на всех соревнованиях. К этому нас приучил мой первый преподаватель физкультуры Василий Федорович Потоцкий. Сначала соревновались группами, и я, как староста, не могла оставаться в стороне. И для того, чтобы моя группа была на первом месте, приходилось во многих видах участвовать самой. Лыжи мы надевали на валенки, а у меня валенок и в помине не было. Пришлось просить у младшего брата. Он, правда, дал, но голенища на мои ноги не налезают. Надо резать, а брат боится. Наконец уговорила маму, упирая на ее же принцип — коллектив подводить нельзя. Она только отмахнулась: «А, ладно, делайте что хотите». Привязала ремешки веревочкой и пошла на старт. Бежали мы пять километров. Вначале я выигрывала и всех идущих впереди обходила. Догоняю девочку с нашего курса, прошу лыжню — этому меня уже научили, а она плачет: «Не могу больше, не пойду, все обходят, вот и ты обходишь». Я на ходу стараюсь уговорить: потерпи, так надо, а там пойдем в секцию и будем тренироваться. «Ладно, пойду», — буркнула она. Я убежала вперед и только оглянулась, чтобы убедиться: не сошла ли она с лыжни, и тут мои ноги запутались, и я упала. Теперь все, кого я раньше обходила, обошли меня. Тороплюсь, а валенки не могу всунуть в крепления, приходится развязывать веревки, закрученные мертвым узлом. Слезы у меня льются ручьем. И все равно, когда кончили дистанцию, Василий Федорович поздравил меня с выполнением нормы третьего разряда. О, как я гордилась!

На тех соревнованиях наш техникум выиграл пер-

вое место по массовости. Позднее мне вручили значок, и в своей праздничной кофте я проколола дырку и привинтила первый спортивный знак отличия. А позднее носила и по четыре значка. Это когда уже по четырем видам спорта имела первый разряд. Вскоре Потоцкий отвел меня в секцию лыжного спорта, и, хотя я согласилась и занималась с радостью, тренер мне не понравился — слишком уж громко кричал. И я ушла. Мы с братом достали «норвежки» 43-го размера, а такой размер можно надеть только на валенки. Денег у нас не было, и на каток мы пробирались через забор. Катались по очереди. Вместе со мной рядом бегала конькобежка Вера Лобанова, она мне сказала: «В таком возрасте начинать поздно». Да, действительно, поздно, как-никак двадцать лет. Так я и не пошла в секцию коньков.

А пока в техникуме я занималась в нескольких секциях и выступала во многих соревнованиях: легкая атлетика, лыжи, велосипед, баскетбол, гимнастика. Было тяжело. И как поется в песне: «Давно мы стали взрослыми...» Хотелось гулять с ребятами, а спорт требовал времени, не говоря об учебе. Сейчас уже можно признаться: в заботах о приоритете группы я выступала и за других студенток, только меняя номера на своей майке.

Как ни было трудно, я вставала в пять утра, чтобы съездить на огород и к десяти часам успеть на стадион. И вдруг в момент, когда пришли первые успехи, заупрямилась мама. Она не хотела, чтобы я бегала в трусах по улицам. Ну что за «среднеазиатские» предрассудки? Бегала я в эстафетных командах и всегда с первого этапа на центральной площади, и народу там собиралось много. И маме всегда рассказывали о ее дочери — какие у нее красивые ноги и хороший загар. Мама страшно огорчалась.

Как-то незаметно у меня накопились обществен-

ные нагрузки: староста, председатель месткома, член обкома союза рабочих строительных материалов. И для того чтобы получать стипендию, а это весьма существенно, надо учиться на 4 и 5, иначе спорт пришлось бы бросить. И сейчас с искренней благодарностью я вспоминаю своих учителей. Они многому меня научили. Особенно завуч — Николай Иванович Клименко. В трудный момент он упросил не снимать меня со стипендии. И я оправдала его доверие и закончила техникум отлично. А преподаватель литературы заставляла выступать на вечерах и митингах. Сначала я робела, а потом научилась. В жизни и это пригодилось.

На третьем курсе мне предложили вступить в партию. Это было так неожиданно, что я тут же заторопилась к маме. А она, как всегда, рассудила мудро: «Если предложили, значит, достойна. Вступай!» Когда меня приняли в райкоме, дома у нас устроили праздник. Мама испекла пирогов и даже всплакнула: «Смотри, дочка, не подводи тех, кто дал тебе рекомендацию».

На четвертом курсе меня уже величали «Большая физкультурница». В своей области я объездила все города и успела побывать в Ленинграде на соревнованиях по легкой атлетике, а в Днепропетровске выступала в народной гребле. Когда впервые поехала на первенство Центрального совета «Строитель», в поезде разговорилась с Риммой Меньшовой, мастером спорта по конькам. Римма говорит: мышцы должны быть как кисель, и с гордостью показывает расслабленные руки, а у тебя, Тоня, смотри, как камень. Я страшно удивилась, я ведь так гордилась своими мышцами. «Вот это, — думаю, — да!» Выступила я тогда плохо, не принесла ни одного очка и была страшно убита. И все время думала: зря меня возили, ведь столько денег угрожали! Тренер Чеснов как мог успокаивал: да не

горюй ты, посмотри, сколько сзади тебя осталось, и тут же добавил — не забудь отчитаться за эту поездку. Я испугалась: деньги? А он серьезно: нет, тренировками! А я и так больше всех тренировалась. И как приехала домой, тут же пошла на тренировку.

И еще спасибо Лиде Гавриловой — начальнику учебно-спортивного отдела Центрального совета «Строитель», очень много она сделала для нас, молодых. Когда я не попала на чемпионат СССР по лыжам, она уговорила остаться, посмотреть и поучиться. Пять дней мы стояли на лыжне и старались все запомнить. Спасибо ей — такая учеба многому научила.

Но по-прежнему моим главным наставником была мама. Теперь она уже не ругала, а переживала за меня. Как-то я стерла новыми ботинками пальцы, и она, больная, все равно поднялась, сделала горячую ванну и уговорила не отказываться от поездки, страшно боялась, что подведу команду.

После окончания техникума я осталась заведующей лабораторией химического кабинета, по совместительству — преподавателем физкультуры и еще классным руководителем группы. Спасибо директору техникума, в трудный момент и он поддержал, дал возможность встать на ноги. Потоцкий помог с методической стороны — показал, как готовить планы и проводить уроки. Это он ввел традицию оформлять стенды лучших спортсменов, доски Почета, выпускали «молнии», которые сообщали о победителях. И тогда и, наверное, сейчас трудно было проводить дополнительные занятия для тех, кто ездил выступать на соревнованиях. Спасибо преподавателям техникума, из своего личного времени они урывали все что могли и уделяли много внимания нам, спортсменам.

В лаборатории все надо приготовить для экспериментальных работ и присутствовать на занятиях. Прихожу домой, надо писать конспекты, теперь уже во

втором качестве — классного руководителя: провожу политзанятия, веду культурно-массовую работу, слежу за успеваемостью. Мне не хотелось, чтобы мой класс был где-то посередине. Вспоминаю, как училась сама, и заново прохожу все предметы, занимаюсь с отстающими после занятий. В трудных случаях хожу домой знакомиться с бытом. Особенно плохо учился один мальчик. Пошла к нему в семью, а они впятером живут на кухне, и ему вообще негде учить уроки: на столе спит маленький братик. Мать рассказала, что на заводе давно обещают жилье. Пришлось идти на завод. Не знаю, помог ли мой разговор или подошла очередь, но через неделю они получили квартиру. И мой студент стал отличником и лучшим помощником в группе.

Пишу сейчас обо всем этом, все вспоминаю и диву даюсь, как это при таком загруженном дне я еще ходила на тренировки?

* *
* *

Однажды мы, лыжники, изыскивающие путь, как «готовить сани летом», обнаружили на базе байдарку. На ней-то и состоялся мой первый выход на воду... Раза три перевернулась. Но было что-то такое, еще неуловимое, что не отпугнуло. Мне понравилось. Хотелось грести быстро-быстро. Села еще раз. Гребу, вроде получается. И надо же было кому-то позвать меня. Я повернула голову, мгновенно нарушился баланс, и я оказалась в воде. Плыву к берегу с самой середины Волги в полной спортивной форме, плыву, толкаю пред собой лодку и думаю, вот это посудина — рот разевать некогда...

Может, с того памятного дня и надо числить меня среди гребцов.

С той поры прошло двадцать два года. Многое из-

менилось во мне, в моей жизни, и лодки тоже прошли свою эволюцию. Тогда они были из тонких деревянных досок, очень тяжелые. Модель «Клинкер». Это теперь на лодки любо посмотреть: 12 килограммов. Сегодня каждый разрядник имеет свою лодку, а в те времена лодки разыгрывались между гребцами, их просто не хватало.

В том же — 1955 году я приехала в Москву на первенство СССР. Шла в лодке К-2 и заняла четвертое место. Тогда же я впервые увидела Марию Николаевну Фадееву. Погода была плохая: сильный ветер, волна с барашками. Мария Николаевна вышла на старт в свитере. (Позднее мне посчастливилось в этом свитере тренироваться и даже выступить! Очень уж он теплый и счастливый, этот красный свитер, привезенный Марией Николаевной с XV Олимпийских игр.)

Кто-то меня толкнул: «Смотри, смотри, вот идет Фадеева. Видишь, какие плечи?» А я ничего не видела, кроме красивой, ритмичной гребли и аккуратного выноса весел. По воде она шла, словно по зеркалу. Впервые в жизни я позавидовала, вот так бы научиться грести. После видела ее финальный заезд на 1000 метров, где она в пятый раз подряд выиграла звание чемпионки СССР.

На следующий год я заняла пятое место на первенстве России в Ярославле. Об этом можно и не вспоминать, если бы не случай, который отчетливо помню. В полуфинале была второй, а в финале выступила плохо. Тренер оставил меня караулить лодки. Тогда и в голову не могло прийти, что вынужденное дежурство может стать причиной проигрыша. Я просидела на берегу четыре часа. Только позднее разобралась: солнце... На первенство СССР не попала, что же, надо ехать домой. Снова тренироваться. Возвращаясь с чемпионата, мы оказались на открытии ВДНХ в Москве. Народу уйма! В очереди за билетами простояли часа

три. Успели обежать все павильоны. Особенно долго простояли у фонтанов «Дружба» и «Каменный цветок». Красотища! Вокруг масса фотографов. Они фотографировали группы и записывали адреса. Решили и мы сфотографироваться. Фотомастер показал удостоверение в красной обложке, подтверждающее, что он официальное лицо. Сфотографировал у обоих фонтанов, записал адреса, мы ему деньги дали, я — последние пятьдесят рублей. Эти фотографии до сих пор получаю...

Я выступала и тренировалась и в гребле и на лыжах. И вскоре председатель ДСО «Строитель» Олег Семенович Беджанов предложил мне стать инструктором — вести лыжную секцию. Пришла я с повинной к директору техникума, объяснила все, и он все решил просто: «Что ж, желаю тебе удачи в спорте». Еще раз спасибо ему, что не задержал меня.

* * *

Все в жизни налаживалось постепенно, и вот только мама тяжело болела. Я почти все время находилась в больнице вместе с ней. Домой уходила на обед, но так говорила ей, а сама бегом на лодочную станцию. Быстро спускала на воду байдарку и по Тверце гнала километров пятнадцать, потом обратно бегом в больницу. И так каждый день, кроме дня операции.

Какое же это было мучение смотреть на маму! А она все меня успокаивала: «Что ты волнуешься, доченька? Вот прооперируют, я выздоровею, и мы с тобой многое еще успеем сделать». Спасибо ей за мужество. Пролежала мама в больнице месяц. Врачи нам сказали, она умрет — рак! И все же мама поднялась, начала потихоньку ходить. Привезли ее домой, и больше уже она не вышла. Она часто мне говорила: «Надо уважать людей — любимых, даже тех, которые

делают плохо. А ты делай им хорошее, и они исправятся!» Спасибо ей за воспитание. И еще она просила: чтобы младшие брат и сестра закончили техникумы, «чтобы я спокойно там могла быть». Мы сдержали свое слово: пятеро из нас получили высшее образование, брат и сестра — среднее техническое. Последние ее слова, обращенные к нам: «Не сиди дома, все трудности, которые встретишь в пути, легче пережить в коллективе. Народ всегда поддержит, а если сойдешь на неправильный путь, поставит на место, не даст упасть». Спасибо ей за напутствие.

МАРИЯ НИКОЛАЕВНА ФАДЕЕВА

В Калининe получили приглашение выделить одного человека на курсы тренеров по гребле в Москве. Решили послать меня. На базе ЦСКА, что на Ленинских горах, мы жили в летних домиках. Нам читали лекции, и на реке мы проходили практику. Докладчики все известные: Рогачев Ипполит Ипполитович, тренер сборной страны, Фадеева Мария Николаевна, неоднократная чемпионка Советского Союза, и многие другие. Правда, Фадеевой долго не было, и мы боялись, что вдруг откажется, а о ней я слышала много хорошего.

В комнате жили втроем: четвертое место оставили Фадеевой. «Вот, — думаю, — здорово!» Впервые, когда видела ее с трибун Парка культуры и отдыха имени Горького, сразу обратила внимание: стройная, высокая, подтянутая, ни мощности, ни широких плеч. Вот тебе и на! Вот тебе и чемпионка. Все это мне казалось странным. Ну, думаю, будем жить вместе, попрошусь у нее тренироваться.

Вернулась с тренировки, вижу, висит на стуле незнакомый пиджачок, девочки говорят: «Фадеева приехала». Посмотрела: ни значков, ни регалий, а в те времена значок мастера спорта был главным отличием. Я и сказала: «Какой же она мастер, если значка нет». А после этого состоялось наше знакомство.

Прослушав теоретические занятия, наконец получили лодки. Я старалась грести только перед ее глазами, но Фадеева не делала никаких замечаний. И мне все казалось, что не хочет она обращать на меня внимания. Позднее, на суше, Фадеева скажет: «У тебя столько технических ошибок, что говорить надо целый день». Сегодня я могу признаться в своем тайном замысле. А тогда торопливо ответила: «Я буду слушать и как можно чаще ходить с вами на воду». Тренировалась я много, все руки в мозолях. Отвела меня Фадеева к медсестре и говорит: «Подлечи ее нежные пальчики, а то не выдержит и не сможет тренироваться». А сама вроде бы прошептала: «Кажется, нашла то, что искала». Я слышала это явственно, но боялась поверить, что такое возможно. А может, Мария Николаевна сказала так, чтобы я услышала?!

В конце сбора состоялся экзамен. Экзаменационная комиссия из трех человек: Залеская — государственная тренер России, Рогачев и Фадеева. Среди спортсменов Мария Николаевна слыла строгой, но справедливой. Однако когда я получила оценку «отлично» и удостоверение за ее подписью, была несказанно рада. После экзамена не удержалась и уточнила, действительно ли я многого добилась. Мария Николаевна спокойно ответила: «Ставлю авансом». В чем заключался аванс, я не поняла. Прошло много лет, но удостоверение с оценкой «отлично» храню — это начало пути.

Вот и пришло время прощаться, а я все стесняюсь попросить план тренировки. Решилась на это перед самым отъездом.

«На какую дистанцию?»

Я и не знала, что методики подготовки на разные дистанции чем-то отличаются друг от друга. Чтобы не осрамиться, говорю: «Хочу, как и вы, ходить на 1000 метров». Мария Николаевна улыбнулась: «Хоро-

шо, напишу, только останься на день. В Калинин по-едем вместе».

Вот так я познакомилась с Фадеевой. Ночевала у нее дома. Комнатка такая маленькая, что я удивилась: «И так живут чемпионы!» Только позднее поняла: это ее не волнует. И к начальству она не ходила, а начальству зачем знать, как живут чемпионы, они ведь гордятся ими в отчетах и фотографиях...

Зато сколько в этой комнатке поместилось кубков, медалей, призов и книг, предоставленных в мое распоряжение и прочитанных полностью. Что правда, то правда, в этой комнатке меня учили не только азам гребли, но и чтению.

На следующий день мы были в гостях у Нины Севрюк. И там Мария Николаевна обмолвилась: смотри, будущая чемпионка! Нина улыбнулась: «Много у тебя таких было. Ты им помогаешь и материально и духовно, тратишь свободное время. А толку что?» Мария Николаевна вздохнула: «Что поделаешь, но кто-то должен стать лидером в нашем спорте! Может, Тоня, а может, и нет. Но и в этом случае буду помогать всем, кто пожелает».

* * *

Марию Николаевну командировали в Калинин для проверки и оказания помощи гребцам. Для меня это большая радость. И со мной Фадеева занималась очень много. Сначала имитация движений на суше, затем — на воде. Мария Николаевна убедила, что нужно владеть мышцами и уметь их чувствовать. Сразу все я не запомнила, и пришлось записывать. А вечером после тренировок мы гуляли по городу! Много я услышала о чемпионах, их трудном и тяжелом пути в большой спорт. И еще о мужестве проигравших. И еще о дисциплине. Словно подтверждая свои слова, тренер Фа-

деева никогда не опаздывала на назначенную встречу. И воспитывала она меня своеобразно. Даст прочитать газетные вырезки. Я прочитаю, а в голове ничего от чтения не осталось. Возвращаю подшивку, а она спрашивает: «Все прочитала?» — «Да». — «Тогда ответь, что тут написано?» — «А я не могу». — «А говоришь — прочитала. Нужно читать с карандашом и главное подчеркивать». После этого разговора до сих пор читаю с карандашом. А позже и сама убедилась, если в чем-то не можешь убедить ученика, надо дать ему высказывания чемпионов, ученых, практиков, и тогда он лучше понимает. Да и слов на доказательства не надо, сам факт доказывает. Где-то я прочитала: «Чужой опыт никогда не убедит, пока собственным лбом не пробьешь стенку». Это уж точно.

После той зимы я приехала в Москву к Марии Николаевне. Она жила у водной станции, и теперь не нужно было тратить время на дорогу. Постепенно комната превратилась в спортивный зал: гантели, «блин» от штанги, резиновые жгуты, строительный лом весом в десять килограммов. И все это принадлежало мне.

Мы начали бегать кроссы. Вот уж после чего я заплакалась. К тому времени я выполнила первые разряды по легкой атлетике, лыжам, велосипеду, гребле народной и байдарочной, второй разряд по гимнастике, а на поверку оказалось, ничего делать не умею. Даже в кроссах бежала, отставая от Марии Николаевны. Мне было тяжело, но я ведь была моложе ее на двадцать лет. Сама себя ругала, вспоминала дома, как я бегала вместе с ребятами на лыжах до тридцати километров. И бывало так, что они падали, добирались до деревни и просили хлеба, лишь бы дойти до базы, а я их называла «слабаками». И вот теперь я сама оказалась в их положении... Мария Николаевна меня успокаивала: «Не волнуйся, ты еще меня победишь». Как? Когда? Мне так не терпелось сделать это побыстрее.

Сейчас, вспоминая те условия, в которых мы тренировались, я сравниваю их с нынешними базами в Москве. И когда мои ученики начинают жаловаться, то всегда рассказываю им: «Вам все плохо — теплые раздевалки, душевые, финские бани, а мы ведь имели только личные раздевалки». Они ахают: как личные? Придешь в лес, тренер кричит: «Девочки налево, мальчики направо», выбираешь елочку погуще и переодеваешься. Вещи положишь и бежишь на тренировку. И только позднее начали снимать деревенский дом. И как же на тренировках у нас было хорошо! Возвращаемся — на столе самовар, за стол — гурьбой. Поедим все, что привезли, попьем чай и торопимся к пригородному поезду.

В те годы Мария Николаевна больше тренировала меня заочно. Каждую неделю я отсылала отчет... сидя у зеркала. Соорудила примитивный станок: две табуретки соединены доской, а на доске сиденье. Правда, взамен сиденья у меня подушка, но зато имитацию гребли я проводила отлично. Тренер меня научила: «Если любой элемент техники можешь выполнить и показать в пространстве, на воде это сделаешь свободно и без напряжения». В конце каждой недели брат фотографировал мои движения. На всех 36 кадрах-фотографиях Фадеева давала описания правильных движений и ошибок и заодно указывала, как их исправить. Такой макет до сих пор хранится у меня дома. Для памяти.

Весной на контрольных соревнованиях я сначала выиграла у именитых чемпионов, а когда подоспели гонки, все проиграла. На разминке подошла ко мне чемпионка страны Тоня Грибанова: «Давай вместе потренируемся». Начали и... я проиграла. Снова. И опять проиграла. Она удивляется: «Ой, да ты совсем старт брать не умеешь». Подошли мы к Марии Николаевне разбираться. Я уже расстроена, а она меня успо-

каивает: «Не беда, научись». На финише я вторая, проиграла только Грибановой. Это соревнование стало для меня уроком. И в будущем никогда ни с кем из противников вместе не разминалась. С той поры Мария Николаевна меня оберегала от посторонних разговоров, слишком уж я возбуждима, и временами это портило всю гонку.

В 1954 году мы праздновали золотую медаль Фадеевой, еще не зная, что это последняя. Пришли на вечер, посвященный чемпионам Советского Союза. Когда вызывали Марию Николаевну, у меня сердце екнуло, даже плакать захотелось. Когда она подошла, я ее поздравила и впервые взяла в руки золотую медаль. Пришли домой, а там, кроме «Боржоми», ничего нет. Да и не могло быть — Мария Николаевна это не поощряет. Свои победы и победы учеников всегда отмечала тортом и минеральной водой. Налила в стакан «Боржоми», опустила медаль и говорит: «Что ж, давай и в твой опустим, придет время, будем праздновать и твои медали». И тогда я добавила: «Общие».

* *
* *

Год 1955-й. Для меня это был год удач на подступах к сборной команде. Новенькие всегда плохо приживаются, и потому их не торопят закреплять в основном составе. Меня взяли на международные соревнования в Прагу. Что я чувствовала, описать трудно: и радость, и счастье, и гордость за Марию Николаевну, что ее труд хоть немножко, но уже проявляется во мне.

Первое, что запомнилось, это слова одного тренера — мы вместе ехали в купе, — «вот, всякое барахло вешают». Это по поводу моей кофточки. А у меня еще не было хорошего костюма, да и откуда взять? Я помогала учиться брату и к тому же стала замечать,

что Мария Николаевна старается незаметно сдавать свои призы в комиссионный магазин, чтобы подкармливать меня. Выслушала я эти не весьма умные речи, но стерпела, вспоминая мамину поговорку: «По одежке встречают, по уму провожают».

Ехали мы в вагонах, где двери в купе стеклянные. Стояли в коридоре, смотрели в окна, я чуть отклонилась назад, уперлась в дверь, и вдруг: «Тиньк». Ребята пугают — будешь платить, а если денег нет, тебя высадят. А я за границу впервые еду. Пришел проводник: «Кто старший?» Руководитель делегации поворчал, но уплатил за стекло, а я долго переживала этот случай. А наши ребята всю дорогу смеялись: «Тоня, да ведь это к счастью, когда бьется стекло, хоть и не посуда».

Едем, едем, а я все волнуюсь. Только поезд остановится — бегаю вдоль состава, чтобы не потерять спортивную форму.

Город Прага мне очень понравился. И оттого, что соревнования проводились на реке в центре города и болельщиков собралось много, и настроение боевое. И я выиграла! Время отличное плюс норматив мастера спорта. Когда мы вернулись домой, Мария Николаевна на предложение оформить звание, ответила: «Пока не за что, еще рано». Я покраснела; до сих пор не знаю, чем она руководствовалась. Но мой тренер сказала это твердо, и никакие уговоры не помогли. Так я и оставалась перворазрядницей. Уже потом, когда насмотрелась одноразовых мастеров, поняла: права Фадеева, но это только потом дошло...

После этих соревнований мы ехали в Херсон на чемпионат Советского Союза. В поезде как бы невзначай я попросила лодку у государственного тренера Рогачева: «Может, и мне дадите погоняться?» — «Нет. Ищи сама».

Это надо объяснить. Я выступала в личном зачете,

поскольку общество «Строитель» не в состоянии выставить полную команду. Для нас, «личников», жесткие правила: нужно быть первой во всех заездах, начиная от предварительного до... финального. Лодки нет, и Марии Николаевне одолжили в «Спартаке» одну ненужную; она сиротливо лежала на стеллажах. Лодка немецкой постройки, без внутренней оснастки, но Фадеева успела все сделать, и я с лучшим временем была первой в предварительном и полуфинальном заездах. Даже с таким началом мне не повезло. Лодка Нины Васильевны Савиной попала под катер, и ее разбило пополам. И тогда меня, из спартаковской, выражаясь мягко, до этого никому не нужной лодки, высадили... Сколько было переживаний и слез... Мария Николаевна умоляла руководителей «Динамо» дать мне лодку, и хотя у них были две и обе наилучшие — датские, во мне они увидели конкурентку. А вот представитель «Водника», увидав меня, зареванную, дал. Но времени и энергии для поиска лодки было затрачено столько, что финальный заезд я проиграла и добралась только пятой. Потом позже разобралась в причинах и выяснила, что проиграла не из-за волнений. Мне дали сиденье (слайд) из байдарки-двойки, а оно выше, не было устойчивости, и получился плохой баланс. Что ж, по-прежнему учусь на проигрышах.

После чемпионата СССР состоялся всесоюзный сбор тренеров. Марии Николаевне предложили читать лекции и проводить практические занятия. По ее просьбе я была оставлена в качестве демонстратора, хотя больше училась сама. В то же время тренировалась на каноэ вместе с Бухариным и Силаевым. Они только подавали надежды, но в недалеком будущем станут призерами XVI и XVII Олимпийских игр. У них я научилась многому, и особенно умению финишировать. Иногда садилась в каноэ вместе с Марией Ни-

колаевной. Многие смеялись, но тренер всегда подчеркивала: чем больше двигательных навыков, тем быстрее можно совершенствоваться в основном упражнении. И чтобы подтвердить это, мы с ней тренировались и в академической лодке.

* * *

Следующие два года — это период поражений. В 1956 году меня наконец взяли в сборную команду, строго-настрого предупредив Марию Николаевну о моем возрасте: уже 26... У Фадеевой еще тренировалась Дементьева. В 1954 году она была второй на чемпионате СССР, а в 1955 году стала матерью. И шансов, по мнению Рогачева, у нее оставалось больше. И все же Мария Николаевна выбрала именно меня, подчеркивая, что двоих готовить не сможет.

Итак, составлен план — большой по объему и жесткий по регламенту. То, что мы задумали, не укладывалось в общепринятые рамки, и к этому относились по-разному: кто как. Председатель Центрального совета «Строитель» Смирнов распорядился выдать мне тренировочную форму, велосипед и спортивную обувь. Рогачев меня невзлюбил и при каждом случае осуждал за большие нагрузки. Сейчас я понимаю: кто-то должен взять на себя лидерство — сначала один, а потом таких становилось больше. Метод Фадеевой, а значит, и мой — круглогодичная специализированная тренировка — утверждался с приходом на пост тренера команды Саши Силаева. Но даже его поддержка еще не стала решающей. На тренировках я гребла отлично, а на контрольных соревнованиях всем проигрывала. Где-то внутри зрело чувство обиды. Потом разобралась: причина проигрыша — мое истощение — нагрузки большие, чувство прекрасное, а мне все кажется, что я тренируюсь мало. Врач сборной коман-

ды Зоя Говоркова до последнего дня меня хвалила: все хорошо, все хорошо. Но в один день у меня резко упал вес: было 68, стало 62. Я тренировалась очень много, и все в один голос спрашивали: «Зачем?» А мне самой было трудно объяснить — зачем. Все до озера едут, а я бегу. Сажусь в лодку и гребу километров двадцать, оставляю лодку и бегу обратно — и так два раза в день, не считая хорошей зарядки. Подошли соревнования, и мы опять проиграли. Значит, где-то ошиблись. Уехали домой огорченные, и все думаем: «Где?» Комсорг сборной команды Яхно даже обсуждал меня на бюро: вот, мол, пожалуйста, Середина: замкнулась, перестала уважать коллектив, раньше была запевалой, организатором всех вечеров, а сейчас...

Да, действительно, замкнулась. Но ведь раньше тренировки были маленькие, а сейчас, пусть даже мысленно, но я уже готовилась к Олимпийским играм. Это трудно понять тем, кто не ставит перед собой цель, а тренируется просто так, авось что-нибудь да и получится. Теперь можно признаться, и я так буду готовиться в 1957 году, когда попаду под влияние некоторых тренеров. Они сумеют убедить меня, что Мария Николаевна все делает неправильно и систематически меня перетренировывает. Но внутренний голос словно говорил мне: «Опомнись!» Пришло время, и я опомнилась. По приезде из Поти у нас были контрольные соревнования на Стрелке. Отбиралась команда для участия в первенстве центральной зоны РСФСР. Старт давали утром, в шесть часов, еще до того, как начинали ходить речные трамваи. Женщины начинали 1 Мая. На гонку вышел сам Рогачев, и вдруг я финиширую второй. Он не поверил и велел назавтра дать еще старт. Это решение мы не знали, спокойно гуляли по Москве с мыслями, что едем в Ленинград. Приходим в гостиницу и вдруг узнаем: завтра опять

гонки. Вот это да! Я привыкла ко всяким новшествам, готова хоть ночью гоняться, раз надо, значит, надо. А вот одна девушка из Астрахани возмутилась и начала кричать на меня. Она думала, что второй раз гонку делают из-за меня. Я испугалась, тихонько легла в постель и накрылась с головой. И все ждала — вот-вот она меня стукнет. А дело в том, что эта девушка потихоньку нарушила режим и теперь боялась проигрыша. В те годы была такая традиция — отмечать свои победы бокалом вина...

Утром Мария Николаевна натерла лодку воском и, пока я разминалась на суше, вынесла лодку на плотик. Сколько по этому поводу было разговоров! «Конечно же, где ей (это мне!) грести, если тренер за нее носит лодку». Стало мне страшно обидно. И только потом, позднее, на такие реплики никто не обращал внимания. Наоборот, подобное поведение тренера всегда поощрялось, и тренеров специально брали в туристические группы, выезжающие на соревнования за рубеж, чтобы они помогали своим спортсменам. Но все это потом, потом...

Все это еще будет, а пока старт я приняла хорошо. На финише за корму лодки меня развернула подруга Валя Сергеева, да так развернула, что я не смогла вырулить лодку на правильный курс и сразу же погребла к плотикам, финишировать уже не было смысла. Все видели этот финт, и все спрашивали: «Почему ты не финишировала?» Я молчала. Такой же финт мне сделают еще раз на контрольных соревнованиях, где «в коробочку» меня возьмут Ольга Ильина и Нина Грузинцева...

Итак, по-прежнему проигрываю и... учусь. Постоянно говорю сама себе: необходимо быть выше этого и быстрее уходить на старте. Когда я пыталась выяснить отношения: «Что вы, девочки, делаете?» — они хором отвечали: «Ходить надо уметь, Тосенька».

Да, надо уметь. Буду учиться и этому. Это необходимо!

Мария Николаевна оставалась оптимисткой: «Не попала в команду, едем в Ленинград за свой счет. Ты должна показать, что все равно сильнее других, тем более что будут дорожки». Тогда это было редким явлением, чтобы дистанцию размечали. А сейчас даже тренировочный процесс проходит по размеченной трассе.

Получили мы разрешение, и меня допустили соревноваться в личном зачете. В Ленинграде на базе «Буревестника» главным тренером работала напарница Марии Николаевны по академической гребле Трубач. Она отдала нам свой кабинет и тем самым облегчила наше материальное положение, поскольку мы обошлись без гостиницы. Я и так много съедала из бюджета Марии Николаевны.

Ленинградский «Буревестник», под личную ответственность, предоставил мне отечественную байдарку, новенькую. По правилам лодка не должна быть уже 51 сантиметра, а моя оказалась 50,5 сантиметра — фабричный брак. Тогда судьи убрали бортики и стали лодку расширять, правило есть правило... Тянут-потянут, клинья забивают, а лодка не поддается. И вдруг при сильном ударе лопнула матерчатая дека. Это только теперь лодки фанерные. А тогда... В общем испортили мне лодку, фанеру сбоку пробили, а расширить так и не смогли. Махнули рукой: «Иди». А куда идти — лодки-то нет. Да и лодка не моя, под честное слово получена. Куда ни повернусь — одни беды. Шла потом на какой-то лодке, даже не знаю на чьей.

Выиграть не выиграла, но третьей все-таки была. А среди российских спортсменов так первой. И все равно в эстафету меня не поставили: нельзя, ты личница. Вот если бы ты была в команде! Свои ошибки руково-

дители не исправляют, и мне еще раз сказали: надо выигрывать вовремя, когда отбирается команда. Что ж, и это учтем на будущее. Выигрывать так выигрывать. Всегда! Все время! Весь сезон. Может, тогда им нечего будет сказать. И все равно, удовлетворенные результатом, мы поехали домой готовиться к Спартакиаде народов России.

* * *

Я вернулась в Калинин работать и готовиться к соревнованиям по гребле. Из Москвы мне не хотелось уезжать: рядом не будет тренера, но выхода другого не было.

Летом на Спартакиаде РСФСР я заняла второе место, проиграв Лизе Дементьевой только 0.5 секунды. Чуть позже, через пять месяцев, она станет чемпионом XVI Олимпийских игр, а я даже не попаду в состав сборной команды для подготовки...

Почему? Все по той же причине: в меня не верили. А может, не хотели верить? Дело прошлое, но, передумывая все заново, полагаю, что просто хотели выбить из команды. И нашли метод: Лизе предоставили возможность спокойно готовиться к Спартакиаде народов СССР, а меня почти каждый день заставляли выступать на контрольных соревнованиях. До тех пор, пока не выдержу и сойду сама. Что правда, то правда: как говорят — из песни слова не выкинешь. И сейчас, перелистывая свои старые записи и уже обладая опытом тренера, никак не могу обосновать необходимость всего, что когда-то было проверено на мне...

Я стартовала дважды — по ветру и против. И стоило после трех побед один раз проиграть, как тренер Шубин сразу же вывел меня из состава команды. И снова ничего не оставалось, как выступать в личном

зачете. Везло мне на этот зачет. Снова пополз слух: «Фадеева перетренировала Середину». Даже мои товарищи по команде «Строитель», увидев, сказали: «На кого ты стала похожа? В щепку превратилась!» Что правда, то правда, я подсохла, стала изящней и в то же время незаметной не оставалась. Кто только не набивался мне в тренеры! Но в своем выборе я была тверда — нет, только Фадеева. А Марии Николаевне доставалось по-прежнему. Если в Калининне меня, занявшую пятое место на Спартакиаде народов СССР, считали героиней, то для меня самой это было поражением. И еще вдобавок Фадееву заставляли выступать в соревнованиях. Не хочется вспоминать, но Сиротинский, в то время старший тренер «Спартака», как-то сказал: «А ну, посмотрите выходной журнал — сколько раз Фадеева брала лодку. Тренировалась ли она ежедневно?» А ведь тогда никто не знал, что лодку она брала для меня. Являлась в шесть утра на базу «Спартак», доезжала до базы «Водник» — это метров 700, и там мы менялись местами — она на плотик, а я в лодку. После тренировки я отдавала лодку и возвращалась домой, а Мария Николаевна по дороге мочила майку для отвода глаз и возвращалась на свою базу. И так изо дня в день, пока тот же Сиротинский не увидел меня на воде, а Марию Николаевну на плотике. Что тут было — ее чуть не уволили! И за что у нас с ней такая судьба?

После Спартакиады народов СССР сезон закончился. И тогда я вспомнила о зиме: я ведь так любила лыжи.

В тот сезон я тренировалась у спартаковского тренера Михаила Сидорова. Его ученики были чемпионами СССР и призерами на марафонских дистанциях. Сам Сидоров самоучка, даже не имевший физкультурного образования, но зато прекрасный тренер. Я много знала тренеров со специальным образованием, но

такого стремления к знаниям я не видела ни у одного из них. В тот год ему доверили готовить сборную команду города к крупным соревнованиям. Сидоров составил для меня годовой, месячный и недельный планы по лыжам и запланировал ожидаемые результаты. Одновременно я усиленно готовилась к выступлениям по гребле и много внимания уделяла совершенствованию техники. Лыжная подготовка не прошла даром. Не согласившись с мнением некоторых тренеров, уже четыре года назад посчитавших меня старухой, я показала седьмой результат в гонке на 10 километров на первенстве Центральной зоны, проходившей в Кавголово. Это дало мне право на получение звания мастера спорта. Лыжи я всегда вспоминаю с благодарностью — они научили меня видеть главное и не считать мелочи.

Может, и сейчас кто-нибудь из тех, кто любит предъявлять претензии, не признает условия, в которых соревновались мы. Жили в бараке, в комнате человек 30. Кровати двухъярусные. На первом этаже холодно, а на втором — дым ест глаза. Комната отапливалась дровами через печь, стоящую в углу, и оттого казалось, что дым идет не в трубу, а в комнату. Но мы не обращали внимание на такие детали. В нашей спортивной жизни с каждым годом их становилось все меньше и меньше. Главным для нас оставался труд, как естественный метод взобраться высоко-высоко, на главные спортивные вершины. И если я вспоминаю об этом, то потому, что некоторые спортсмены сегодня так порой капризничают, что иногда хочется взять, да и выгнать их из спорта.

В те годы я много лет подряд выступала за команду Калининской области на празднике Севера. И последний раз выступала в двадцатилетнем юбилейном празднике. Больше не пришлось, я сама выбрала свой путь и ушла в греблю.

Зимний сезон подходил к концу. Я усиленно готовилась к чемпионату СССР по гребле. По-прежнему — заочно: я в Калинин, Мария Николаевна в Москве. В тот год наша команда возвратилась из Мельбурна, завоевав в гребле на байдарке и каноэ две золотые медали: Дементьева на байдарке-одиночке на 500 метров, Харин и Ботев в каноэ-двойке. Две серебряные медали Писарев и Харин и Ботев (двойка) получили, выступая на 1000-метровой дистанции. Две бронзовые — Силаев и Бухарин в каноэ-одиночке (10 000 и 1000 метров). А в 1957 году проводился очередной чемпионат Европы. Сборная СССР готовилась, а я... уже не была членом этой команды. Мне сказали прямо: поезжай туда, откуда приехала, нечего толкаться в сборной.

И вот я готовлюсь в команде России. Здесь еще меня признают. Мария Николаевна написала мне план, но ничего не получилось, поскольку вся команда тренировалась по другому плану. Все, кроме Дементьевой; она олимпийская чемпионка, и ей дано право тренироваться одной. Нашу женскую группу готовил Тетеркин, неоднократный чемпион Советского Союза.

В общем, тренировки по объему и интенсивности были очень маленькими, а зарядку, которую все делали, лучше и не вспоминать. Когда Мария Николаевна приходила смотреть соревнования, то удивлялась, видя, как и я поддаюсь общему течению. Правда, выступила неплохо, была второй после Лизы Дементьевой. Но по-прежнему суровый и непреклонный Рогачев не брал меня в сборную команду страны.

Снова еду домой. Все начали готовиться к Всемирным студенческим играм в программе Московского фестиваля. И опять эти интереснейшие соревнования про-

шли без моего участия. В меня никто не верил. Только Мария Николаевна однажды сказала своим друзьям из команд социалистических стран: «Смотрите на нее, точнее знакомьтесь — вот это будущая звезда». Румын ответил: «Что ж, поживем, увидим», поляк засмеялся: «Пока у нее только форма одинаковая». Это точно, трусы и майка у меня были одного и того же цвета. И я, в общем, на несерьезное замечание обиделась, но Мария Николаевна строго заметила: «Смеяться не надо».

На контрольных соревнованиях перед студенческими играми тренер Г. М. Краснопевцев даже не разрешил мне встать на старт. «Учись у себя в деревне». Под деревней подразумевался город Калинин. И студенческие игры я смотрела с трибун. Мне было обидно за Грузинцеву и Канестяпину. Они опоздали на старт из-за своей недисциплинированности, им пришлось выступать без разминки, и в итоге они остались вторыми. И обе, как и я тоже, из «деревень»: одна из Новгорода, другая из Куйбышева...

А позже на чемпионате Европы они выиграли байдарку-двойку, а Дементьева байдарку-одиночку. В общем зачете наша команда заняла первое место. А я в это время готовилась к чемпионату СССР. В тот момент три участницы из сборной команды были из команды России, и у меня оставался последний шанс — выступать в эстафете. И это право отдали Маше Шубиной, а я опять осталась за бортом. И снова выступала в личном зачете в байдарке-двойке, где мы были только шестыми. Что делать дальше? Как быть? И тогда решение приходит мгновенно. Все! Бросаю лыжи! Любым путем переезжаю в Москву и усиленно тренируюсь, так же, как Лиза, только на байдарке. Она долго оставалась для меня примером. Раньше после тренировки мы не могли спать, столько энергии, просто девать некуда, а она, бедная, приходила и с ног

валилась, а мы ей мешали — пели песни, хохотали. А как она готовила себя к старту! Помню Спартакиаду народов СССР: все сидят, молчат, а она, возбужденная, поет, пляшет перед выходом на воду. Я тогда еще не понимала значения индивидуальной разминки и только позднее поняла: каждый по-разному готовится к старту.

Приехала в Москву, рассказала Марии Николаевне о своем решении. Собираюсь тренироваться очно и просила помочь в организации переезда из Калинина в Москву. Сложностей было много. Но все обошлось, и стала я жить у Фадеевой, в той же маленькой комнате на Ленинградском шоссе, с такими прекрасными соседями. Они создавали все условия для отдыха. После тренировки отдыхаю: лежу, уснуть не могу, слышу, как соседка говорит сыну: «Не шуми, играй тихо, тетя Тося спит. Ей еще на тренировку идти». Сейчас вспоминаю, какие же у нас добрые люди: я ведь была все еще просто перворазрядницей.

* * *

С 1 сентября мы начали подготовку к 1958 году. Трудностей невероятно много. Тренировалась я в группе с ребятами. Мария Николаевна устроилась в детскую спортивную школу города Раменское. Стали мы туда ездить вдвоем три раза в неделю — два часа туда, два часа обратно, а один раз — в воскресенье — ребята приезжали в Москву и тренировались вместе со мной. В этой школе росли прекрасные гребцы, так же как и я, они были одержимы. Позднее Рогачев скажет: «Вот глупцы. Едят толокно, овсянку и бегают по пупок в снегу». Что правда, то правда, овсянку ели и бегали по снегу, проваливаясь по пояс. И работали. Работали! Работали! Работали! Только это помогло в будущем и моим ученикам, ребятам из той же Раменской школы.

Еще пройдет много лет, и в 1973 году они станут победителями чемпионата Европы среди молодежи.

В те годы осенью еще не тренировались. Все говорили — рано и начинали после октябрьских праздников. Водоем пустовал, а мы гребли до отказа. Молодые часто не выдерживали, возьмут с собой чего-нибудь поесть, но где-то на половине дистанции уже все съедят. И потом, когда им станет неважно, я отдавала ребятам свой запас. Бывали и такие случаи: работа забирала столько сил, что подбирали осенние яблоки, плывущие по воде, и съедали. А Яша Костюченко до того себя довел, что не выдержал и на последнем километре сел в катер к Марии Николаевне. У нас был закон: каждую тренировку заканчивать максимальным прохождением 500- или 1000-метрового отрезка. Я закончила, оглядываюсь назад — никого. Возвращаюсь встретить и вижу — Мария Николаевна везет Якова в катере. Ох, как я его ругала! Он уж, беденький, оправдывался, что это Мария Николаевна ему сама предложила. А я злюсь: «Мало ли кто тебе предложил». Все Яша вытерпел, наверное, сделал для себя выводы и позднее попал в сборную молодежную команду на чемпионат Европы и там в байдарке-двойке был четвертым.

В Раменской школе было пять клинкерных лодкоодиночек и столько же с туристическими веслами. А желающих грести много. Мы тренировались в четыре-пять смен. Выезжали в обед и возвращались к 12 ночи. Спортивной формы не было. Поздней осенью босые садились в лодки, там — вода, днища текут. Но с каким энтузиазмом гребли! Посмотришь на этих ребят — глаза блестят от радости. А как поднялась успеваемость в школе! Мария Николаевна из тех тренеров, для которых успеваемость в школе на первом месте. А уж потом успеваемость в спорте. И Костюченко и другие приносили дневники на проверку. Од-

нажды Костюченко аккуратно стер двойки и подает Марии Николаевне. А один из ребят не выдержал и говорит: «А вы на свет посмотрите». И пришлось бедному Яше заниматься дополнительно. В дальнейшем, перед тем как идти на сборы. Там приходилось много заниматься, да еще ходить в чужую школу. Многие ему советовали: «Брось!» Но он не сдался. Яков Костюченко сначала был старостой, а позднее взял на себя руководство всей школой. Вместе с учениками построил два филиала, закончил ГЦОЛИФК, получил звание заслуженного тренера Советского Союза. Из его Раменской школы вышло много хороших людей.

В ту зиму 1958 года все было очень сложно. До конца ноября мы гребли на воде в Химках, а потом все замерзло. И мы перешли тренироваться в гребной бассейн. Для того чтобы прийти к такой мысли, понадобилось поспорить с директором. Из дома выходили в пять утра, приходили туда очень рано. Через весь город ехали трамваем. Все, что недоспала ночью, добирала в трамвае. На стадионе «Красного знамени» был гребной бассейн для четырех человек. Это, если сидеть рядом, вплотную. Для того чтобы нам разрешили в бассейне тренироваться, Мария Николаевна приглашала в свою группу хозяев. Сплошная выгода: мы имеем бассейн без аренды, а гребцы «Труда» получают консультации от Марии Николаевны, которую среди тренеров почитали профессором. И все было хорошо, пока не узнал директор базы. В одно «прекрасное» утро нас туда не пустили. Никакие уговоры не помогли: «Пусть «Спартак» оплачивает время, иначе вам нечего здесь делать».

Что ж, дверь нам закрыли — ищем окно. Мария Николаевна нашла выход: «Ничего, ребята, будем тренироваться в проруби». Я сначала думала — шутит. Нет, Фадеева, когда речь идет об ее любимом деле,

шуток не любит. Тут же, не заходя домой, поехали на базу, взяли лом, вышли на лед. Окололи квадрат 3×2 метра, бросили доску, на доске сделали упор для ног и поставили сиденье. И стали грести. Нам-то тепло, работаем всю, а Мария Николаевна стоит на ветру, ни на минуту меня не оставляет, коченеет от холода. А позднее мы еще одно место соорудили, теперь тренировались вдвоем. Мне так нравились тренировки на свежем воздухе, что позднее, когда построили гребной бассейн, я все равно уходила грести на улицу.

В марте все уехали на юг, к теплу, а меня опять никуда не вызывали. Мария Николаевна говорит: «Это хорошо. Поехали на Ленинские горы, там на спасательной станции будем раздеваться, а лодки будем хранить на улице». — «Вот, — думаю, — здорово, значит, и теперь не отстанем от ведущих».

Гребли в полынье, а иногда не могли от берега отойти, там льдом прихватывало, сначала лед отбивали, выходили на центр полыньи. Все бы хорошо, но пришлось и спасательную станцию покинуть... Во время тренировки я налетела на льдину: тормозить поздно, поехала — думаю, лодкой раздавлю. Ан нет, лед оказался толстым, и я перевернулась, пропустила лед под собой и вплавь к берегу. Для меня ничего, поскольку давно усвоила самое главное — не бояться! А спасатели испугались. Мария Николаевна их успокаивает: «Не бойтесь, все будет в порядке». Вышла я на берег, выволокла лодку и пошла в сарай переодеваться. После купанья захотела им в вахтенную книгу написать благодарность, так они руками отмахиваются: «Ты что, нам за такую благодарность выговор влепят». И все это произошло 8 Марта. У нас давно принято — в праздники тренироваться. Даже на Новый год! 2 мая всегда осложнения — водные сооружения пломбируются. Но мы и здесь ухитрились найти выход. С 30 апреля лодку прятали на улице, во дворе

базы, и в праздники тренировались. Какое же это удовольствие тренироваться в праздничные дни! На воде тишина: ни рыбаков, ни гребцов. Никого! Когда во избежание неприятностей нас выставили со спасательной станции, пришлось идти на другую базу «Торпедо». В апреле мы хотели поехать на сбор Центрального совета «Спартака». У Марии Николаевны уже четыре ведущих спортсмена, она хотела забрать и меня — сделать этого не разрешили, а мне разъяснили популярно: я еще ничто, подключим позднее, когда убедимся, что все идет хорошо. Опять препятствие. Правда, городской совет «Спартака» командировал меня в город Псти. Там все удивляются — и опять к Марии Николаевне с вопросами: «Что ты ее возишь?» Она уже привыкла к этому, только улыбается.

Вышла я на воду, а коллеги — Климачкова и Обидина — ко мне: «Ой, разве так гребут?» Но я уже на реплики внимания не обращала. Поэтому ответила: «Гребу как умею». И вот пришел праздник и на мою улицу — меня допустили к контрольному соревнованию вместе со всеми. Как же это было здорово! Дали мне стартовый номер первый — ну что же, значит, иду первой. Старт раздельный: пока участник не финиширует, второго не пускают. После 400 метров нужно пройти под мостом, оттуда метров 50 до финиша. Из-под моста не видно, что я иду, и один гребец немного помешал. Еще не зная своего времени, дистанцию закончила и попросилась у судей, чтобы меня пропустили еще раз. Они удивились, но согласие дали. Только теперь уже последней. И я улучшила свое же время. Даже в этом случае мой результат оказался лучше на три секунды, чем у Лизы — чемпионки всех рангов. И хотя в протокол записали не лучшее время, мне уже было все равно. Ура! Наша взяла! Но даже и после этого злой гений моей судьбы — товарищ Рогачев не дал нам датскую лодку для гонок, а

в записке на имя спортсмена Звездкина написал дословно: «Дай потренироваться Серединой, когда она (то есть лодка) будет свободна». Что ж. Ипполит Ипполитович, и на том спасибо. За нами не пропадет!

* * *

Мы готовились к чемпионату СССР. Все предыдущие соревнования я выиграла. И вот чемпионат СССР на родном водоеме в Химках. Да неужели я опозорюсь здесь, здесь, где отгрела столько морозных дней? Все заезды прошла с лучшим результатом. Никаких накладок. К финальному заезду готовлюсь серьезно, каждая секунда рассчитана. Если мне нужно подойти к стартовому плоту за две минуты, так оно и будет. Финальный заезд пришли смотреть все соседи, а это ни много ни мало два дома. Правда, об этом я узнала, когда на пьедестале мне вручали большой букет цветов. Все приготовили заранее — значит, верили. Спасибо вам!

Как прошел финальный заезд, не помню. У Лизы я выиграла 0,8 секунды, а прошлогодний результат улучшила на 14 секунд. Вот это да!

А медаль пошла получать в слезах. Нет, не от радости. На стартовом плотике нас собрали, чтобы торжественно вывести на пьедестал почета, и тут Лиза обрушилась на меня. Я никак не пойму за что. И только позднее поняла: ей тяжело проигрывать. Девчата московские говорили: «Тоня, ответь что-нибудь, чего она раскричалась?» А мне стыдно ей что-нибудь сказать — она ведь чемпионка Олимпийских игр. И если что запомнила на всю жизнь, так это ее последнюю фразу: «Ты, да ты всегда будешь видеть мою корму». Действительно, я еще раз ей проиграю на чемпионате мира. Но даже и в том случае корму Лизы не видела, разрыв составлял всего 0,1 секунды.

Итак, я чемпионка страны, меня поздравляют, слова лестные говорят. Даже недоброжелатели и те жмут руку, улыбаются, рта не разжимая. Что ж, пусть будет так. Главное — мы победили. Правда, не обошлось без реплик. Подошла Обидина: «Ну, вот и все, теперь ты, наверное, перейдешь на тренерскую работу». Я от изумления ничего не ответила. Вот тебе и на! Не успела с пьедестала сойти, как уже провожают. Хотя, чего удивляться, шила в мешке не утаишь — уже неполных 29 лет. А потом и это забылось. Зато уж поспраждновали мою победу! Собралась вся спартаковская команда, приехали гребцы из Раменского — самые лучшие помощники и болельщики. Купили два торта «Сказка» и принесли три подноса с чаем. Как же было весело! Ничего не было слышно, каждый хотел что-то сказать в мой адрес. Как за кавказским столом, выступали с тостами, перехватывая из рук в руку стаканы горячего чая. Из столовой шли с песнями. Неожиданно я заметила, что Мария Николаевна прихрамывает. Не успели вернуться домой, как она слегла в постель. Я вызвала врача. У моего тренера на нервной почве отнялась нога. Я ведь выиграла, чего волноваться? Тогда мне еще было непонятно это святое тренерское волнение. Это все меня ждало в будущем...

* * *

После двух дней отдыха мы начали готовиться к чемпионату мира. Неунывающий Рогачев, который даже не был на чемпионате СССР, как обычно имел свое мнение. «Середина выиграла случайно, посмотрим, что будет дальше». И «начали смотреть». Контрольные соревнования почти каждый день или в день по два раза. Встаю утром и сразу к доске объявлений: нет ли списков на заезды. Так называемых «прики-

док» было много. Да и Лиза оказалась похитрее, чем я думала, чаще других объявляла себя больной. Тренироваться тренировалась, а вот на старт не выходила. Зато все контрольные старты я выиграла. Помню только одно: 470 метров мы рублились отчаянно. Точнее: наши лодки шли нос к носу. А последние 30—50 метров Лиза немного сбавляла. Тогда все говорили: она не выдерживает.

Вспоминаю приезд команды в Прагу. В аэропорту с лозунгами и знаменами нас встретила молодежь города. Был митинг, всем дарили сувениры, а олимпийской чемпионке, Лизе Дементьевой, преподнесли большой букет роз. Автобусы отвезли нас в студенческий городок, где разместились команды стран — участниц чемпионата. На столах для каждого участника стеклянные каноисты — символ соревнования. Когда мы пошли на водную базу, пражане окружили нас, хотели поговорить и как можно больше узнать о нашей стране. Возвращаемся с тренировок, а дети встречают нас с корзинами фруктов: «Берите, вам нужна сила. Вы должны победить, мы все за вас болеем». Такое разве забудешь?

На реке Влтава дистанция проходит под мостом. Это очень неудобно для спортсменов. После трехсот метров остается время на один рывок перед финишем.

На соревнования вход платный. Для нас это странно, поскольку мест для сидения не обнаруживаем, хотя на протяжении полутора километров дистанции одни трибуны. Столько народу на соревнованиях по гребле я еще не видела.

До начала чемпионата времени остается немного. Пока ездим на тренировки, разговариваем с соперницами. Естественно, разговор только о соревнованиях. У кого какая скорость, на что надеется, между прочим, результаты сопоставляем все время. Мы еще никогда не встречались и поэтому хотели знать все. Потом

полька Балковьяк спросила у Лизы Дементьевой: «Ну, как ты готова дать бой Ценц?» Ценц — чемпионка мира 1954 года. Лиза смеется: «Я — нет, а вот Тоня...» — и поворачивается ко мне. Я ничего не успела ответить, как Балковьяк засмеялась, помахала руками: «Кончай, видели мы таких». Лиза убеждает ее, что проиграла мне чемпионат страны, а та не верит — мало ли что бывает, такое с кем не случается.

Нам предстояло стартовать дважды, между заездами перерыв полтора часа, а если считать прохождение первой дистанции и разминку перед второй, то остается 55 минут. Что ж, на то мы и сильнейшие, раз выбрали этот двойной путь — в байдарке-одиночке и байдарке-двойке.

Мы репетировали и слишком много участвовали в контрольных соревнованиях и всех обыгрывали. И на главных случилась осечка: позднее, анализируя, мы найдем причину, но сейчас... Что сейчас? Снова проигрыш. Серебро — это ведь не золото... Ночь перед финальным стартом спали плохо, сон некрепкий. Врачи тогда сказали: значит, психологически слабы. Пройдет время — и я докажу, нет, все гораздо сложнее, и когда человек слишком возбужден, он и заснуть не может. Но даже это не мешает показывать высокие результаты.

Лежу в постели, не спится, лежу и думаю: «Вот Лизе хорошо, спит, ни о чем не беспокоится». Так мне казалось, потому что в одно и то же время мы открыли глаза, и обе расхохотались. Она, оказывается, тоже давно не спит. Стали разговаривать. Как не хотелось говорить о гонках, но все сводилось к этому. Потом высунулись из окон: пальцы слюнявили — какой ветер? Мой или ее? Лиза любит попутный, я — встречный. В тот день ветер постоянно менялся. Смотрит Лиза — ее ветер, я — мой. А может, мы просто подзадоривали друг друга. И позже я тоже пойму: не

стоит селить соперников в одну комнату, даже тех, кто выступает в одной лодке.

Когда я впервые села в лодку вместе с Лизой, очень боялась, думая о ее титулах, и гребла осторожно, чтоб, упаси боже, не коснуться ее веслом. А когда это случилось, торопилась извиниться! Лиза все удивлялась: «Что ты извиняешься? Ведь делаешь-то не нарочно. И сели мы не для того, чтобы задевать друг друга, а выигрывать у других».

На тренировках я постоянно молчала и шепотом просила Лизу подсказывать мне, если делаю ошибки, но мы работали дружно и никогда не ругались.

Когда Лиза выиграла одиночку, то уже заранее как бы проиграла двойку, еще не выехав на старт. Во-первых, она стала меня убеждать, что мы устали. Я пытаюсь возражать: «А как мы раньше не уставали?» — «Ну, то раньше, а сейчас устали психологически». Что такое психология, я еще не понимала, да и позднее, когда слышала разговоры, что кто-то психологически не подготовлен, всегда улыбалась. Нет! Если спортсмен хорошо готов, имеет запас прочности, даже при большой психологической нагрузке он пройдет хуже, но не так плохо, чтобы проигрывать.

И тогда в Праге на старт мы вышли в полной готовности, с желанием бороться за первое место. Это сейчас уже все автоматизировано, все, кроме удержания лодки на старте. Пока еще человеческая рука держит лодку. И по команде «Реди» судья — так называемый держатель — должен лодку опустить и руки поднять вверх. Следующая команда «Го» — значит, можно идти. Но каждый гребец хочет уйти раньше, что уже квалифицируется как обман. Обычным глазом это незаметно, но вот лодка с места сдвинулась, и ей дана какая-то скорость. На втором гребке скорость почти максимальная. Но в тот момент судья-держатель не позволил хорошо взять старт и задержал нас.

Лиза повернулась и закричала. На наше счастье, лодка из ГДР тоже сделала фальстарт, и вернули всех. А нас нет, потому что держатель нас не отпускал.. Когда мы сделали замечание, он обиделся и стал объяснять правила. Мы разозлились, и говорим ему по-русски: «Какое твое дело, не тебя снимут, а нас». Но он так и не отпустил.

Что ж, проиграли мы только 0,5 секунды, а первыми были М. Шубина — Н. Грузинцева. Мы много думали об этом. Мы стартовали на первой дорожке, а гонки проводились на реке, где течение оказывает свое влияние. Вроде бы есть оправдание, а проигрыш остается проигрышем.

После чемпионата мира я поняла, какую оплошность я сделала и в финале одиночек: не учла, что в Праге будут грести по течению и прохождение 500-метрового отрезка станет короче. Так и получилось во время гонки. Мне пора начинать финиш, а дистанция кончилась. Так я проиграла 0,1 секунды Лизе, но зато выиграла у чемпионки мира 1954 года и серебряного призера Мельбурна Терезы Ценц из ФРГ.

С Терезой мы еще не раз встретимся на водной дорожке. Позднее она скажет: «Тебе легко, у вас есть конкуренция и можно себя проверять. А что у меня? Никого. Я даже выигрываю у своих мужчин дома. И еще вам хорошо: у вас есть личные тренеры, а у меня нет, не на что мне содержать тренера — слишком дорого». Тогда я еще не разбиралась в хитросплетении буржуазного спорта. Мне было не до этого. После финиша подошел венгерский тренер поздравить не только меня, но и Марию Николаевну. Я удивилась: зачем меня, ведь я же проиграла? А он поздравляет от души: еще бы, новичок — и сразу серебряный призёр.

На этом чемпионате больше всех отличился Бухарин: он победил в двух заездах и стал героем, выиг-

рав у чемпиона мира чеха Вокнера, который занял два вторых места. На заключительном вечере Вокнер всех развеселил, сказав: «Я золото переплавил на серебро, а на следующем чемпионате буду стараться, чтобы серебро переплавить на бронзу». Ему не пришлось это сделать, он оставил большой спорт.

А самый молодой из нас, Хасанов — ему был 21 год — выступал на 10 тысяч метров в байдарке-двойке и страшно горевал: «Нас на старте так избили, что голова и сейчас болит». На старте выстроилось 44 экипажа. Они протянулись от берега до берега, и было так тесно, что в суматохе веслами попадали друг другу по голове, а некоторые сразу сориентировались: первый гребет, а второй отталкивает чужие байдарки.

И еще был прекрасный вечер в день закрытия чемпионата. Нам вручили дипломы и награды. За победу в двойке мы получили большую и маленькую вазу из цветного стекла. Лиза отдала мне большую вазу: «Бери, это твой старт в большой спорт, я заканчиваю, а ты должна стать лидером!» Вот, кажется, пришел и мой день, даже Лиза меня признала, и только Нина Васильевна Смирнова и Ипполит Ипполитович Рогачев никак не могли решиться на это.

На вечере к нам многие подходили, все хотели посмотреть на нас, так мы их удивили своими результатами. Нас рассматривали, говорили, что ничего особенного вроде в нас нет, обычные, как и все, только поскромнее. А врачи сборной команды Чехословакии даже хотели нас исследовать и создать свою команду, похожую на нас внешне. На память женщина-врач подарила нам с Лизой танцующего пирата — на счастье. Мы привязали его к лодке, но позже кто-то взял его себе, возможно, как сувенир. Есть же такие, собирающие майки, шапочки и... пиратов.

Позже, когда мы участвовали на Снаговской рега-

те, врач-японка очень интересовалась нашими женщинами — призерами Олимпийских игр. Что ж, интерес к нашему виду стал заметен во всем мире.

И еще одно воспоминание о том, как нас экипировали на чемпионат мира. Мы с Галей Кораблевой отправились по магазинам, чтобы купить выходные костюмы. Объехали всю Москву — очень уж хотелось на чемпионате выглядеть понарядней. В одном магазине продавщица меня осмотрела: «Что ты ищешь, ты же не стандартная». Я обиделась: вот тебе на — и здесь нестандартная! А потом обрадовалась и даже гордилась: она мне сказала, что у меня руки длиннее обычного, а в гребле это всегда считалось идеалом, значит, на воде можно создать длинную проводку — рабочий путь весла. Гораздо позже это станет тестом, предложенным румынским доктором Попеску по отбору гребцов, а позднее и в нашей стране Хромий подготавливает диссертацию по проверке этих тестов в сборной команде Советского Союза среди взрослых и юниоров.

* * *

По приезде из Праги Мария Николаевна сказала: «Все, наш контракт закончен. Я выполнила свое слово, ты попала в сборную команду и стала мастером спорта. Можешь выбирать любой путь. Ты свободна». Я была так огорчена, что ничего не сумела ответить. Правда, Мария Николаевна добавила: «Отвечай не сразу, подумай и прими решение». Вернулась я домой в Калинин, пошла на базу, увидела второго своего тренера — Сидорова. Он обрадовался: «Когда ты бросила лыжи, я огорчился, думал, что ты теряешь себя в спорте, а теперь горжусь твоими успехами. Труд никогда не пропадает даром».

Я встречалась с друзьями, говорила, советовалась, слушала разные доводы. «Да зачем тебе уезжать из

Калинина, здесь друзья, дом, подумай». А я уже все продумала. И решила остаться в Москве. И тренироваться только у Марии Николаевны. Многие меня осуждали и ругали Фадееву за большие нагрузки. Но так, видимо, всегда и всюду: кто-то должен пробивать дорогу, спотыкаться, падать и вставать, чтобы снова идти дальше. И вести за собой других. Правда, так я еще не думала, это пришло позже.

Побыла в Калининe и вернулась к Фадеевой. Сказала честно и откровенно: буду тренироваться до Олимпийских игр и выполнять все указания. Она улыбнулась: а как думаешь готовиться, какой планируешь результат? Это ее принцип, уж если задуманное ею войдет в сознание ученика, значит, тренеру намного легче. Плохо, если тренер хочет, а ученик нет. Да и не знает, зачем большие нагрузки, к чему соблюдать режим. Позднее случилось и так, когда я незаметно, хоть чуточку что-то нарушу, Мария Николаевна всегда напoмнит тот разговор, и я снова лезу из кожи, чтобы доказать — надо! А пока мы приступили к анализу прошлых лет и плану работы на два года вперед.

Итак, впереди Рим. За основу мы взяли анализ подготовки Елизаветы Кисловой (Дементьевой). Чтобы победить, сначала надо изучить ее положительные, а значит, сильные стороны. Раз поставлена цель выиграть, прежде всего надо быть выше по всем статьям. Сели, прикинули — оказывается, чтобы догнать по объему тренировки, необходимо увеличить собственную нагрузку на 300 процентов. Ого! Это уж слишком! И все за один год. Подумали-подумали и решили план увеличить в два раза, хотя бы по отношению к 1958 году. Но зато показатели по специальной физической подготовке улучшить выше нормативов, составленных научной бригадой. И обязательно выше, чем у Лизы.

Вот так мы настраивались. Думаю, это было серьезно. И сейчас, когда Олимпийские игры 1960 года далеко позади, могу сказать всем, кто собирается на Олимпиады, — надо так! Хотя бы думать. А уж после настраиваться.

Сиюю сейчас, вспоминаю, и передо мной проходят картины подготовки Лизы. Она приходила с тренировки и валилась на кровать. Иногда мне хочется поругаться с некоторыми из тех, от кого только и слышишь: «Что вам, вы ежегодно по нескольку раз в году бываете в курортных местах». Действительно, помотришь на нас, и здоровье и загар, со стороны это всех пленяет. А те, которые так говорят, сами пробовали тренироваться? Мне никогда не нравились спортсмены, уже мастера спорта, которые могут сказать: «Слушай, когда идешь на тренировку, буди, утром спать хочется». Меня никто не будил. В 6 часов утра я всегда была уже на воде. У меня есть цель, и ее осуществление лежит на моих плечах. Правда, в парикмахерских и других учреждениях меня иногда спрашивали: «Вы что, на стройке работаете?» И я, глядя на ровный загар своих плеч, всегда вздыхала: «Да, и если бы вы знали, как там интересно. И хорошо — можно приобрести осанку и даже загореть».

Составив план подготовки, надо было подкреплять работу, думая об энергозатратах. Мария Николаевна прочитала все, где только упоминалось о правильном приеме пищи при больших нагрузках. Для основы выбрали овсянку. Во всех вариантах! Почему? Во-первых, быстро усваивается, во-вторых, калорийна, в-третьих, дешева. Последнее — немаловажно. К этому добавили черную смородину. Круглогодично! Заготовку делали сами, когда ягода дешевая. Плюс мед. Конечно, не отбрасывали и другие продукты, но именно это легло в

основу. Многие над нами смеялись — и в глаза и за спиной. А у нас цель — выполнение собственного плана! А вокруг столько соблазнов. Лучшие друзья говорили: «Отстанешь от жизни». Вечерами звали в театр, в кино. А у меня только один свободный день в неделю. И рядом строительство на базе. Мое родное общество «Спартак» начало строить гребную базу. И каждому гребцу положено отработать часы. Придешь на тренировку — подвозят кирпич, а разгружать некому. Директор кричит: «Никого не выпускать на воду, быстро всем на разгрузку!»

Но зато, когда мы построили, то страшно гордились, наконец у нас свои сооружения — бассейн, спортивный зал и не нужно ничего арендовать. Но так нам только казалось... Построили гребную базу для себя, а сами за бортом: зал понравился гимнастам, и его... отдали им. А мы снова арендуем — у других организаций.

Зимняя подготовка прошла отлично, и контрольные соревнования в апреле я выиграла. Но потом... В мае проводился отбор на международную встречу. Это было убийственное поражение — я проигрываю Лизе 9 секунд!! И конечно, не была включена для поездки в Рим на проверку олимпийской трассы. Долго после этого мы с Марией Николаевной не могли спать, все мысли одолевали — как же могло такое случиться? Думали, думали... Гонку на той базе предложил Юра Виноградов из общества «Водник». Они хотели строить гребную базу и открыть детскую спортивную школу. Он и уговорил нас — помогите, выступите для пропаганды гребного спорта. А позднее он же — по профессии водитель речных трамваев — скажет: там есть русло, кто в него попадет, тот и выигрывает. Дорожек не было. Уже потом, когда мы проиграли, вспомнили Нину Васильевну Савину. В 1957 году на чемпионате СССР в Киеве она измеряла шестом глуби-

ну в Матвеевском заливе и на мелях ставила вежи. Лучше обойти мель и пройти лишних 2—3 метра, но не потерять скорость. Тогда я еще не знала этого. И даже деревянные брусочки бросала на каждой дорожке, чтобы проверить скорость течения воды на каждой дорожке, чтобы найти причины проигрыша. И позже, когда разобрались — после гонок приехали на водоем, измерили глубину, — точно, где русло, там нет камыша, а в остальных местах растет. Теперь это каждому известно, что камыш растет на мелях. Больше в моей биографии таких гонок не было. А все-таки обида меня захлестывала. Даже несведущему в нашем виде известно — все происшедшее просто так случиться не могло. Чтобы вот так сразу — и 9 секунд. Если говорить образно, я вроде бы скатилась до уровня новичка. За такими раздумьями, объединенными под лозунгом «Век живи — век учись», и подоспели главные соревнования сезона.

Спартакиаду народов СССР я выиграла с хорошим временем, и одиночку и двойку с Лидой Климачковой. Это был уже успех! После спартакиады отобрали команду для участия в чемпионате Европы. Как и в прошлом году, я — на байдарке-одиночке, в двойке — с Лизой Кисловой.

На международных соревнованиях в Милане Лиза неожиданно проиграла, и пресса тут же распелась на все голоса: «Русская проиграла итальянке», «Итальянки готовятся во всеоружии принять гребцов на Олимпийских играх», или: «Русские не торопятся показать высокие результаты». Все мы удивились поражению Кисловой, а когда она вернулась и рассказала, в каких условиях она выступала, — многое прояснилось — волна накрывала ее с головой.

На чемпионат Европы 1959 года в Дуйсбург мы прибыли уверенными в себе. Особенно ликовала я — со мной летела Фадеева. Всех наших женщин разме-

стили в Доме дружбы, в одной комнате пять участниц и два тренера. Страшно неудобно — уж слишком мы все различны, но пришлось мириться.

Вышли на тренировку. Естественный водоем, отобранный из трех прилегающих озер, длиной 2,5 километра, хоть прямую линию проводи. Неудобство: с левого озера по ходу задувал ветер и первым дорожкам создавал помехи. Позднее, в 1967 году, здесь поставят машины-амфибии, и они преградят путь ветрам, не выпуская на ближайшие дорожки волну. А еще позднее построят земляной вал. Берега высокие, все в деревьях. А вода прозрачная и тихая. Соревноваться на таком водоеме — одно удовольствие. В перерывах между заездами рядом с нами утки с утятами.

Каждое движение советских гребцов фиксируют. Еще в 1958 году в Праге нашу тренировку засняли на кинолентку. Позднее съемку стали делать и во время соревнований.

Когда мы готовились к финальному заезду в двойке, перед стартом узнали, что стартуем на 20 минут раньше. Мы заволновались. И все потому, что на нашей лодке ребята шли 1000 метров. После них мы не успевали пересечь в лодку и пройти всю дистанцию, оставалось только 12 минут между их окончанием и нашим началом. А для разминки необходимо минут 40. Тогда поляки и предложили нам свою лодку — их девушки в финал не попали. Мы с удовольствием приняли их предложение, тем более судно стандартное, датской фирмы. Правда, нас предупредили, что груз из лодки выброшен. Каждая лодка-двойка должна иметь не менее 18 килограммов веса. Идем взвешивать, у весов судья-немец. Взвесил и говорит — «цу вениг», мол, недостает. Лиза тут же снимает шапочку, насыпает в нее песок, завязывает, бросает в лодку, оказывается, ровно 18 кг. Все — имеем право! Положили вес под сиденье и отправились. Гонку выиграли легко и

уверенно. Когда подошли к плотнику для взвешивания, судья-венгр выхватил шапочку с песком и хотел выкинуть, Лиза хватает свою шапочку и начинает кричать. Все забеспокоились. А здесь уже спортивное счастье: судья-немец не отказался и подтвердил: «Да, они при мне взвешивали лодку, добавляли груз, поскольку стандартного веса не было, и груз они положили под сиденье. Дистанцию шли с грузом, к ним никто не подходил». Только благодаря честности судьи мы смогли встать на верхнюю ступеньку и получить золотые медали. Бывает и так. Позднее, когда мы поедem в автобусе, поляки будут гордиться: «Вы знаете, у нас ведь тоже есть свои чемпионки. Правда, одна, да и то лодка, но мы все равно гордимся».

* * *

После чемпионата Европы я уехала домой недовольная; как же это получается, все у меня какие-то неполадки. И еще обидно: имею такие результаты, а звание мастера спорта мне не оформляют.

После чемпионата Европы сезон закончен, можно отдохнуть, а мы с тренером решаем — нет! И начинаем подготовки с 1 сентября. Мария Николаевна смеется: «Опять первый раз в первый класс. Никак ты не можешь выйти в лидеры, хотя тебя и признали. Что ж, пойдем дальше». Все нормально, тренируемся много, и вот однажды тренер мне говорит: «Не пора ли тебе поступать в институт. Время идет, а у тебя только среднетехническое образование». Все правильно — учиться надо. Но времени нет. После работы вечера сполна отданы спорту. Можно тренироваться и рано утром, но очень уж нам хотелось попробовать еще раз: а может, сезон будет счастливым, и я попаду на Олимпиаду. Позднее Рогачев еще скажет: «Если Лиза тебе будет проигрывать примерно до двух секунд, не

более, поедет она, потому что официально на чемпионатах мира и Европы она тебе не проигрывала. А ты что? Выигрываешь только в стране, а за рубежом — проигрываешь». Что ж, если нас с Фадеевой не признает государственный тренер, работать надо еще больше. По всем показателям общей физической подготовки я уже была на голову выше и занимала первые места в контрольных соревнованиях. Как-то Нина Грузинцева спросила: «Слушай, а почему ты выигрываешь, если утром я больше тебя делаю зарядку?» Да, действительно так. Но для меня это уже пройденный этап, и все внимание я уделяю специальной подготовке. Если отсчитывать от 1959 года, то все увеличено в объеме и интенсивности на 100 процентов.

Рогачев давно махнул на меня рукой и разрешил тренироваться по собственному графику. Мы и решили: раз увеличили нагрузку, необходимо больше времени на восстановление. И я стала тренироваться рано утром, до завтрака, а вечером начинала позже всех. Вроде бы мелочи, а отдых увеличился между тренировками в два раза. Когда мне понадобилось проверить свои сомнения, я попросилась у Марии Николаевны остаться на дополнительную тренировку. Она разрешила. И после такой тренировки пошел слух: «Вот, Середина собирается на Олимпиаду, а здесь всем проигрывает на старте». Старт действительно у меня был неважный. Правда, никто не обратил внимания (или не хотели обратить), что я тренируюсь со всеми после основной тренировки. Как-то тренер по академической гребле Игорь Николаевич Поляков удивился: «Тоня, что с тобой? Столько работаешь — да ты должна у них по 50 метров выигрывать. Нехорошо».

Перед контрольным стартом долго обдумываем план. У меня шестая дорожка. Предупреждаю Тасю Воробьеву и Нину Моисееву, чтобы они дали мне свои номера. Они — нет, ближние воды лучше, там меньше

течение. По седьмой стартует Канистяпина — призер чемпионата Европы в байдарке-одиночке 1957 года и чемпионка Европы в байдарке-двойке. Она вернулась в спорт после годичного перерыва, но гребла хорошо. Перед заездом еще раз просила девчат, чтобы мне поменяли дорожку: «Посажу на корму — не обижайтесь». Я была злая и хотела многих проучить. Старт! За 100 метров я ушла так далеко, что мне хватило времени перейти с шестой дорожки на третью. С задачей справилась. Арбитр соревнований Петерсон кричит в рупор: «Отрулись. Ты снята». А я про себя улыбаюсь: «Можете снимать, медаль мне не надо, а скорость я уже показала». В раздевалке девчата меня поздравляют, а главная конкурентка, которую опасалась, держится за сердце и спрашивает: «А сердце у тебя не болит?» Отвечаю честно: «Нет». Итак, первая победа! Пока моральная. Через два дня на одной из тренировок наш гребец Звездкин приглашает меня на тренировку. Надо проходить через плотину и маленький шлюз. Створки шлюза открыты, и Звездкин, не останавливая лодку, проскочил, а я его ждала. Он и говорит: «Иди, проскочишь, не бойся». Я пошла, но скорость уже маленькая, а сил не хватило протолкнуть лодку вперед из шлюза. Меня с лодкой прижало к стояку, а течением воды стало лодку раздирать на части. Нос лодки тянет вниз по течению, а корму — назад в шлюз. Слышу, лодка трещит. Я выскакиваю и переворачиваюсь. Трос, которым мы управляем, вырвал руль и румпель, а я вынырнула уже за шлюзом. Пока вышла на берег, Звездкин собрал две половинки лодки и целехонькое весло. Это весло у меня в единственном экземпляре, его мне подарила чешка Дусилава, последний раз выступая на чемпионате мира — мать двоих детей. Обняла меня. «Я бросаю, а ты начинаешь, вот тебе весло». Это весло мне очень понравилось. А пока щепки от моей лодки собирают гребцы-

академисты, сама я выжимаю из себя воду... Вокруг поля, без кустиков. Народу на это зрелище налетело. Кое-как отжалась. Начальник шлюза дал мне «газик», и всю в слезах доставили на базу. Мария Николаевна еще не успела уехать, а Рогачев злорадствует: «Что ж, больше лодки не будет». Мария Николаевна успокаивает: «Ничего, как-нибудь дотренируемся», а Звездкин до того переживает, что предлагает свою. И только Игорь Николаевич Поляков смеется: «Радуйся, посуда бьется к счастью». Ничего себе — счастье!

Мама правильно учила: коллектив не оставит. Так и сейчас. До сих пор не могу забыть все, что сделали для меня. Тренировку я продолжала на лодке Владара Звездкина, он все время чувствовал себя виноватым: «Тонечка, не ругай меня, не вспоминай мне это, только шуруй вовсю! Я не попаду на Олимпийские игры, а тебе — надо. Это обязательно». А позднее и Рогачев засовестился, отказался от своих слов и дал мне право выбрать датскую лодку. Вот то было радости!

Так незаметно пролетела осень. Мы встретили Новый год — олимпийский 1960 год. Первое соревнование в Ленинграде. Здесь гоняются сильнейшие — первый тур отбора на Олимпийские игры. Подготовка шла нормально, никаких срывов. Жили мы в парке имени С. М. Кирова, ночью спать бы, а вокруг белые ночи. Я впервые видела такую красоту. Лежу, глаза не закрываются, светло, поют соловьи.

Гонки проходили в канале возле стадиона. После полуфиналов у меня лучшее время. Из-за плохой погоды, вернее плохой воды, финалы перенесли на Малую Невку — там тоже ветер, но волна чуть меньше и не заливает спортсменов, но дорожки неравные для всех. Мне досталась третья, Лизе — первая. Лодки подравняли... Пока равняли, Лиза вывернулась в воду. Пока она села в лодку, прошло некоторое время. После второго старта снова вывернулась, но мы уже прошли

стартовый створ 15 метров, где судья возвращать не обязан. На середине дистанции меня подхватила волна и понесла в сторону. Стала финишировать, но догнать Шубину не могла. Она первая, я вторая.

Вместе с Лизой поехали в Ганновер на традиционную регату для участия в международных соревнованиях. Нам необходимо было проверить себя, а заодно и Терезу Ценц с ее напарницей Ингрид Хартман. В те годы они обе были сильнейшими. А до этого заехали в ГДР в гости к немецким друзьям на их базу в Кинбаум. Три озера, соединенные перешейками, в любую погоду тренироваться одно удовольствие. Если на одном волна, то другое озеро тихое и спокойное. На воде дикие утки с утятами. Много рыбы. Ребята ловили ее прямо из окна. Десять дней провели там прекрасно.

Подшло время контрольного старта. У меня вторая дорожка, у Маши Шубиной — первая, у Лизы — третья. У нас с Марией Николаевной давно принято: она сопровождает меня до воды. Перед отталкиванием подмигиваю: не волнуйтесь, все в порядке. А Мария Николаевна молча кивает головой. И все, никаких советов, никаких разговоров.

Рогачев с катера вызывает участниц на старт. Как он выстроил нас — одному ему видно. Второй раз всех выстраивает. Лиза начала возмущаться, предъявлять претензии к Рогачеву: «У вас катер ходит, а не стоит на месте». Я ни на что не обращаю внимания, вся собрана для взрыва и только поглядываю на Машу. Что будет, то будет.

Третий раз команда: «На старт!» Сейчас пишу это, а у самой сердце колотится, как в тот момент.

В ответ на Лизины претензии Рогачев с катера, раздевается, словно на пляже, заходит в воду и уже оттуда дает команду. Смех, да и только.

Какое-то мгновение идем нос в нос: метров через 150 Лиза отстает и садится на мою волну, а мы с Машей впереди. Шли так близко друг к другу, что обливались брызгами с лопастей. Но я почувствовала усталость. Стоило подумать, что Лиза не выдерживает конкуренции и отстает, как сразу стало легче. Ну, думаю, все, надо готовиться финишировать, остается 150 метров. А как Маша? Не отстает? Уже близок финиш. Сейчас или никогда! Решение приходит мгновенно: изменить темп, переключиться на быстрый, за счет укорочения гребка, а потом перейти на свой обычный. Иначе можем финишировать нос в нос, а тогда преимущество отдадут ей. Я увеличиваю темп. Маша за мной делает это машинально. Но я-то специально, и после переключения снова иду на выкат лодки, а Маша при переходе с одного темпа на другой не смогла удержать скорости и на 50-метровом отрезке проиграла мне 1,8 секунды.

Спокойно подхожу к Марии Николаевне — она в бригаде судей на финише, подмигиваю ей, правда, без особых эмоций. И тут узнаю, что ребята спорили, а Хасанов подбегает, поздравляет меня, кричит: «Это победа посильней международной, хотя не дают золотых медалей. И меня поздравь тоже с победой: я выиграла пари».

В Ганновере, на разминке, спрашиваю у Лизы: «Какой пойдешь?» Дистанция размечена хорошо, даже отлично, но буи одного цвета — куда ни посмотри, везде прямая, Лиза шла по пятой дорожке, я — по третьей, Маша — по первой. По четным дорожкам — немки. Я выиграла одиночку и с Машей двойку, и в будущем она останется моей напарницей на Олимпийских играх.

Тереза Ценц осталась четвертой, проиграла всем нашим, а мне даже четыре секунды. В будущем на Олимпиаде я узнаю, что она шла не на выигрыш, а

проверяла нас. Она так и сказала: «Эта Олимпиада у меня третья и последняя, хотелось бы выиграть». У нее уже были все титулы, кроме звания олимпийского чемпиона. Хартман сняла свою медаль, полученную в байдарке-двойке на международных соревнованиях в Италии, а там — с одной стороны изображение Рима, а с другой — ладья с веслами, и дарит мне: «Это тебе, как будущему победителю Олимпиады». Мне не хотелось брать с таким дополнением, и она добавила: «Тогда возьми на счастье». Эта единственная не завоеванная мной медаль хранится вместе с другими.

По приезде домой готовимся к чемпионату СССР. На базе все болеют за меня: «Чего волнуешься? Бог любит троицу, и третий раз выиграешь».

Так и случилось. Я очень люблю воду в Химках. Но до чемпионата СССР чуть не проиграла первенство Москвы. На трибунах сразу шумок: «А еще член сборной команды!» Где-то на последних метрах собралась и дистанцию выиграла с большим отрывом — примерно 5 секунд. Подготовка к чемпионату страны велась жестко — рано утром и поздно вечером. Я без усталости делала все от себя зависящее.

И вот день финала, определяющий состав олимпийской команды. Конечно, всем хочется в Рим. Перед стартом только и слышишь: «Все дороги ведут в Рим». Ведут-то ведут, а как найти свою?

Перед стартом разминалась одна, в эллинг Мария Николаевна не пускала никого. Сделав 15-минутную разминку на суше, пошла выносить лодку на воду. Маленьких болельщиков из Химок набралось много. На них и кричать нельзя, а ласково говорить не могу. И тогда одна девушка скажет: «Идемте обратно, ребята, тете Тоне надо выиграть медаль». Маленькие, а ведь все понимали. Меня они хорошо знали: иногда я давала им нести гоночное весло от плота до эллинга,

а иногда устраивала среди них бег и за первое место выдавала конфету. Иногда играла в баскетбол. Когда с такими поиграешь — быстрее восстанавливаешься после тяжелой работы. Они даже не подозревали, как мне помогают. Иногда они, приходя из школы, приносили дневники и хвалились хорошими отметками.

Разыграли доржки. Только позже я поняла, что претендентов ставили в одни и те же условия, чтобы наверняка определить сильнейшего. Я стартую по седьмой, Лиза — по восьмой, Маша — по девятой. Все рядом. Когда дали старт, слышу крик: «Маша!» Из-за нехватки судей лодки держали мальчишки, один из таких «держателей» на какое-то мгновение задержал ее лодку, и на первом гребке она осталась стоять на месте. Хорошо, что судья Лукатин заметил, вернул и предупредил всех. Второй раз старт взяли хорошо. Мое преимущество выявилось после 100 метров. А выигрыш составил 2,2 секунды.

После чемпионата Союза объявлен состав сборной команды: Середина, Шубина, Грузинцева. Таким образом, мне оказано великое доверие защищать спортивную честь Родины на XVII Олимпийских играх. Это почетно и ответственно. В одиночке надо сохранить звание, а в двойке — его завоевать. Эта дистанция разыгрывалась впервые. Через неделю после чемпионата мы летели в Румынию на международные соревнования. Это была последняя проверка перед Олимпиадой. Гонки проходили на чудесном озере Снагов. Маша от участия в одиночке отказалась и шла со мной в двойке. Я побила рекорд трассы и выиграла у первого номера румынской команды 7 секунд. Первый подбежал Хасанов. Он мне всегда нравился — отличный товарищ. Вот и сейчас на все карманные деньги купил шоколад и угощает: «Ешьте, ешьте, вам сила нужна». Он презирал тех ребят, которые бегали

по магазинам, не зная, что купить, и всегда говорил: «Не тратьте энергию, поберегите силы на Олимпиаду».

Последний сбор перед Олимпиадой в Кавголове. Тренировалась в байдарке-двойке, после того, как Маша шла отдыхать, я еще отрабатывала некоторые элементы на байдарке-одиночке. Мы поставили цель: раз выступаю в двух номерах — должна быть готова на обеих дистанциях.

ОТ ОЛИМПИАДЫ ДО ОЛИМПИАДЫ

Я впервые ехала на Олимпиаду. Все так ново и интересно. Перед выездом нас напутствовали работники Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза. Мне тоже задавали вопрос: «Если понадобится, все отдашь для победы?» — «Конечно, я ведь еду для того, чтобы выиграть».

В Будапештском аэропорту переводчица прочитала нам интервью Бонфальби — ведущей спортсменки венгерской команды. Она не скрывала своих намерений: «Да, у советских девушек трудно выиграть золотую медаль. Но мы приложим все силы и будем бороться». На прошедшем чемпионате Европы она была только третьей. Наши ребята засмеялись: «Слушай, Тоня, может, нет смысла и лететь тебе — желающих все прибавляется».

В Риме встречали нас трогательно. Вечный город был разукрашен и ждал олимпийцев.

Впервые я увидела олимпийскую деревню. Ничего себе деревня — одни многоэтажные дома! Первого этажа нет, дома на сваях, между ними газоны, шезлонги для отдыха, телевизоры. А днем жара, температура до $+45^{\circ}$. Под домом прохладно, можно и отдохнуть. На территории деревни стадион и финская баня. От мужчин мы, женщины, отгорожены колючей

провококой. Забор выше двух метров — если кому-то можно преодолеть, то только Валерию Брумелю. Нам странно смотреть, как прощаются любимые, просовывают пальцы сквозь проволоку и никак не могут разойтись. Тренеры тоже стоят у забора, поджидая своих учениц, чтоб дать очередные указания.

Пришла я в столовую, беру поднос, иду вокруг прилавка. Всего берешь понемногу, а в конце получается гора. Поела досыта — и не знаю, что делать, выбрасывать неудобно. Вижу, идет Хасанов. Я к нему: «Слушай, не бери ничего, выручи, а то все пропадет». А он смеется: «Хочешь, чтобы моя лодка перевернулась?» Больше я уж так не делала: лучше еще раз подойду, чем вот так сидеть и краснеть возле полного подноса.

Озеро Альбано — вот это водоем! Недаром папа римский выбрал это место для своей резиденции. Озеро вулканического происхождения, примерно 2×3 километра. Берега холмистые, все в зарослях, застроенные виллами. А вода? Прозрачная, вглубь просматривается так далеко, как видит человеческий глаз. И еще теплая, как парное молоко. Чудо! Мы пробыли там пятнадцать дней, и это чудо успело показать свой характер. Волны можно было сравнить только с морскими при 5—6-балльном шторме. К счастью, это длилось только один день. Но мы давно привыкли, что любая погода, любая вода не дает гребцам жить спокойно и всегда держит нервы в напряжении. Даже такой водоем, как Альбано.

Живем, тренируемся. Все рядом, все близко, только озеро далеко. Ездим и не ропщем. У каждой команды свой эллинг. Как-то приехали на тренировку — ветер штормовой, но у нас закон: в любую погоду на воду. Ничто не должно быть помехой. Только сели мы с Машей в лодку, а матросы, которые нас обслуживали, остановили: «Выход на воду запрещен». Мы подума-

ли, переглянулись и решили отказаться от тренировки. Не успели отойти и пяти метров, как Мария Николаевна кричит с катера: «Быстрее на воду! Вы что? А вдруг такая же погода будет во время гонок?» Молча садимся в лодку. Теперь все претензии направлены к нашему тренеру: «Мадам Фадеева, нельзя, нельзя — шторм, волна». А Мария Николаевна только машет им рупором: «Нам все можно!» И только позже Мария Николаевна шепчет: «Ох, молодцы вы у меня. В такую погоду гонки никто проводить не будет, но психологически надо было мне вас настроить, — помолчала, — и других тоже». Мудрый у нас тренер.

Что ж, тренируемся первые, все хорошо, работаем от души, глядим, и соперники за нами потянулись.

Все ладно, только вот ездить далеко. И нам предложили днем домой не возвращаться — отдыхать и обедать в резиденции папы римского, прямо здесь, на берегу озера. Попробовали — не понравилось. И не только нам — всем, кроме американцев. На даче нас обслуживали монашенки, воду питьевую подавали в серебряных кувшинах. Говорить и смеяться громко нельзя. А кровати: металлические, матрацы жесткие, одеяла войлочные. Белья и подушек не было. И все вместе мы размещались в холле, один повернется, все вокруг просыпаются. Решили — это не для нас, лучше два раза ездить в день по 120 километров, чем отдыхать в таких условиях. Зато вечером мы отводили душу на мультфильмах — хохотали до колик и забывали обо всем.

26 августа начались предварительные заезды. Я все приглядывалась к ребятам из американской команды — как они? С ними вместе тренировались девушки. Мне все хотелось разузнать: а как же гребут американки, но проверить их на ходу стеснялась и решила присоединиться к ребятам. Они шли не очень хорошо, и я, как хотела, сбрасывала их с волны. А вот амери-

канок поймать на воде никак не удавалось — мы уезжали обедать в деревню, и они тренировались позже нас. Как-то в душе кто-то мне и говорит: «Антонина, а знаешь, американка Глория идет 500 метров за 2,03 секунды». Я промолчала. А в душе заскребли кошки. Как же так, если даже я ни разу не проходила эту дистанцию за 2,04—2,05? Вот это да! Позднее они проведут пальцами по губам и тем самым как бы скажут, что это болтовня. Ведь мое время на отрезках засекали все... После разговора не выдержала, решила пройти в полную силу, чтобы проверить свои возможности. Мария Николаевна согласилась: «Хорошо, только при идеальной погоде». На вечерней тренировке она, наконец, увидела американок и успокоила меня: всё, что говорят — «утка», они не конкурентки». А на другой день погода выдалась на славу, и мне разрешили идти в полную силу. Для меня это последняя репетиция. Я прошла отлично — 2,02. И до ужаса была рада: такого времени я еще не показывала. Ну, теперь все в порядке. Но это время засекли и другие. Что-то, а следить друг за другом мы, гребцы, умеем.

Накануне взвешивали лодки. Моя лодка всегда немножко легче нормы. Кладу груз и смотрю на весы, а судья говорит: «Тонио — меня так называли итальянцы, — клади больше, тебе все равно нет равных». Вот тебе и на! После полуфинальных заездов ко мне подошел фоторепортер и объяснил, что ему надо раньше всех дать в газету фото. Я отвернулась и позировать не стала. Он обиделся и стал говорить: «Ты что, суеверная?» Рядом стоял председатель Центрального Совета Союза спортивных обществ и организаций Николай Николаевич Романов. Он отвел фоторепортера в сторону, а мне на прощание сказал: «Ну, ни пуха, ни пера». А тут еще мое гоночное весло—чешское, когда-то подаренное Душиловой, сломалось. Ремонт

весла занимались наши мастера, но неудачно. Итальянцы склеили все, как надо, но я уже боялась брать старт. Мне все время казалось, что оно сломается снова... И тогда мой давний знакомый — чех Чепчанский — предложил свое весло. Они его переклеили, удлинили, как мне нужно. Когда он отдавал, то для моего спокойствия даже гнул в колесо, проверяя качество склейки. Но весло держалось, и все равно он тоже переживал: а вдруг что-нибудь случится. По сравнению с моим оно все-таки грубоватое, но другого выхода не было. Последние два дня я гребла разными веслами, то одним, то другим. И тогда у Марии Николаевны терпение лопнуло, и перед последней тренировки она приказала взять новое весло, а старое сдать в судейскую коллегию на всякий случай... Если уж сломается на старте чешское, чтоб могли дать мне мое старое. По нашим правилам, кроме судей, никто не может передать весло гонщикам.

Предварительные заезды прошли хорошо. Мое время лучшее. Между Терезой Ценц и мной разрыв 0,9 секунды. А ведь мы шли в разных полуфиналах и свои заезды выиграли. Все меньше и меньше времени до финала. Когда мы приехали в Рим, я чувствовала себя хорошо, а теперь что ни ночь, сплю плохо, только проваливаюсь в дремоту. А может, жарко? А может, волнение? Все только и спрашивали меня: «Будет золото?» А некоторые говорили просто: «Да что ей? Пора судьям отдать золотую медаль, а разыграть только серебро и бронзу».

День финала! В сборной команде СССР пока нет ни одной золотой медали. В коллективе чувствуется напряжение. По русскому обычаю перед выходом мы сели. Помолчали. Встали. Пошли. У автобуса народу! Я и не думала, что так много болельщиков поедет с нашей командой. Молча киваю тем, кого знаю. Подали автобусы. Со мной рядом легкоатлетка Тамара Пресс

и фехтовальщица Шура Забелина. А рядом команда из Федеративной Республики Германии. Рядом главные соперницы Ценц и Хартман. Стараюсь не смотреть в их сторону. Стараюсь молчать. Тамара что-то рассказывает, а я даже не слышу. Вроде бы должны приехать, а все нет и нет, начали выяснять у шофера — оказывается, он заблудился и едет не по той дороге. В тот момент я чуть не сорвалась и не наговорила глупостей. Но Тамара помогла, стала успокаивать, приводила пословицы, поговорки, а потом неожиданно спросила: «Слушай, а чего, собственно, ты волнуешься? Посмотри, Тереза сидит, а ведь ей тоже стартовать и вместе с тобой разыгрывать медаль».

Бедняга шофер действительно не знал дороги. Машин для обслуживания олимпийцев не хватало, и шоферов пригласили из других городов. Этот чуть ли не на коленях у нас просил прощения: «Не заявляйте в директорат Олимпиады, они меня уволят, а у меня трое детей». В общем проехали километров двадцать пять лишних, и, хотя за окном был Рим — Вечный город, прогулка оказалась не из лучших. Ах, если бы не финал, надо бы ему спасибо сказать, ведь возил он нас по таким красивым местам.

Пришли в раздевалку. За стеной Мария Николаевна полирует лодку и ждет меня. Нина Грузинцева отдыхает в шезлонге, Маша Шубина дожидается своего часа. Я выхожу из раздевалки и встречаю Ингрид Хартман, напарницу Терезы Ценц. Она меня останавливает, вроде хочет что-то сказать. Останавливаюсь, здороваюсь подчеркнуто официально — за руку. Она и говорит: «Хочешь, я тебе скажу, как пройдет гонка?» — «Что ж, давай». Она берет на моих руках два пальца: один — четвертый — это моя дорожка, а второй палец — пятый — это дорожка Терезы. Стою и смотрю: будем стартовать нос в нос. Потом останавливает мой палец, вытягивает пятый.

«Э, не так, не пойдет! — Я сжала пальцы да так, что она ни один не могла вытянуть. — Дудки!»

Ингрид машет рукой и добавляет: «Кукен» — по-немецки это «посмотрим». А я от злости чуть не плачу. Мария Николаевна увидела меня, догадалась, наверное, вопросов не задает. Иду разминаться. Затем вместе с Никой вынесли лодку, и я, как обычно, мигнула своему тренеру, а Мария Николаевна, как всегда, кивнула головой. Разминаюсь, а у самой все внутри кипит. В зоне разминки находился плавучий ресторан, и там отдыхающих много. Почему-то все там кричали. А может быть, мне это казалось: «Антонио, Советик!» Я повернула голову, не останавливая лодку, и кивнула им. И так обрадовалась, даже заликовала. Думаю: «Вот это да! Столько болельщиков — и все за меня. И за нашу страну. Нет, подвести нельзя». Подхожу к лодкам, здороваюсь с Терезой. Нас приглашают на старт. Спросили о готовности и выдвинули лодки вперед. Напряжение возрастает, и чувствую, как от волнения друг об друга стучат собственные колени, и это волнение передается лодке, и от нее отходят небольшие волны. Скорее бы, скорее бы. Секунды тянутся годами!

Старт! Мы с Терезой — нос в нос. А полька Валковяк уже на корпус впереди.

Вот это да! Хорошо, что не Тереза! 100 метров, 150, 200, и все нос в нос. Как уйти, не знаю. Никогда не начинала финиш за 250 метров, а здесь решаюсь. И что же? Выдвигаюсь лишь на корпус. Тереза мгновенно садится на мою волну. Этого я не учла, шла близко к ее буям, а за 100 метров до финиша начинаю видеть нос ее лодки. Даже не посмотрела, даже не повернула головы, только где-то почувствовала краешком глаза. От остальных мы давно оторвались. Что делать — не знаю. Начинаю прибавлять. Ничего не получается. Чувствую, корпус падает вперед, необходимо подняться. Командую сама себе: «Подними, под-

ними». А как? Тереза все ближе и ближе. Сразу возникает мысль: нет, наверное, не могу выиграть, напрасно меня поставили. Ведь проигрыши у меня были на чемпионате Европы и мира. И мгновенно в голове проходит вся моя жизнь: сначала детство, такое тяжелое детство. И тут же кричу себе: «Нет, нет!» Позднее мне скажут: мы же тебе кричали, неужели не слышала? Я тогда ничего, ничегошеньки не слышала...

Гонг! Еле-еле перевожу дыхание. Поглядываю вправо, мне показалось, что я на корпус была впереди. Но что такое? Она идет взвешивать лодку первая. И полька Валковьяк взвешивает.

Как же так? По нашим правилам первым должен взвешивать лодку победитель. Остальные ждут своей очереди. Подхожу к весам, ставлю лодку. Нарушений нет. У всех все нормально, только цвет медалей окажется разным. Садимся в лодки, отправляемся к плоту награждений. И вот здесь все пропускают меня вперед. Я возражаю: говорю и показываю, пошли вместе. Так и гребем мы с Терезой вдвоем, остальные по бокам — словно эскорт. Подошли к плоту, выходим. Матросы убрали лодки в стороны. А на трибунах такая тишина, что, кажется, птица летит, и то услышишь. На табло горят цифры и фамилии. Светятся все фамилии начиная с третьего места. И дальше. Первое и второе места вакантны. Ищу глазами Марию Николаевну. На трибунах тысячи людей — попробуй найди. Нет, вот она! Нашла глазами, а улыбаться боюсь. Мария Николаевна показывает мне один палец. Я пожимаю плечами. Она даже сама испугалась. А вдруг ошиблась? И пока диктор не объявил, я не поверила и поздравлений не принимала. Смотрю на табло, а там все пусто. И только когда зажглись цифры: страна — СССР, фамилия — Середина, и это выше всех, а Тереза — ниже... Что со мной произошло, не знаю. Такое творилось, что описать трудно. Хотелось просто сесть

и никуда не идти. Казалось, все отдала и сил больше нет. Тереза первая поздравила меня, и тут же началась торжественная церемония. Заиграли фанфары. Мне вручил медаль президент МОК — Эвери Брендедж. А потом играли гимн моей страны. Как я гордилась! Стояла с поднятой головой и глазами провожала красный флаг. Затем схватила медаль и побежала к Марии Николаевне и тут же снова в лодку и гребу на базу. Когда шла обратно, все люди на трибунах стоя приветствовали меня, а наши туристы кричали: «Браво, Тося!» Я кланялась благодарно, а мысленно уже была на второй дистанции. Маша Шубина обнимает: «Нам обязательно надо выиграть и вторую. Это же почетно!» На месте старта Мария Николаевна уже перекрыла доступ корреспондентам, репортерам и дала мне отдохнуть. Время подниматься, идти на вторую разминку. Маша говорит: «Ты не ходи, я одна разомнусь». Вот тебе на! Целый сезон репетировали двойной заезд, а здесь поблажка. «Маша, ты что, забыла, нам вместе надо». Она мне в ответ: «Нет, нет, пойдём». Размялись, выносим лодку. Проводили нас тренеры — Мария Николаевна и Шубин. Почти команду: «Разминаемся, как всегда». На разминке все нормально, а вот на старте нет. Шли мы по восьмой воде, Тереза и Ингрид — по второй, по первой — венгерки, по четвертой — польки.

Все хорошо, сильнейшие идут слева. Я Маше шепчу: «Ты чуть глаза коси после того, как возьмем старт». А косить-то нечего, на старте нас задержали или мы сами замешкались и вышли последние. Вот уж где пришлось поработать! Вначале я даже не чувствовала, идет лодка или нет, решили: ва-банк! Можно было не стартовать, вернули бы, но боялись весла поднять, а то поднимешь — а вдруг судья не увидит. Тогда все пропало. А здесь еще можно кое-что сделать. И мы сделали! После 250 метров посмотрела влево.

Мы уже впереди. Стало легче. А потом Шубин стал нам свистеть, и под его свист мы финишировали. Получилось здорово. Здесь фотофиниш не понадобился, мы выиграли 2,8 секунды! Честно говоря, я уже не испытывала той радости, как Маша и все вокруг. Я выполнила свой долг. И за все это, за огромный труд Марии Николаевны — земной ей поклон, что сумела довести меня до таких высот.

Все поздравляют, обнимают, а я почему-то серьезна. Но больше всех радовался Чепчанский: это его весло выиграло две золотые медали. Схватил меня, поднял и минут пять кружил. Ни одна гребчиха ни на одной Олимпиаде не может две золотые медали завоевать — обычно или золото и серебро, или золото и бронзу. Николай Николаевич Романов пригласил меня в свою машину. Но я отказалась: «Нет уж, поеду, как все, автобусом, так же, как ехали сюда».

Председатель Спорткомитета СССР и руководитель олимпийской команды Николай Николаевич Романов пользовался большой любовью и уважением. Он знал каждого ведущего тренера и его ученика по фамилии и имени-отчеству, а если встречал ученика, обращался по имени-отчеству, спрашивал о здоровье тренера. Не успели войти в деревню: все уже знают, обнимают, целуют, в глазах некоторых слезы. Расспрашивают: как, чего? Кричат: молодец! В этот же день Вера Крепкина завоевала золотую медаль в прыжках в длину, Витя Капитонов был первым в гонках на шоссе. Тот день оказался урожайным не только для меня. И еще все говорили: «Это твоя медаль открыла счет золоту». Если бы вы знали, как это приятно! И ни разу, ни на секунду мне не забылось Химкинское водохранилище, мороз, сосульки на остывающем весле...

Все прошло, отдыхать не хочется, какое-то возбуждение. Ничего не хочется делать — побыстрее бы домой.

На второй день победителям вручили значки заслуженных мастеров спорта, памятные призы, гвоздики, торты. Мне — два торта. Спасибо кондитерам! Я даже кусочка не отведала — не люблю сладкого, зато друзья и болельщики остались довольными. Потом было много тортов, когда наша команда выиграла 33 золотые медали.

Все! Отдых, отдых, больше ничего. На другой же день принесли итальянский журнал, а на обложке мое фото, и всюду просят автограф. Ни шагу не пройдешь — все показывают на меня. Первое время я стеснялась, а потом... кажется, привыкла.

А какая была встреча дома, в Москве! После выхода из самолета состоялся митинг. Все прекрасно! Но лучше всех меня встречали ребята из Раменского. Директор детской спортивной школы приехал на «Волге» и отвез домой. А ребята — какие умницы, — все как один приехали в аэропорт и привезли цветы.

По приезде в Москву меня стали приглашать на встречи — всем хотелось узнать больше, чем прочитали в газетах. Было много приглашений на предприятия, в школы. Строители строительной организации из Петрозаводска пригласили в гости — телеграфировали: все расходы берем на себя, приезжайте, посмотрите, как живем, какие строим дома, в Кижии съездим. А у меня совсем не было времени. И тут же Центральный совет «Спартака» попросил выступить на соревнованиях ВЦСПС в Херсоне. И опять много цветов, встреч. И после всего этого, так размягчающего душу и сердце, надо соревноваться. Сюда же, в Херсон, пришла телеграмма о награждении Марии Николаевны орденом Трудового Красного Знамени, меня — орденом Ленина. Опять поздравления. И снова выхожу на старт. В байдарке-одиночке выигрываю, а в байдарке-двойке проигрываю. Обидно! Как не вовремя.

Уже позже, когда сошла волна послеолимпийского

внимания, я смогла во всем разобраться. Да, мне помогали многие люди своим добрым отношением. Без их помощи никогда бы не победить. Один ничего не сделаешь. И я горжусь тем, что росла в хорошем коллективе. И никогда не изменяла ему от начала и до конца. И весь путь в спорт прошла с одним тренером под одним флагом общества «Спартак». Много было соблазнов и предложений, но я оставалась верна обществу, тренеру и себе.

* * *

Не успели вернуться домой, Мария Николаевна уже говорит: «Хочешь выступить в следующем году — пора приступать к тренировкам». И мы начали готовиться с 1 октября. А позднее, уже в январе, я отдыхала в сочинском санатории «Кавказская Ривьера». Однажды меня вызвал главврач: «А что это вы делаете на балконе?» — «Занимаюсь». — «Как? И чем?»

А у меня балкон превращен в спортивный зал. Скакалку и амортизаторы привезла с собой. С улицы принесла два кирпича — они заменяли гантели. И ежедневно с пяти вечера, как привыкла, проводила занятия. Как прекрасно бегать по берегу моря! Все пляжи открыты, бегу, сколько хочу. Купалась, загорала. Ночи прохладные, но я спала на балконе в спальном мешке. Со мной в комнате жили четыре женщины из разных городов — они все удивлялись: как это можно? А потом и сами начали вместе со мной.

После возвращения появилось много общественной работы. Меня избрали депутатом Московского городского Совета VIII созыва. Принимала население, ходила с просьбами на предприятия, бывала у своих избирателей. Где искать время? Его оставалось все меньше и меньше. Появились мысли бросить институт. И все потому, что с первого раза не сдала историю. Ну и

стыда набралась! А что будет дальше? Нет, брошу, пусть останусь со средним образованием, живут же другие. И возможно, так бы и случилось, если бы не мой тренер. Мария Николаевна начала стыдить: «Ты думаешь, что всем легко достается?» Она тут же отправилась в институт (правда, не представилась), узнала, какие у меня «хвосты», попросила, чтобы не отчисляли. Когда я пришла за разрешением на пересдачу экзаменов, работники учебной части отругали меня на чем свет стоит: как же тебе не стыдно, мама за тебя бегаёт, волнуется... Институт я окончила. И даже с опережением графика на полгода. Что было — то было. Было очень трудно. Но все госэкзамены сдала на «отлично».

* *
* *

Все проходит. И победный олимпийский сезон тоже ушел в прошлое. Весной 1961 года сборная готовилась к чемпионату Европы в Киеве на Матвеевском заливе. Все было хорошо: и гостиница, столовая и, конечно, вода прекрасная, днепровская вода с песочными берегами. В таких условиях даже жесткие тренировки превратились для нас в отдых. Правда, были и трудности, когда в столовую мы ходили по песочной дороге три раза в день, а это километров 10, и стоило задуть ветру, как приходилось закусывать песком, от которого не спрячешься.

Но все это мелочи по сравнению с теми трудностями, которые ждали команду. Тот год для женской сборной команды был очень тяжелым. Тогда я еще не думала о том, что еще тяжелей будет в 1974 году, когда самой придется за все отвечать.

Оставила большой спорт Лиза Кислова, Маша Шубина ждала ребенка. Сборная команда осталась без двух олимпийских чемпионки. Я как бы со стороны

могла наблюдать, как начинала Люся Пинаева, которая вместе с Грузинцевой составила новую двойку.

А меня пробовали со многими спортсменками, и такой подход некоторых не устраивал, кое-кто поговаривал, что Середина зазналась и уже не знает, кого с собой посадить. Это неправда, в те годы я попросту многого не понимала и все искала лучший вариант. Раз надо, так надо. И в итоге мы отлично скатались с Любой Синичкиной.

Итак, на чемпионате Европы — в Познани — я гребла в одиночке и в двойке с Любой. Стартуя, я вышла со старта последняя, а слышу по радию передают: «Середина, Звёзочка Радецкий первша». В этот же момент диктор поправляется: «Лидирует не Середина, а Грузинцева. Олимпийская чемпионка сегодня не в форме и пока идет седьмой». Седьмой я шла долго и никак не могла выбраться. Может, тому способствовала плохая погода или большая уверенность в победе? Кто знает? Себе я говорила: «Ничего, вы у меня выигрываете на старте, все равно догоню и обойду на финише». Так думала, а вот не получилось. Только метров за 75 до финиша выбралась второй, но Нине Грузинцевой проигрываю. Решила добавить, обхожу Нину и финиширую первой. Диктор снова объявляет: «Середина сейчас лидирует», а Мария Николаевна не верит, боится поднять голову. И все же не выдержала. Посмотрела: действительно, иду первой. Не успела получить медаль, как меня окружили корреспонденты с одним вопросом: «Как вы отрабатываете финиш? В створе вы пролетели, как метеор». Они и не знали, что это у меня со страха получилось.

Получила венок победителя, аккуратно обернула и бережно повезла домой.

В 1962 году я снова смогла стать первой. В том году чемпионат мира отменили и провели вместе с чемпионатом Европы в Югославии в городе Яйцо. Водоем

искусственный, созданный после постройки электростанции, но все как в сказке. Смотришь на воду и думаешь: как будто так и было, без техники и человеческих рук. Вода прозрачная, холодная — из горных рек. Чуть не доглядел при развороте весла, и окажешься там, в глубине, как это случилось с нашей байдаркой-четверкой на дистанции.

После этого чемпионата я стала настраиваться на последний бой, чтобы уйти.

Подготовку к чемпионату 1963 года мы вели в Тракае, на базе «Жальгириса». В те годы это была единственная база, но мы не пользовались ею и жили в спортивном интернате, когда школьников распустили на каникулы. Двухэтажный дом с уютными комнатами, сам городок маленький, тихий, ничто не мешало нам готовиться, а скорее наоборот, сад, площадки, построенные руками детей, вода совсем рядом — все это наилучшим образом благоприятствовало нашему настраиванию и восстановлению после тренировки.

Вокруг озера в любую погоду можно проводить тренировку. И что немаловажно, всегда можно скрыться от «надоедливых» тренеров. А таких у нас всегда достаточно.

Для меня неприятности начались в дни комплектации.

Комплектация лодок — серьезный вопрос, удачные экипажи разрушать нельзя, особенно так легко, как это сделал Ю. Шубин. Он еще не знал, как будет себя чувствовать на воде Маша, его жена, моя напарница по Риму, и после годичного отпуска попросил Фадееву, да и меня тоже, сохранить двойку образца 1960-го. Эталоном была тогда двойка Хведосюк — Грузинцева. Мы дали согласие и заявку отправили в таком составе: Шубина — Середина. Но Шубин не сдержал слова и перед самым чемпионатом уговорил Люсю Хведосюк сесть с Машей. А тренерский совет поддержал его

предложение — так неожиданно для себя и остальных я из основного состава перешла в запас. Вновь созданная лодка проиграла... Я сейчас часто задаю себе вопрос, правильно ли тогда поступили в комплектовании лодок? И время подсказывает — нет. Выигрыш в сумме сотые секунды, а в команде? Исчезает вся срабатанность, чувство хода и характер противника, все это ведь сразу не изучишь. Тот год взбудоражил женскую команду надолго. А ведь этого могло и не получиться, если бы сами спортсменки были принципиальней. А вопрос о том, что надо заканчивать, уходить, оставался для меня главным. Надо же когда-то оставлять большой спорт, хотя это очень и очень тяжело... Мария Николаевна начала готовить меня к уходу постепенно. Может быть, я бы и сама это сделала в 1960 году, но правительственная награда меня подстегнула. Я не могла уйти просто так и должна была добиться еще больших успехов.

Итак, готовлюсь к Олимпиаде 1964 года. Попадаю в команду и в паре с Грузинцевой выигрываю чемпионат СССР. Нина в то время не отличалась дисциплиной. И на этот раз, пора идти финальную гонку, а ее нет — ушла на свидание. Выношу лодку одна, сажусь, потихоньку гребу. Накаляюсь. Через десять минут подхожу к плоту и подсаживаю Нину. Скажем откровенно, для двух заслуженных мастеров спорта так готовиться к старту не показательно. А вообще, подготовка к Олимпиаде в Токио была необычайной... Перед Римом состав определился за полтора месяца, а здесь чуть ли не до последнего дня никто ничего не знал. Перед самым вылетом нас еще гоняли — кто же поедет — наша пара или Хведосюк с Шубиной. Вся подготовка велась на Днепре, в студенческом спортлагере. Конечно, встречаются трудности, всего не предвидишь. Но кто думал, что в этом сезоне будет так сухо в маленьком заливе, единственном месте, где есть

стоячая вода. Воды не стало. На Днепре мешали суда и большое течение. Нам нужно проходить контрольные старты, а водоем, где это происходит, в водорослях. И тогда весь тренерский состав отправился на «сенокос», разделись, стали косить. Пришли мы после завтрака на гонки и удивились — чисто. Вот это тренерский состав! Спасибо им!

Токио. Вопрос решен: в байдарке-двойке идем мы. И вот, когда уже все известно, Нина отличилась. Условия у нас отличные, до базы метров 50. Пока спускаешься вниз, три питательных пункта, бери фрукты, пирожные, мороженое, все, что душе угодно. Перед соревнованиями объемная работа снижается, интенсивность падает, затрата энергии меньше и все, что получаешь лишнее, увеличивает вес. Это и случилось с ней. Уж на что Нина серьезно настраивалась, а вот не удержалась и в мое отсутствие напробовалась всего. А лишний вес — враг скорости. Но все это было потом.

Во время тренировки мы заметили, что американки очень сильны и тренируются невероятно много. Загребной всего лишь 15 лет, она была хорошей пловчихой, но в команду пловцов не попала, и мама ее передала в греблю. И вместе со старшей напарницей они сумели завоевать серебряную медаль впервые в истории американской гребли.

А что досталось нам? Нам — ничего, практически ничего. Мы заняли четвертое место. Все подходили и спрашивали: «Что случилось? Почему так плохо?» А я и ответить не могла. Только наша пресса во всем разобралась быстро: оказывается, возраст помешал мне показать лучший результат.

Наверное, где-то они правы, но именно после той неудачи я заново взялась доказать свою правоту. Нет, дело не в возрасте! Через четыре года я буду еще старше, но все равно попаду в команду и выиграю медаль.

Когда мы возвращались обратно, ко мне подошел один из руководителей, предложил перейти на тренерскую работу. Конечно, возраст, а потом, как он выразился, мои знания пригодились бы для воспитания молодежи, нужна смена. Да, нужна!

Всем нутром я понимала, что он прав, но почему-то снова решила доказать. Уговорила Марию Николаевну. Она согласилась. Так и порешили. Забот у меня много и на работе, и в учебе, и в общественной жизни. Встречи, рассказы, воспоминания. Для меня они были горьки. Я никак не могла примириться с проигрышем. И уж тогда подумала: а смогу ли сама подготовить олимпийца? Найду ли контакт со спортсменами? Может, за этими вопросами как-то спохватилась и стала усиленно готовиться к окончанию института. Кто бы знал, как сдавала практические занятия, — и смех, и горе. Нормы, которые предлагают в институте, мне нипочем. Потому что по легкой атлетике даже сейчас в сборной команде гребцов нормативы выше, чем нужно выполнять в институте. Правда, на экзаменах я не представлялась, а преподаватели, возможно, не знали. А уж если спрашивали, то всегда одинаково: «Это ты в 1960 году блистала?» — я всегда отвечала: «Нет, моя сестра». А в тот день пришла сдавать сразу всю легкую атлетику, все виды. Принимал Р. М. Зотько — хороший преподаватель, очень внимательный, он хорошо знал свое дело. Когда я к нему обратилась, чтобы сдать все сразу, он удивился: «Как это можно?» А я в ответ: «Нет времени, если можно, хочу все сразу». Он начал объяснять, как разминаться. И еще спросил: «Норму знаешь?» — «Конечно». И, ему на удивление, я выиграла все забеги, хотя была лет на 15 старше всех остальных.

Во время школьной практики целый месяц ходила в школу, училась проводить занятия. Все-таки сорок пять минут для старших классов маловато. Работая

в школе, много увидела такого, что в моем сознании не укладывалось. Но что-то во мне и сломалось, я полюбила школу и стала подумывать, а не пойти ли мне после окончания института работать сюда. Уж очень там много девочек с лишним весом. Материальные условия улучшаются, и как же не пропагандировать физкультуру и спорт и не привлекать детей в детские спортивные школы? Конечно же, не обязательно, чтобы они были олимпийскими чемпионами, но здоровыми быть обязаны.

Где-то с 1965 года я стала больше времени уделять молодым коллегам в Раменской ДСШ. Советовала, как проводить занятия в зале и на воде, чтобы не было скучно. Проводила показательные уроки. Втроем — с Марией Николаевной и Яшей Костюченко — составляли планы подготовки. Всем нам хотелось, чтобы школа в Раменском стала передовой. К проведению тренировочного процесса постепенно подключали и научную лабораторию при институте физкультуры, проводили исследования влияния больших нагрузок. И в дальнейшем этот контакт настолько помог, что тренировки строились индивидуально на основании данных научного анализа.

Я старалась помогать другим и готовилась сама. И этой обстановкой была довольна. Старший тренер сборной команды А. Силаев дал мне полную свободу. Все шли навстречу, чтобы я безболезненно ушла из спорта...

В 1965 году чемпионат Европы проходил в Румынии. На Снаговских озерах. Сколько их? Я так и не могла определить, хотя была многократно. И без сомнений можно сказать, все победы румын надо отнести за счет превосходного водоема в Снагове. Вода теплая, даже не идет в сравнение с парным молоком, хотя мелкогато и много водорослей. И приезжих предупреждают, чтобы купались строго в отведенных местах.

На третьем чемпионате Европы среди юниорок, который проходил вместе со взрослыми, мне было обидно смотреть на наших девушек, которые проигрывают. Тогда это было странно, но что делать — в стране еще не было молодежной команды. И все молодые готовились вместе со взрослыми у Н. В. Савина, который практически готовил шесть команд, и молодежь выходила на тренировки во вторую очередь — им все то, что осталось от взрослых. И только позднее — когда официально утвердили чемпионаты Европы среди юниоров — у нас была создана сборная команда и выделены тренеры, отвечающие за подготовку юниоров. Подготовка к чемпионату мира 1965 года велась впервые в Плявинясе. Позднее мы будем часто здесь вести подготовку и в Мюнхене завоюем 6 золотых медалей из 7. Условия на туристической базе и водоем — превосходные. Озеро расположено в лесу, домики вокруг, а на горе так прекрасно встречать восход солнца. Вода в озере зеркальная, и в ней отражается лесистый берег. А грибов и ягод столько, что собрать невозможно. Мы смеялись, увидев, как наши мужчины отправляли посылки домой своим детям.

Тогда в 1965 году в одиночке я пришла второй, проиграла Хведосюк 0,9 секунды. Больше всех за меня болел Николай Федосеев. Это наш шофер, который перевозит байдарки на специально оборудованной машине. Какой же это замечательный человек и как он оберегает лодки! При перевозке везет как живых людей, все боится, чтобы не сделать лишнюю царапину. Так мне и говорит: «Не могла уж маленько подтянуть — эх ты!» В байдарке-двойке опять шли с Машей, Пинаева — с Надей Левченко из Владивостока. В полуфинальном заезде мы показали лучший результат. На пристани собрались девчата из разных стран. И вдруг слышу, полька говорит: «Я думаю, выиграет Пинаева и Левченко, а вторые будут немки». Я не

выдержала и спрашиваю: «А мы же какими?» Ей стало неудобно, она пожала плечами и ответила: «Не знаю». Ах, так! Вышли мы на разминку. Идем по восьмой дорожке. Разозлились страшно. На финише краем глаза я углядела, чуть-чуть отстаем и надо приналечь. Машинально начинаю упираться ногами и слышу, трещит подножка. Нет, нельзя, чтобы подножка сломалась. Развожу стопы и начинаю упираться в подставки. Проходим финишный створ, ничего не вижу, просто на мгновение опустила голову, а когда подняла, все остальные финишировали. Испугалась, думала, что проиграли. Маша говорит: да нет, вроде первые. Не успели помечтать, как диктор объявляет победителей: первыми называют нас. Ну и молодцы мы с Машей, все-таки выиграли 0,2 секунды! Все-таки выиграли! Немки были третьими.

1966 год — год для меня особый. Я закончила институт и поступила в аспирантуру. В том же году выиграла чемпионат мира в байдарке-четверке, а двойку проиграла. Финальный заезд: лодка из ГДР выходит вперед; мы в погоню, достаем, идем нос в нос. Остается каких-то 20 метров до финиша, мы чуть впереди, и в этом накале Маша теряет весло. У нас весло в одной руке держится мертвой хваткой и находится в одном положении, а во второй руке весло крутится, когда лопасти весел развернуты перпендикулярно друг другу. И в руке, где весло должно крутиться, кисть раскрылась больше обычного, и при хвате она промахнулась мимо. Я кричу: «Греби!» Она мгновенно схватила весло, но гребок пропущен. Потеряны десятые доли секунды. А с ним и первое место. Мы — вторые. Этот чемпионат для нас был победным, и было приятно, когда нас пригласили в советское посольство. Сам посол устроил встречу, приветствовал всех победителей, желал крепкого здоровья, счастья и дальнейших успехов.

1967 год — год Спартакиады народов СССР. Моя последняя Спартакиада народов. А потом? Потом трудно сказать, буду ли тренером и сама начну выводить участниц на старт или стану зрителем.

Подготовка к спартакиаде велась как всегда с полной отдачей, но я не забывала свой научный эксперимент в Раменском. Для меня спартакиада прошла удачно. В байдарке-одиночке была второй, проиграла Пинаевой, а байдарку-двойку — с Валею Галковой выиграла. Пожалуй, еще ни разу так не выкладывалась. Валя взяла такой темп, что я еле успевала за ней. А на финише ноги ватные: все отдано борьбе без остатка, и еще одна медаль... Для меня шестнадцатая, а для Вали — первая.

В 1967 году я в последний раз выступала на чемпионате Европы. И хорошо, и плохо. Когда я вступила в большой спорт, проиграла 0,1 секунды, и мне тогда ребята говорили: «Надо же — 0,1 секунды проиграть. Это мигни глазом — и десятой нет». А сейчас? Уже проигрываю 0,01 секунды и получаю бронзовую медаль.

А в байдарке-двойке мы выиграли. Выступала с Людмилой Пинаевой. В байдарке-четверке вместе с нами шли еще Шубина и Левченко, и мы завоевали золото. Не было ни одной участницы, которая бы возвратилась домой без медали.

Вернулись домой, и вроде обо мне забыли, что я «дама в возрасте».

Перед Олимпиадой меня избрали секретарем партгруппы сборной команды СССР. И добавилась работа. В нашем виде в основном люди взрослые, имеющие высшее образование, из них 12 члены партии, остальные комсомольцы. Вся команда — 50 человек. Пришедших в сборную готовим быть достойными наших традиций. Мы приняли в комсомол Юру Филатова, Юлю Рябчинскую, Юру Лобанова, Виталия Слободнюка.

И вот год 1968-й. Гребной канал Сочимилко. Не канал, а чудо с ответвленными рукавами. Эти рукава дают возможность гребцам-байдарочникам в период гонок по академической гребле проводить тренировки. После финала, когда мы завоевали бронзу, проиграв 0,1 секунды венгеркам, Мария Николаевна подошла, поздравила с победой. И здесь, в Мексике, я устроила сама себе проводы. Собрались все зарубежные друзья, наши девчата. Мы знали, что этот старт последний. Люся Пинаева еще скажет: «Так и последний? Ведь нельзя же так сразу бросать: такие нагрузки, а потом ничего». — «Да, такие нагрузки, а потом ничего». — «Ты не выдержишь, будешь потихоньку выступать за клуб, Москву, за общество». — «Нет, идти на соразнования и проигрывать, а диктор будет объявлять твои титулы — лучше сквозь землю провалиться». Больше я не вышла на старт.

ГЛАЗАМИ ТРЕНЕРА

Все когда-то кончается... Думала ли я о том, что настанет момент, когда придется начать новую жизнь? Конечно. И разве только я? Когда же приходят эти мысли? Нет, не в момент расцвета и даже не в час проигрыша. Это возникает как-то неожиданно. Все нормально. Все хорошо. И вдруг какая-то мелочь. Захотела на тренировке догнать и не смогла. Хотела больше пробежать на лыжах, но желание ушло, а разыскивать это желание охоты не появилось. Нет, я не стала слабее, не устала нервно, но случилось что-то такое в моих действиях и моем настроении, что трудно выразить одним словом. Каждый из нас на одном из жизненных этапов это чувствует. Это особенно болезненно заметно в спорте. Забегая вперед, могу сказать, что уже сейчас, в момент, когда я этим переболела и наблюдаю эту неосознанную растерянность у своих подопечных в сборной, я все понимаю. Пришло время, надо уходить... Куда? Мы даже не думаем об этой проблеме, в команде все учатся, меньшинство в школах, техникумах, большинство в институтах. Мы с гордостью показываем на своих гребцов: знакомьтесь — чемпион мира — инженер, чемпион Европы — врач, чемпион Олимпийских игр — химик, чемпион страны — тренер по гребле. Но есть одно «но», которое ни у кого

не отнимешь. Большой спорт — это наше второе «я». Второе? А может быть, первое? Может! Потому что, отдавая себя всю достижению высокой цели, как-то теряешь остальные связи, а эти — самые главные, основные в твоей жизни, настолько прочны, что нет никаких сил разорвать их. Нет сил, нет желания. Я знаю многих, имеющих неспортивную специальность, но оставшихся в спорте. Как и я, они переболели свой отход от активных занятий, но остались с нами. Мне, может быть, легче, потому что я окончила институт физической культуры и уже знала — я буду тренером. Только когда? Где начну? Кто будет моими учениками? Чего они добьются? Смогу ли я подготовить чемпиона страны?

* * *

Много уходит ведущих спортсменов из большого спорта и очень мало остается на тренерской работе. Где-то здесь кроется наша большая недоработка. Мы готовим спортсмена к соревнованиям и не готовим к тренерской работе в будущем.

Работа тренера — воспитателя и педагога — очень трудная. Иногда спортсмен видит несправедливое отношение руководителей к тренерам. За проигрыш ругают тренера, за выигрыш — благодарят спортсмена. И не только благодарят, о нем пишут, показывают по телевидению. А победа должна делиться на двоих. Иногда у ведущего спортсмена не хватает той энергии, которая была в спорте, а на тренерском поприще все надо начинать с нуля. Многие заранее знают: работа тренера хоть и почетна, но трудна — до почета можно не добраться, поэтому большинство идет по пути наименьшего сопротивления. А как бы хотелось, чтобы подготовкой девушек в большом спорте занимались тренеры-женщины. Это значит — меньше приказов,

больше разъяснений. Поверьте мне, для нас — женщин — это очень важно.

Убеждение и еще раз убеждение, потому что там впереди тренировки на грани невозможного. В первые годы своей работы я была как бы болельщиком и, конечно, ошибалась. Тренер не имеет права быть болельщиком, для него все ученицы равны. Надо видеть, вернее, выделять у них ошибки и совершенствовать навыки. Быть во всем справедливым, контактным и, конечно, общительным. Иначе спортсменки замкнутся. А в профессии тренера это полный провал. Поэтому чуть ли не главным в наших обязанностях является знание психики спортсмена и управление ею.

В самом начале моей работы один из тренеров мне сказал: «Зачем тебе сразу идти наверх? Надо начинать с азов — набирай детей и готовь в сборную». Может, он прав? Но я уже занималась с детьми на базе детской спортивной школы города Раменское. И потому я осталась в коллективе сборной команды. Приняли меня хорошо. Правда, Нил Васильевич Савин, старший тренер женской сборной команды, не очень обрадовался. Но это неудивительно, в сборной так же, как и в спорте, новичка следует обкатывать. А Нил Васильевич хотел управлять сам и даже обиделся — почему его не спросили и взяли меня в напарники. Было и такое. Но наши руководители дали мне возможность присмотреться и очень много помогли в работе.

На первых порах мне хотелось все рассказать, все, что я знаю. И мне казалось, что не сделать того, что я просила, просто невозможно. А оказывается, возможно. Конечно, я не думала, что так тяжело работать тренером. Казалось бы — сиди на катере, делай указания, замечания, совершенствуй технику, проводи групповые совместные тренировки. Да, не тут-то было. Ты им говоришь, а они не хотят или еще что-нибудь

выдумают. На первых порах я была очень доверчива к спортсменкам, мне хотелось иметь с ними такие же отношения, как я имела со своим тренером. Так и было, но разница заключалась в одном: я во всем доверялась и рассказывала тренеру, и ей в этом случае было легче планировать нагрузки, добываясь намеченной цели. А мои ученицы были чуть-чуть похитрее, и тренеру, то есть мне, не все говорили. Узнаю я все это только потом, после чемпионата Европы. А как-то мне было смотреть чемпионат, когда мои подопечные проигрывают. Все задают вопрос — почему? Что случилось? Неужели заболели звездной болезнью? Я пока и сама не могла понять. Правда, Галя Кирьянова мне часто говорила: «Вы, Антонина Александровна, и на 50 процентов не знаете нас». Хоть и обидно, но это так. И сказано не для красного словца. Я вспоминаю, размышляю после поражения моих учениц на чемпионате Европы 1969 года, какие мною допущены ошибки. А вывод один: больше работать со спортсменками и над собой. Мои ученицы не выдерживали накала борьбы, присущего крупным международным соревнованиям.

А ведь все отборочные соревнования Галя Кирьянова, Таня Маляренко, Лидия Иванова, Люба Беренева выиграли с большим преимуществом. Нет, я не хочу оправдаться за первый тренерский год. Нет! Но мне хочется, чтобы эти ошибки не повторили мои коллеги. Не мне одной, многим из них после выступлений на соревнованиях приходится переходить на тренерскую работу, пусть не сразу в сборную команду, но какая разница! Все равно — в команду! И я думала, что имею опыт тренерской работы, пусть небольшой, но все-таки, оставаясь спортсменкой, работала в Раменской ДСШ и готовилась к тренерской работе почти четыре года. А теперь...

Долгие ночи меня мучил наш проигрыш, хотя со

стороны все казалось в порядке. Команда заняла общее первое место и выиграла все золотые медали. Но это только на первый взгляд. Пришлось много не поспать, прежде чем сделала вывод, а точнее, найти ошибки. Во-первых, я была не в меру демократична, все не могла расстаться со званием спортсменки. Во-вторых, мое новаторство (большие объемы, высокая интенсивность), принесенные в сборную, — это риск, а рисковать всегда страшно. Я шагнула и обожглась. Хотя у ведущих тренеров и есть поговорка: «кто не рискует, тот не выигрывает». Но все это придет позднее, когда появится личный опыт. И еще одна деталь: я не научила своих учениц думать, заниматься самостоятельно, анализировать проделанную работу. Помимо этого я не знала, что ими не соблюдается строгий режим... Я не могла их проверить, поскольку все жили в разных местах и все без исключения, вся четверка, исходили из своих личных интересов.

Ох, этот год, первый год моей тренерской работы! Даже месяцы. Как они дорого дались!

С мая месяца 1969 года я официально приступила к работе вторым тренером сборной команды СССР. Для команды я новый человек. Правда, с 1968 года я уже присутствовала на всех тренерских советах как секретарь партгруппы сборной команды. А теперь я тренер и, выдвигая свои предложения, стала подавать голос. С самого начала что-то не клеилось. Старший тренер Нил Васильевич Савин все предложенное мной принимал в штыки. Со мной часто разговаривал А. Силаев, в некоторых вопросах поддерживал, но и ругал по делу, указывал на недостатки, но всегда старался нас помирить. Мы не ссорились с Нилом Васильевичем, но что-то было не так.

В 1969 году я уже принимала участие в подготовке к чемпионату Европы. Мы выступили хорошо, и мне присвоили звание заслуженного тренера Совет-

ского Союза. Это я приняла как аванс, прекрасно понимая, что сделано еще мало. Позднее мне скажут, что я перетренировала своих подопечных. И я брошу все и буду искать ошибку: как же могло так случиться? Нет, нагрузки небольшие, все выполнено по плану, а ночью, оказывается, они не спят, гуляют, поют песни. В общем трудно, и только тогда я поняла, что вышла на ту же дорогу, с которой только что сошла Мария Николаевна Фадеева, мой тренер.

* * *

Итак, прошел мой первый чемпионат, где я пребывала в новом для себя качестве. А потом соревнования замелькали, словно в калейдоскопе. 1970 год. Первенство мира в Копенгагене. На этом водоеме наша команда выступает с 1959 года. Впервые вошло в действие новое правило — теперь на каждую дистанцию команда выставляла один экипаж, раньше — два. Это создало большую конкуренцию между командами, поскольку любая, даже маленькая, страна могла выставить полную команду.

А что изменилось у нас? В тот год еще ничего. Л. Пинаева вернулась после декретного отпуска и завоевала право на участие в байдарке-одиночке. В байдарке-двойке оставалась Тамара Попова (Шиманская) — да, та самая, которая в 1969 году завоевала три золотые медали, теперь она гребла вместе с Л. Безруковой, и они же вдвоем, в байдарке-четверке, вместе с Н. Бойко и Н. Вакула. Волнений много. В команде ГДР тоже молодые спортсменки — Петра Зецкорн и Петра Грабовски. Им по 18 лет — какой задор и желание бороться! Прямо рвутся в бой, и это понятно — молодость.

За команду ФРГ, наоборот, выступают опытные спортсменки, двукратная олимпийская чемпионка

Рузвита Эссер с новой напарницей Анни Бойэр, которая была второй на XVIII Олимпийских играх в Мехико в байдарке-одиночке.

Что ж, и наши девчата молоды и задорны и тоже горят желанием выиграть, они чемпионы Европы. Удастся ли? Байдарку-одиночку Люся Пинаева выиграла с минимальным превосходством. Не успели ее поздравить с победой, как девчатам пора идти на разминку. Обо всем переговорили и по русскому обычаю, как перед дальней дорогой, присели. И хотя мы, спортсмены, народ не суеверный, но некоторые традиции воспринимаем от старших, а если точнее, от победителей. Так уж заведено. И вдруг Нил Васильевич на полном серьезе говорит: «Вы не очень-то выкладывайтесь, оставьте силы для байдарки-четверки». Мелочь, а вот в этих словах была потеряна золотая медаль. Я не выдержала и, хотя все еще числилась в молодых тренерах, в разговор встряла и поспорила. А после еще пыталась девчат снова настроить на борьбу. Увы! Это не так просто. Они мгновенно расслабились и уже не смогли собраться, где-то за 50 метров им еще хватило сил уйти с четвертого места и перебраться на второе. Позднее они сами скажут, что нет, нельзя говорить под руку. Кто сам гонщик, тот знает, как трудно поймать это мгновение, к которому идешь и настраиваешь себя не один год. Слабинку нельзя давать никогда, а тем более жалеть себя во время тренировок и соревнований. Пока тренер и спортсмен не псверят в свои силы и не поставят задачу, которая превышала бы их возможности, успеха не будет. Надо всегда планировать результат наилучший.

Я вспомнила о мелочи, но я ведь видела ошибки более крупные. Даже мы, тренеры, не думали, что в байдарке-двойке возможен результат 1,47,0. Вроде ничего не предшествовало такому скачку. И вот по-

пали на идеальные климатические условия, зеркальную воду, попутный ветер, который хотя и еле ощутим, но заметно улучшает результат. И рекорд водоема улучшен на 4 секунды! Да, тренер должен быть дальновидным и, забегая вперед, настраивать спортсменов на самый лучший результат. Оставалось выступление на байдарке-четверке. Девчата злые — дай железный прут в руки, на мелкие куски разорвут. И мы все старались их успокоить. Вижу, возбуждены не в меру. Боюсь, как бы это состояние не превратилось в апатию. Но они молодцы, сами поняли и попросили, чтобы никто к ним в раздевалку не приходил, даже Нил Васильевич. Случай уникальный, но бывает и так, когда даже старший тренер может повредить.

И золотую медаль мы выиграли. Что ж, все выдержано и соблюдено. Команда из ГДР, где были самые молодые участницы, заняла второе место. И это для них победа!

Все. Еще один чемпионат закончен и отправлен в историю. Пора и нам делать выводы, готовясь к очередным Олимпийским играм. Во-первых, улучшены рекорды трассы, в том числе и мой в байдарке-одиночке. Во-вторых, молодежь наступает на пятки опытным спортсменкам и, что главное, наступает не только за счет молодости, задора, но и за счет хорошей технической и физической подготовки. Вывод: необходимо тщательнее искать таланты; пора и нам создавать конкуренцию в рядах сборной молодежной и сборной команды взрослых. Иначе можем отстать, и отстать надолго.

1971 год — V Спартакиада народов СССР. Для меня спартакиада — это всегда праздник, волнение, всегда ожидание новых открытий, появление доселе неизвестных имен. И старты в Химках меня не обманули.

О Юлии Рябчинской из Винницы мало кто знал.

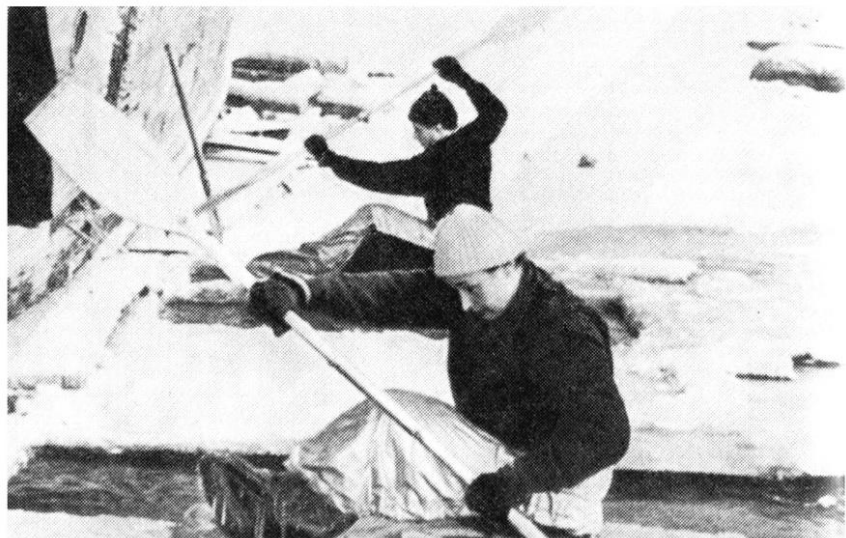

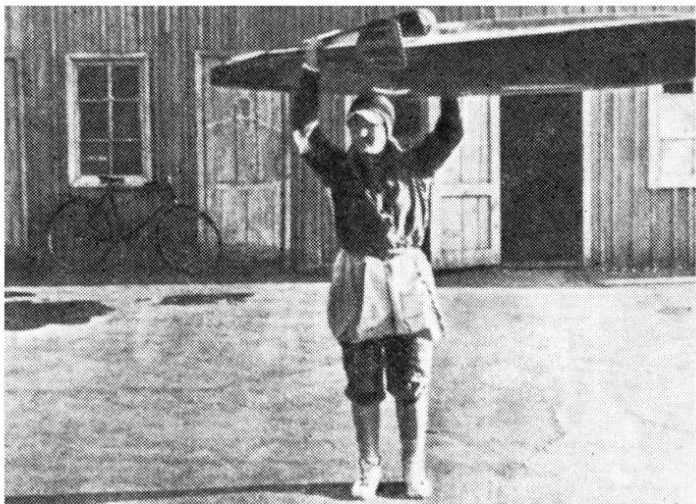
НА ПУТИ К МЕДАЛЯМ.

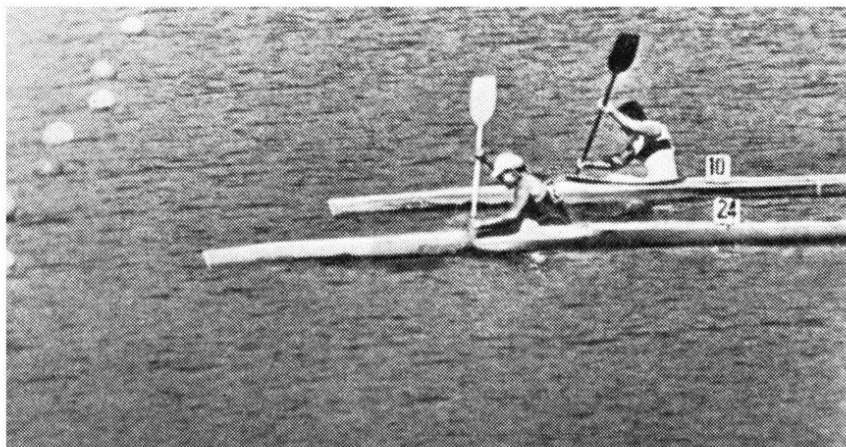
НА ПУТИ К МЕДАЛЯМ.

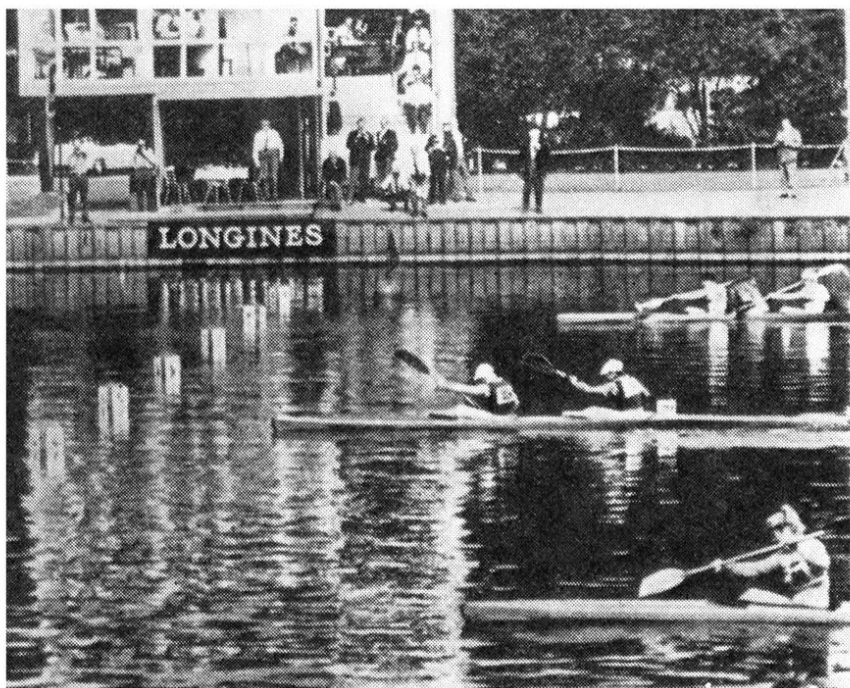

МЕДАЛИ.

МЕДАЛИ.

ПРИЗНАНИЕ.

ТРЕНЕР И УЧЕНИЦА —
ЮЛИЯ РЯБЧИНСКАЯ.

ПЕРВАЯ ПРИМЕРКА ДОЧЕРИ.

Но после спартакиадных финалов стало ясно: у прославленных гонщиц появилась грозная соперница. Завершал талант Кати Курышко. Через год обе станут олимпийскими чемпионками.

Так незаметно и подоспело время, когда состав женской сборной команды, выезжающей на чемпионат мира и Европы, обновился молодежью на 50 процентов. И это был не риск, а благое намерение обстрелять молодежь на самом высоком накале. Мы тогда выиграли одиночку, четверку, а байдарка-двойка осталась третьей. Именно здесь и не получилось сплава опыта и молодости. Что ж, проигрыш учит.

1972 год. XX Олимпиада в Мюнхене. Год очень тяжелый и ответственный. И здесь не должно быть оснований для проигрыша. Да мы и не имели права проигрывать. И обязаны команду нацелить на высокий результат. Конечно же, нам с Нилом Васильевичем повезло, поскольку в нашем активе двукратная олимпийская чемпионка Л. Пинаева. С ней вместе — молодежь: Наталья Бойко, дважды чемпионка мира в байдарке-четверке, чемпионка Спартакиады народов СССР Юлия Рябчинская, Екатерина Курышко, Нина Гопова, Галина Осминина. Вот шестерка боевого состава, которая готовилась к первому туру отбора по общим планам, но с индивидуальным подходом.

Итоги Олимпийских игр известны, Юлия Рябчинская — первая! Золотую медаль в байдарке-двойке получили Людмила Пинаева и Екатерина Курышко.

Первенство Европы и мира в городе Тампере, 1973 год (Финляндия). Впервые с 1958 года я не присутствовала на чемпионате. Но сердцем и душой следила за каждой гонкой, находясь на телестудии в Останкине. В целом выступили не так уж плохо. Но стоит посмотреть на все со стороны, глазами болельщика, и сразу видны ошибки. А как их испра-

вить? Это намного сложнее. Как в поговорке: «Чужую беду руками разведу».

Наши женщины выступили успешно, так будет сказано в отчете, а у нас, тренеров сборной, пусть только в мыслях, не вслух, уже начинает стучать беспокойство. Нет пополнения из молодежной команды. Нет! А соперники наступают на пятки, да так, что приходится оглядываться. Нас (Нила Васильевича и меня) обвинили в том, что мы мало уделяем внимания молодежи. Чтобы омолодить команду, тренерский совет вывел Л. Пинаеву из основного состава. А сейчас можно сказать честно: это была ошибка, мы искусственно расчистили дорогу молодежи, а взамен ничего не получили. И остались молодые без лидера и вдобавок без конкуренции. А Людмила всегда была авторитетом, и к ее трудолюбию и дисциплине приглядывались все. Без лидера наша молодая, необстрелянная команда приступила к подготовке к чемпионату мира, который должен проходить в труднейших условиях высокогорного Мехико.

Я не знаю, о чем думала в тот злополучный вечер — вечер полного провала. Казалось, перебрала в памяти все соревнования начиная с 1956 года и здесь особенно вспомнила ветеранов спорта, сравнивая их с молодежью. Ох, как нужны они были в тот день, как необходимо было их мастерство, оптимизм, вера в себя и друг в друга. Их смелость, мужество, героизм, который слагается из мелочей, ежедневной дисциплины, строжайшего режима во всем. Уж они-то не опустили бы руки.

В чем причина провала нашей команды и громадный успех гребцов ГДР? Нет, их успех не случайность. К этой победе они шли долго и упорно, особенно подготавливая молодежь. У них уже были победы на чемпионатах Европы среди юниоров — и они же, те самые, которых мы особенно в счет не принимали, ока-

зались сильнейшими среди взрослых. Когда в нашей команде были поражения, мы их не брали во внимание — думали, случайные.

К примеру, на чемпионате мира в 1966 году в байдарке-двойке выиграли Ульце — Кубус. И это действительно было случайно, потому что у Маши Шубиной на последних метрах из рук выскочило весло. И все равно надо было бить тревогу. Бить-то мы били, но замены не было... Уже в 1973 году сборная команда ГДР вплотную подошла к нам и если проигрывала, то только за счет стартового разгона — им попросту не хватало стартовой скорости. Если внимательно посмотреть на послужной список сборной команды ГДР, можно увидеть: состав сборной ежегодно обновлялся юниорами, отлично подготовленными физически, тактически и технически. О психологической подготовке и говорить нечего. Юниорам ГДР никто не давал зеленой улицы, им приходилось самим выбивать из команды призеров чемпионата мира, Европы и Олимпийских игр. Уже в 1974 году три дебютанта из числа молодых в такой напряженной борьбе у себя дома выиграли у сильнейших чемпионки мира 1973 года и серебряных призеров Олимпиады. Даже за два дня до чемпионата мира им еще раз устроили последнюю прикидку — кому выступать. Вы только представьте: за два дня не побоялись проверить еще раз, не думая о том, как они выступят на чемпионате мира.

И ведь никто не спорил, нет. И хотя разница составила всего 0,2 секунды, победа на контрольных соревнованиях дала им право на участие в чемпионате. Жестко? Да, жестко. Но ведь это не ново и для нас. В лучшие годы для нашей сборной, когда ей не было равных в мире, мы делали так же. Ни один тренер сборной команды не боялся поставить на старт любую из участниц на прикидку перед самым чемпионатом. И почти всегда у нас было два лидера, которые пооче-

редно заменяли друг друга: Н. Савина — Л. Дементьева, А. Середина — Л. Пинаева, Ю. Рябчинская — Н. Гопова и т. д., а разрыв между ними на дистанции 500 м сводился к минимуму — 0,1 секунды. И в свое время мы сделали то, о чем мечтали другие. Атлетическая подготовка и моральная закаленность ведущих гребцов явились фундаментом мастерства и сохранили нас в большом спорте на десятилетия. Е. Кислова в 33 года стала чемпионкой Советского Союза и Европы. Я в 39 лет завоевала бронзовую медаль на Олимпийских играх, Л. Пинаева в 36 лет получила третью золотую олимпийскую медаль. Это говорит о том, что даже в зрелом возрасте можно показывать высокие результаты, если имеешь хороший фундамент общей физической подготовки. Немаловажным является и то обстоятельство, что наша подготовка велась под руководством одного тренера, от новичка до чемпиона. Мы ни разу не изменили ни тренеру, ни своему обществу. Видимо, и это дало преимущества при достижении высоких результатов.

А если взять комплектование экипажей? Раньше это делалось по спортивным результатам. Если посмотреть все экипажи, можно увидеть: нет ни одной спортсменки, похожей по технике друг на друга, но наши лодки шли быстрее — ни один тренер не подгонял технику под загребную, а изучал и совершенствовал ее индивидуально. А вот последние два года спортсменок стали подгонять под один шаблон и 75 процентов всего времени, даже в соревновательном периоде, отводили совершенствованию техники, забыв об индивидуальных качествах. Но что же лучше?

Для нас, тренеров, второй вариант, он выигрышный. Для спортсменок — нет. Они много говорят о несовместимости... Они не подходят друг к другу по техническим или антропометрическим показателям. А где

взять прибор, определяющий это самое: подходит или не подходит?

Заслуженный мастер спорта В. Иванов в своей книге «Центральный круг» написал: «Наступит благодатный век, и наука осчастливит человечество такими тестами, которые исключают возможность ошибок в выборе жизненного пути». Если так случится, может быть, и нам, тренерам, легче станет работать.

Казалось бы, многое становится понятным, а методика подготовки ведущих спортсменов меняется из года в год. Если в 1959 году лишь И. Хасанов применял трехразовые тренировки в период подготовки к крупным соревнованиям, то в 1973 году это уже применялось, хотя и изредка, в сборной. А в 1974-м этот принцип станет основой всей подготовки с дополнением индивидуального подхода к каждому спортсмену в отдельности. Всем ученикам Марии Николаевны и мне в их числе посчастливилось — наш тренер все передовое старалась донести до нас. А сейчас я слышу часто от молодых специалистов: что делать, нет литературы по гребле. Это правда, ведущие тренеры пишут маловато, они больше заняты практической работой. Но я думаю, не стоит стыдиться и чаще заглядывать в книги по другим видам спорта.

Вспоминая работу Фадеевой и беря ее как образец, могу сказать с полной откровенностью: ее труд даром не пропал. Ученики Марии Николаевны были не только отличными гребцами, она тренировала их заочно и очно, большинство из них стали хорошими тренерами и получили звание заслуженного тренера СССР и союзных республик. Как не гордиться нашим тренером, передавшим свою силу своим ученикам. Однажды корреспондент спросил меня: а ты кем будешь? Наверное, тренером? И я ответила: «Пока не знаю. Плохим быть не хочу, а таким, как Мария Николаевна,

хотелось бы. Но это сделать тяжело и, наверное, невозможно». На следующий день Мария Николаевна, прочитав эти строки в газете, сказала: «Хороший ученик всегда обгоняет своего учителя, а ты у меня числишься в хороших». Прошло много лет, но я все время помню об этих словах.

* * *

Да, большой спорт требует от спортсмена всего свободного времени. И для достижения высот нужны очень талантливые люди — одаренные от природы. Их нужно найти. Их нужно искать, как иголку в стоге сена. Пересмотреть тысячи, чтобы найти десяток. А потом из десятка одного довести до Олимпийских высот. И еще нужны кадры тренеров-воспитателей! Их нужно готовить уже сейчас. И может быть, стоит пересмотреть программу подготовки тренеров, потому что зачастую молодые специалисты не знают, с чего начинать практическую работу. Воспитание спортсмена высокого класса — дело сложное и дорогое, учитывающая те затраты, которые приходится вкладывать в строительство клубов, гребных каналов, в специализированные помещения, находящиеся на берегу озера или канала. Там должно быть все необходимое, включая научную лабораторию. И тренеры должны жить рядом. И тогда мгновенно отомрут ведомственные и межтерриториальные интересы, потому что все будет подчинено главной идее — олимпийской. Это же не секрет, что мы редко видим в сборной команде спортсменов из отдаленных районов нашей страны, нашей огромной страны с неисчислимыми людскими резервами.

В сборной команде СССР лидирующее положение занимают представительницы Ленинграда, Белоруссии, РСФСР, хотя появление отдельных представителей из других республик говорит о том, что подготовка

спортсменок высокого класса по плечу всем. Стоило поддержать неиссякаемый энтузиазм Ибрагима Хансанова. И сейчас всем можно ехать учиться у него и перенимать опыт Душанбинской школы гребцов.

В то же время в последние годы тренеры Москвы совсем не готовят гребцов высокого класса. Протоколы VI Спартакиады народов СССР свидетельствуют об отсутствии москвичей. И в этой ситуации нельзя не заметить возрастных изменений в нашем виде. Раньше выступало старшее поколение — от 26 лет и старше, а сейчас молодежь — 17-летние: Г. Кёстер — двукратная чемпионка мира 1974 года, Р. Оде — трехкратная чемпионка мира. Обе они выросли на гребных каналах ГДР. Почему сейчас в лидеры выходят более молодые спортсменки? Это справедливый вопрос, и так должно и быть. Во-первых, возрос накал спортивной борьбы на международной арене. Если раньше представители 5—6 стран включались в борьбу, то теперь 15, а в нашу международную федерацию входит 43 страны. Конечно, некоторые еще только учатся, но недалек тот день, когда представительницы всех 43 стран овладевают спортивным мастерством и борьба будет еще труднее. Уже на последнем чемпионате мира в Югославии единоличного победителя не могли определить, и судейская коллегия присудила звание чемпионов мира двум спортсменам. Пора пользоваться прибором, который мог бы определять тысячные доли секунды...

Во-вторых, короткая дистанция (500 метров) — удел молодых, как и качество быстроты — достояние молодых. И тренеры спешат побыстрее развить это качество и показать высокий результат.

В-третьих, все новое, все лучшее передается в ДСШ — и специализация начинается в более раннем возрасте. Срок достижения высот спортивного мастер-

ства от 4 до 6 лет. А дальше идет только совершенствование качеств и навыков. Поэтому в ДСШ и спортивных интернатах Германской Демократической Республики начинают обучать с 10 лет, а в 17 лет ребята уже завоевывают звания чемпионов мира. Мы принимаем в секцию с 13 лет. Начинаем работать, и все идет хорошо, все правильно методически. А потом начиная с малого возникают большие проблемы. Инвентарь! В свое время мы выступали на отечественных судах, сейчас только на импортных. Уже в настоящее время команда ГДР выступает в байдарке-одиночке и в байдарке-двойке на пластмассовых лодках и весла у них пластмассовые, собственного производства. Мы не можем их получить даже для опробования. А этот инвентарь имеет свои преимущества. Да, мы выступали на отечественных лодках, и байдарка-двойка завоевала золото и бронзу на XIX Олимпийских играх, а каноэ имела побед без счета. Сейчас мы об этом вспоминаем, потому что хотелось бы иметь лодки лучшего качества, чтобы выйти на олимпийский старт. Конечно, можно сказать, писать легче, чем сделать. Нет, мы помогаем, испытываем, даем рекомендации, а дальше ждем... ждем слишком долго. И все надеемся, что это временное явление. И придет то время, когда наши парни и девушки не только будут получать золотые медали за высокую скорость на воде, но и за лучший инвентарь, на котором стоит марка СССР. Как это приятно (я на себе испытала), когда перед вручением наград необходимо взвесить посудину — «скорлупку» — так называют свою лодку спортсмены — и нести ее на весы, зная, что она наша. Победа спортсмена и наших судоверфей.

И еще один важный вопрос. Ряд ученых высказывал свое мнение, утверждая, что спорт мешает гармоническому развитию, в частности, женского организма. И женщина, в особенности те женщины, кто при-

ступил к планомерным тренировкам в юношеском возрасте, чуть ли не способны рожать детей после 25—30 лет.

Дивишься абсурду. Но коль говорят, ответить надо.

Мой вид спорта — гребля на байдарках, наоборот, создает благоприятные условия. Да, да, не улыбайтесь. К примеру, брюшной пресс. Среди тех, кто занимается у нас, не увидишь девушку или женщину обрюзгшую. И физические упражнения, применяемые в нашем виде спорта, создают, в полном смысле слова, мышечный корсет. А кому как не женщине нужен крепкий брюшной пресс. И для красивой осанки, и для вынашивания потомства. Что же касается наших детей, то наш вид спорта не только не задерживает этот радостный для нас факт, а наоборот, даже в зрелом возрасте, далеко за 30, мои подруги, спортсменки высокого класса стали матерями. Судите сами: Елизавета Кислова, Мария Шубина, Нина Грузинцева, Нина Конестяпина, автор этих строк. И все перечисленные мною — чемпионки Олимпийских игр, чемпионки мира и Европы. Вот так, дорогие ученые. А уж если посмотреть детей, занимающихся нашим видом спорта, то это одно удовольствие. Городские условия создают детскому организму меньшую подвижность, и на спортивные базы приводят «жирненьких» деток, умоляя тренеров заняться. Это раньше радовались пухленьким, сейчас все обеспокоены здоровьем. И когда дело заходит далеко, то некоторых «запущенных» тренеры для начала передают в оздоровительные группы, чтобы позднее принять в специализированные спортивные школы.

Наш вид спорта тем и прекрасен, что занятия на 90 процентов проводятся на свежем воздухе, а это многое значит для здоровья молодого и старшего поколения.

Сегодня спорт стимулирует работу сотен тысяч спортивных секций и специализированных детских спортивных школ. Стремление стать сильным, как Александр Медведь, грациозным, как Наталья Кучинская, стало сильным стимулом спортивного совершенствования для миллионов людей. Давным-давно из поля зрения исчезла примитивная задача физической деятельности, которая формулировалась просто: «Будешь хил — не догонишь добычу, не осилишь врага — погибнешь. А потому бегай и прыгай...» Теперь, с заменой мышечных моторов дизельными, электрическими, а то и атомными, как быть дальше? Сегодня задачи физической культуры и спорта еще важнее! Исследования сигнализируют нам: увеличились сердечно-сосудистые заболевания, что связывается с понижением двигательного режима человека. Но в то же время именно интеллектуальный труд, умственная деятельность предъявляют высокие требования ко всем без исключения системам, обеспечивающим жизнедеятельность организма. Напряженно работающий человеческий мозг требует большого притока артериальной крови, обогащенной кислородом.

Именно к нам, во Всесоюзный научно-исследовательский институт физкультуры, обратились представители МВТУ с просьбой создать систему физических упражнений для борьбы с участвовавшими мозговыми срывами.

Ага, значит, ясную голову может обеспечить могучее сердце и сильные легкие? Ну а в будущем? Поток информации увеличится, нагрузки на мозг еще больше возрастут, а организм без спорта хилеет.

Да, человек — существо слабое. И большим перегрузкам противостоять не может. Да, сегодня наши чемпионы, исповедуя принцип «быстрее, выше, силь-

нее», стремятся к медалям и рекордам, и с каждым отвоёванным сантиметром, секундой, килограммом пересматриваются нормы, увеличиваются пределы уже познанных возможностей. И вроде бы получается так, что сегодняшние «бесполезные для нас рекорды» нужны тем, которые будут жить в XXI веке? Это для того, чтобы завтра люди могли, не опасаясь срывов, совершенствовать свой мозг, мы развиваем и совершенствуем спортивные достижения. Судите сами: что происходит с организмом спортсмена, идущего на рекорд, с организмом, работающим в режиме нагрузок, никем и никогда не достигнутом ранее? Сегодня на олимпийских стадионах идет поиск наиболее совершенных способов укрепления здоровья миллионов. Сегодня у нас в спорте людей в белых халатах гораздо меньше, нежели в экспериментальной медицине. Хотя эксперимент над природой, который ставит человек в спорте, уникален. И большой спорт — это полигон, а сам рекордсмен — испытатель, добровольно идущий на колоссальные перегрузки. Да он и сам прислушивается к происходящему в своем организме. Что там? Как там? Можно ли? И не надо быть пророком, чтобы предсказать: в недалеком будущем многие экспериментаторы будут стоять в длинной очереди за право исследовать спортсмена. Методика, которую нащупывают мои коллеги-тренеры и опробуют на себе спортсмены, завтра станет всеобщим достоянием. И дорогой спортсмена пойдут остальные люди. Потому что наступает время, когда человек, перестав беспечно эксплуатировать организм, задумывается над тем, что состояние здоровья определяется резервами, которые можно черпать только из физической культуры и спорта.

И потому медали, очки, секунды — это как промежуточный финиш на пути к прекрасной цели: создание человека будущего. А пока современная спортивная борьба в масштабе Олимпиады, мирового или

европейского чемпионата безжалостно предъявляет жесткие требования к организму, заставляет его работать на пределе. И тут, в этих экстремальных условиях, вопрос — удастся ли вывести организм на максимум, победить или проиграть? — решают мелочи. Именно поэтому наряду с глобальными задачами у нас много земных мелочей.

Вот случай с байдарочником Игорем Писаревым. Он легко выигрывал отборочные соревнования. Даже олимпийской байдарке-двойке не уступал на отрезках дистанции. Специалисты, видя ход байдарки Писарева, единодушно решили: вопроса о золотой медали в Токио не существует — Писарев вне конкуренции. Пришло время старта на озере Сагами. Накануне гонок гребца залихорадило. Он выступал с температурой и не попал в первую шестерку. Четырехлетняя работа, напряженные тренировки, годы строжайшего режима — и неудача на самом финише. Обидная, но закономерная. Писарева подвели неучтенные им мелочи в подготовке к Олимпиаде.

Долго в ряде мелочей и проблем считались размещение, психологическая совместимость с соседями по комнате, условия питания, разнообразный отдых в борьбе с монотонностью тренировочных будней. Казалось, что эти пустяки спортсмены воспринимают как несущественные трудности быта. Но если суммировать эти отрицательные мелочи, они превращаются в совокупность отрицательных, раздражающих психологических факторов. Плохая комната и «неудобный» сосед, грубая официантка и очередь в столовой, душ со сломанным рожком и несвоевременный массаж — все это вызывает чрезмерные эмоции, а напряжение вызывает отрицательный психологический эффект. Даже такое личное дело спортсмена, как организация досуга, оказалось делом ответственным! Я голосую за бережное отношение к психике спортсмена как со

стороны тренеров и спортивных руководителей, так и со стороны близких друзей. Постоянные напоминания об ответственности предстоящих стартов обычно достигают противоположного эффекта. Они не мобилизуют, а скорее деморализуют спортсмена, увеличивая эмоциональную напряженность.

Уж лучше пусть руководители больше энергии отдадут созданию отличных условий для спортсменов. А вот сами спортсмены, как это ни парадоксально звучит, на эти условия меньше должны обращать внимания, а больше на свою подготовку, тренировку, закаливание.

Последнее время мы много пишем о необходимости комплексной подготовки спортивных баз для советских олимпийцев — это действительно необычайно важно. На специализированной базе олимпийцев должно быть все: и современная аппаратура, и тренажеры, гидро- и вибромассаж, и помещения для ультрафиолетового облучения, и методический кабинет с кинозалом для анализа кинокольцовок, и приятный, художественно оформленный интерьер. Так, как уже сделано на базах «Раубичи», «Медео», «Бирштонас».

Большой спорт улавливает все недостатки. Спортсмены с нарушением здоровья чаще показывают неустойчивость в результатах, их преследуют срывы. Домашние неурядицы, беспокойная совесть, низкая культура приводят к тому, что такие спортсмены не выдерживают напряжения борьбы, сходят, проигрывают. Нам трудно, и поэтому в нашей работе нам помогает научная бригада заслуженного тренера Советского Союза, заслуженного мастера спорта Г. М. Краснопецева. Бригада отличная и, что самое главное, полностью укомплектована из бывших гребцов. По-моему, это лучшая характеристика научного сотрудника, который знает профиль нашей работы и собирается нам помочь. Но есть одно «но». Бригада создана при

Ленинградском научно-исследовательском институте и комплектуется новичками. Они готовятся до уровня кандидатов наук, а потом их передают в другие организации. А хотелось бы наоборот, чтобы лучшие кадры, воспитанные в коллективе сборной, оставались для работы с командой. При их знаниях, накопленной практикой, можно сделать многое! Так же получается с врачами. Сколько их уже побывало в нашей команде? Тренеры в сборной, как правило, постоянные и приглашаются, когда приходят из большого спорта, а прощаются, когда уходят на пенсию. Наши врачи иногда, сами ничего не достигнув в спорте, приходят в сборную команду. И пока врач научится различать усталость от переутомления, проходит время, и на этом пути можно потерять много нужных людей. В 1959 году кандидат медицинских наук Нина Васильевна Савина осматривала меня перед выездом на чемпионат Европы. Глядит на меня соболезнующе и буквально перерезает пополам острием медицинского авторитета: «Если бы тебе не ехать на чемпионат, положила бы в изолятор и не давала двигаться». Кто после таких слов не разволнуется? И меня это не миновало. И я долго не могла себя заставить забыть это замечание. А ровно через восемь дней после такого «диагноза» выиграла два заезда и стала чемпионкой Европы. В 1961 году в команду пришел врач-физиолог Н. И. Вольнов, и опять я оказалась с «дефектом». И после этой проверки выступала в сборной команде еще семь лет и на первых и на вторых ролях. Приходит к нам молодой врач на стажировку (а вдруг подойдет, и тогда останется надолго), но и его не минует общая судьба. Снимет он электрокардиограмму утром — в глазах ужас: «Вы знаете, почти все девушки имеют серьезные отклонения». А я ему отвечаю: «Ну и что же?» — «Всю команду надо лечить». Он смотрит на меня и удивляется: «А почему вы не ре-

гируете?» Мы реагируем — даем отдых, снижаем нагрузку, и все приходит в норму.

Наверное, смело это я пишу, и для врача мои слова покажутся дилетантскими, но, может быть, мы, тренеры, знаем ребят не хуже, чем врачи? И кому как не нам «чувствовать» их? И в тот раз, и в других случаях все те спортсмены с худшими показателями заняли первые места или показывали лучшие результаты. И позднее, через неделю, при повторном обследовании у них уже были идеальные показатели. Только поэтому настоящие врачи и истинные ученые всегда рады иметь дела с нашими спортсменами, для научного поиска нет лучшего материала, подтверждающего безграничность возможностей человека!

Время идет, многое изменилось и во мне. Много. Стала спокойней, прежде чем ответить, стараюсь обдумать вопрос.

Работы и заботы стало больше, и если раньше промахи мне прощали, как молодому тренеру, теперь — нет. И ошибиться нельзя.

* * *

Когда возвращаешься из какой-нибудь страны, вопросам нет числа. И больше всего, что повидала? А я никак не могу понять, как можно ходить по музеям и где взять время для этого, когда мы едем с определенной целью: победить! А ну, попробуй возвратиться на Родину с проигрышем! Если выступали молодые — нечего было выставлять «зеленого»; гребли те, кто постарше, — зачем возили «старух».

Болельщики (не говоря уж о журналистах) люди строгие, не могут простить малейшей ошибки и при встрече всегда об этом скажут. И если разобраться, они правы, нас ведь командируют побеждать. Если про-

играл — не до музеев, если выиграл, то после — ни рукой, ни ногой не шевельнуть. А разве когда проиграл — сил меньше затратил?

А вообще не думайте о нас плохо, мы многое узнаем в наших поездках и многое можем поведать. Вот только наши озера, каналы и водохранилища, где проводятся соревнования, почему-то всегда расположены за городом, километрах в 20—40 от центра... И для достижения высоких результатов лучше жить близко у водоема, и это всегда делают наши руководители. А в тот единственный выходной день (как правило, индивидуально для каждого) перед ответственными стартами и не хочется идти ни в какие музеи. Уйти бы куда-нибудь, удалиться бы от всех подальше. Но если делают выезд на автобусе, то обязательно групповой, так сказать, общий просмотр достопримечательностей. Конечно, возят нас всегда обстоятельно и с душой рассказывают, а мысли наши уже далеко, устремлены вперед, забегают на день, на два туда, где начинаются соревнования. Как об этом можно забыть, если готовишься годы? Так что в большинстве своем познаем мы города и страны, отдыхая в автобусе, из его окон. Мы уже так привыкли, что стараемся не жить в городах. Так было в Ганновере, где мы ездили два раза в день к воде, проезжая 120 километров. Так было в Италии — тогда мы не стали жить в резиденции папы римского. Где лучше, где хуже, кто знает? Старались жить там, где лучше для общеконандной победы. И свое пребывание за рубежом подчиняли только этому. А спортсмены не менее любознательны, чем все остальные люди. И, попав в новые края, каждый из нас жадно всматривается в детали и оттенки незнакомой жизни. Ездить по миру приходится много, и каждый город не идет в сравнение с другими. Что-то в них есть общего, когда в столицах улицы заполнены шумными людьми или на окраинах тишина, в особенности

вечером, когда закрываются магазины, зазывающие покупателей.

Когда я ездила спортсменкой, мысли были направлены на финишный рывок, и я всегда мечтала: вот буду работать тренером, времени станет больше, все посмотрю. Нет. У тренера забот прибавилось. Теперь даже нет времени для сопоставлений разных городов. Тренер заменяет спортсменам и мать, и хозяйку, и наставника — берет на себя все их заботы и оберегает их от всех напастей. И вдобавок старается как можно лучше и с пользой для дела устроить вечера отдыха. Раньше я была присутствующей при этом, а теперь сама главное лицо. Вот и попробуй найти свободное время, чтобы увидеть, а потом рассказать. А как хочется, ох, как хочется съездить в любимую страну, где бывал много раз, но толком ничего и не увидел, съездить просто так, ради отдыха, как обычный турист. И как можно больше повидать. Но это мечты, и сбудутся ли они? Для этого нужно приурочить свой отпуск так, чтоб ни до, ни после не было соревнований и вопросов, связанных с ними. И еще что-то сделать с собой, чтобы не думать о своих подопечных и сборной команде. А как это сделать? Разве что на пенсии? Но что-то я не вижу среди наших туристов, выезжающих на соревнования, тренеров-пенсионеров, тех самых, кто своей жизнью создавал славу советской гребли...

МОЯ СТАРШАЯ ДОЧЬ...

Я хорошо помню тот день, когда мы встретились с ней. Украинский тренер Володя Лисяк показал мне ее издалека: «Видишь, Антонина, вон та, чернявая, твоим рекордам ноги подрежет». Я только еще присматривалась к тренерской работе, а рядом сидела Мария Николаевна, и после такого заявления мы уже в четыре глаза разглядывали эту чернявую. Она не догадывалась, что именно сейчас пересекутся два взгляда: мой и ее. Пересекутся, чтобы разойтись и до следующей встречи идти параллельно. Всего этого «чернявая» не знала. Но в своем желании обогнать всех она полностью раскрыла свой неукротимый характер. Реакция у нее, как у спринтера. Стартер еще только тянет: «Внимание», а она уже рубанула веслом воду. Конечно, она не знала, что я ее уже вижу. Сейчас она одна из многих кандидатов, а я уже тренер сборной команды. Как мне увидеть лучшую, как отобрать из всех ту единственную, которая способна на многое. Чему-то меня учила Мария Николаевна, что-то я уже знала сама. Конечно, мы, тренеры, прежде всего обращаем внимание на внешние данные. Это прежде всего потому, что позже самым главным становится характер. Сколько на моей памяти прошло гребцов с идеальным телосложением и сколько оказа-

лось впереди них таких, которых и на пушечный выстрел теперь не подпустила бы к гребле. Что поделаешь, если не мы придумали закон: гений — это один процент таланта и 99 терпения. Что поделаешь? И потому, разглядывая Юлю, толком я еще ничего не видела: сидит в лодке и сидит, как и все другие. Первый старт — фальстарт! О, да она еще и не выдержанная! Второй старт, она рванулась и плюхнулась в воду. Все затормозили! О, да она еще и несобранная! Третий старт! Она опять так хватанула воду веслом, что весло не выдержало и сломалось. Мне даже стало весело: ну и ну! Что бы она еще выкинула, если бы можно было стартовать еще раз? Но больше нельзя, правила это исключают, и потому представление окончилось, «чернявая» отправилась на берег, а Мария Николаевна мне подмигнула: «Видать, дивчина с характером». Позднее я специально разыскивала ее на трассе эстафетных гонок. Сейчас пытаюсь вспоминать, почему она мне понравилась, и не могу. Точно помню, но не совсем уверенно, что же было главным. В ее движениях, еще суетливых, разболтанных, сырых движениях новичка, нет-нет, а проскальзывали отрывистые, не выраженные, но заметные движения мастера. Мелькнет что-то знакомое, идеальное, а затем забросается каким-то двигательным мусором. И снова наравне со всеми. Тогда как неопытный тренер я еще не понимала, что вот эти крупницы истинного и надо искать, разбирать над ними завалы и вытаскивать это истинное на свет божий. И главный помощник в этом — ее характер, то самое важное стремление сделать лучше, повторить сотни, тысячи раз, но все-таки добиться своего.

Мы разъехались, чтобы на будущий год встретиться в Красноводске. Я моталась на катере вдоль колонны лодок, растянувшихся по каналу. Все высматривала, высматривала. И на контрольных соревнованиях

сильнейших снова увидела «чернявую», теперь я уже знала, кто это. Итак, на дистанции 1000 метров мастер спорта Юлия Рябчинская. Рассмотрела ее ближе и вновь оценила темперамент. Не признавая авторитеты и не останавливаясь, Юля, что называется, «отмолотила» дистанцию на одном дыхании и обошла всех. Был март. Члены сборной команды гребли спокойно. И в этом штиле — волны, идущие от лодки Рябчинской, стали заметны. Я прикинула: «Темперамент и пренебрежение к авторитетам». Еще раз приехала на ее тренировки и к увиденному приплюсовала: «Трудолюбие и стремление к победе. Только к победе!»

Мы встретились. «Ну что, Юля, рассказывай о себе». Она потупилась: «Та шо рассказывать, Антонина Александровна, вы ш сами бачили». Я переспросила: «Бачили — это видели?» Она спохватилась: «Ох, извините, это все прорывается». А потом я привыкла к ее словам, к ее певучему украинскому говору. «Ну, так что, Юля, все равно придется рассказывать, я ведь хочу тебя взять в сборную команду страны». — «Та шо вы говорите?!»...

«Выросла я, — рассказывала потом еще Юля, — в поселке Песчанка на Винничине. Вы знаете, шо такое буряк? Э, кто не полол буряки, не знает, шо такое труд. Нас пятеро у родителей, и старшие помогали. А отец меня все равно посылал работать. Он раньше всех вставал и позже всех приходил с работы. И его слова — закон. Даже для меня, самой младшей и самой любимой. И я знала — это не наказание».

Юля впервые увидела байдарку в Виннице. Рядом жил тренер по боксу Виктор Щербатюк. Он ее и спросил: «Юлька, а не хочешь ли ты научиться гребле?» — «Как это я не хочу?!» Пришла Юля на водную станцию, и тренер Любовь Гура посадила ее в байдарку. «Все закачалось подо мной, вот-вот опрокинусь. Тренер мне: «Греби!», а я боюсь. Я ведь не сказала,

что плавать не умею, побоялась, что отправят обратно. Посидела немного и погребла потихоньку.

На следующей день я прибежала на тренировку, а тренер уехала. А позже увидела плакат о соревнованиях по народной гребле. Может быть, на этом бы и все кончилось. Гребля? Так я же умею! Тем более не байдарки, а лодки, которые стоят в парке, давно знакомы. Села и погребла. Все гребут прямо, а я в разные стороны. Поотрывала себе все руки и добралась предпоследней. Подходит ко мне мужчина и говорит: «Хочешь тренироваться?» — «Хочу». Так я стала тренироваться у тренера Иванова. Потом он уехал, и я училась сама. И где-то через неделю я загребла километров за двадцать, меня искали, ругали, но мне уже понравилось. Весной всех обогнала на кубке Большого Днепра. Мне не поверили, послали на старт еще раз, а потом я перевернулась, и все порешили, что первый раз я выиграла случайно. Шо ж тогда было! Олимпийский 1968 год — надо в Донецк ехать, на чемпионат Украины, а туда только перворазрядников допускают. А я еще ни разу на официальных соревнованиях не выступала, только и знаю свою еженедельную норму — двадцать километров. Всем это понравилось — раз работает, значит, не подведет. Махнули рукой, ладно, Рябчинская, выпишем тебе авансом, так и быть будешь перворазрядницей, только уж здорово не проигрывай, а то шум поднимут. Я, конечно, понимала и старалась. Но, наверное, чересчур, потому что вместо нормы первого разряда выполнила норму мастера спорта, а на чемпионате Украины проиграла полсекунды первому месту. И тут я загордилась. Потом по телевизору увидела Пинаеву и подумала, нет, никогда мне такой не быть. И точно, поехала на одно соревнование — третья, на другие — четвертая. Мне бы подумать, что это не республиканские, а всесоюзные, а я знай еще больше тренируюсь.

А потом вышла замуж. А потом родился ребенок. А потом я уже не вернулась к своему тренеру, который был против того, чтоб я рожала. А что потом? Потом мы с вами сидим и вот разговариваем».

Говорили мы с Юлей не один час и не один день. Она осталась без тренера и готовилась самостоятельно. А это в нашей среде редкое явление. И потому желающих ей помочь было предостаточно, и тренировочные планы ей протягивали со всех сторон. Я часто думала, почему, оставаясь одна, Юля так и не нашла себе тренера. И кажется, поняла: она хотела остаться сама собой. Чтобы ей ни говорили, она всегда задумывалась и отвечала: «Треба разжувати». У меня тоже было свое мнение на каждый совет: «Нужно кусать столько, сколько проглотишь». И этот подход без особой премудрости, без лукавого, без задуманных фраз, когда ученик иногда не понимает, чего хочет от него тренер, а тренер, наслушавшись новинок, тоже сам не разобрался до конца, как-то определил наши отношения. Если добавить, что я только начинала как тренер, а она только входила в большой спорт, то чего удивляться, что мы поняли друг друга. И дальше, если позволительно так сказать, держались одна за другой и вместе вышли на дорожку, ведущую в Мюнхен.

Правда, все это было не так просто, Юля многого не знала, я тренерским премудростям училась не по институтским книгам, а в жизни. Она мне нравилась своей настырностью, и это заставляло меня работать еще больше, чтобы оставаться на высоте. Конечно, и меня одолевали сомнения, но Юля пошла своей дорогой в спорте. Сначала развитие лучшего, что в ней было, затем — исправление худшего. Лучшее — это стремление работать. Здесь у меня не хватило сил. Потому что, сколько бы ей ни планировала, она всегда делала больше. Как я ни пыталась ее останавливать, она делала свое. Дело кончилось тем, что ее вызвали

на тренерский совет и наказали днями отдыха за превышение нагрузок. Случай уникальный и в моей жизни единственный. Но если смотреть на это сквозь призму тренерских взглядов, то именно с таких нарушений начинаются победы. Я не могла на нее сердиться, потому что сама была точно такая же...

«Ах, так?!» Это любимое выражение Юли Рябчинской. И она доказывала. Мы ее отлучали от гребли, она наверстывала свое на лыжах. В гонке, проходившей в горах на высоте 2300 метров, она выиграла у многих гребцов, которые с детства ходили на лыжах. И это был прочный фундамент для выступлений летом.

Шел 1972 год. Юля у меня потихоньку выспрашивала о героях Олимпиад. Какие у них качества? Как им доставалась победа? Все, что знала, рассказывала, вспоминала свое, видела, как рядом готовилась Людмила Пинаева, уже двукратная олимпийская чемпионка. И вот Пинаева и Рябчинская встретились на самой короткой и самой почетной дистанции 500 метров. Кто? Тренерский совет расписал для них серию стартов, чтобы рассудить претенденток. Первая половина сезона в пользу Рябчинской. Тренеры сборной не склонились в ее сторону, про Юлю говорили коротко: «Не выдержит», «Очень сильно начала, к Олимпиаде скиснет». Но главный тренер сборной Силаев (спасибо ему за это!) и я думали иначе. Хотя реплики, что Юля выигрывает с попутным ветром, нас огорчали. Тогда Юля стала тренироваться против ветра. Сама начала и, когда я спросила об этом, ответила коротко: «Чтоб не было разговоров». В апреле на соревнованиях в Зугрессе пятое место, занятое Юлей, популярности мне не прибавило. За моей спиной посмеивались. Ох, уж эти насмешники! Они уже не помнили спортсменку Середину и разве могли допустить мысль, что тренер Середина может ошибаться? Как все, между прочим...

В том числе и насмешники. И при чем здесь мой опыт олимпийской чемпионки, если возраст тренера у меня исчислялся только тремя годами. И тогда Юля встала за нас двоих. А она говорит, как думает, не отсеивая и не фильтруя свои мысли и свои слова: «А все же мы вам докажем». Спасибо тебе, Юля, за это!..

Через месяц в Ереване Рябчинская выигрывает у Пинаевой 1,6 секунды. Через неделю на соревнованиях в Минске их уже разделял фотофиниш, как бегунов на 100 метров! Учитывая официальные и контрольные соревнования, счет встреч стал 3 : 2, и теперь все решал чемпионат СССР в Житомире. По традиции чемпион страны получает безоговорочное право выступления на Олимпиаде. Словно по заказу задул сильный порывистый ветер. Только специалист нашего вида может понять, что такое грести против ветра: Пинаева делает 108 гребков, Рябчинская — 128. Больше поднимешь лопасть — чаще встретишься с ветром. На финише Рябчинская проиграла только 0,1 секунды, все-таки проиграла. Счет 3 : 3, и преимущество Пинаевой. Правда, и Юлю не обошли, признали за ней право выступать в любую погоду. Соревнования продолжались. В Румынии на озере Снагов против ветра — Рябчинская выигрывает у Пинаевой 0,8 секунды.

А дома разговоры не прекращались: «А вдруг Рябчинская перегорит?» Через неделю соревнования в Венгрии. Туда ехал второй состав сборной, где числилась Юля. Я попробовала возражать, но меня не послушали: «Ничего, молодая, пусть укрепляет нервы». Рябчинская стала первой, выиграв у сильнейшей гонщицы мира Пфедфер 4 секунды.

Через неделю — последняя гонка в Копенгагене. Третьи соревнования подряд. Что делать? Тренироваться? Отдыхать? Юля разгуливала и пела. Я дав-

но заметила, когда ей трудно, она веселится. Чем ближе старт, тем она серьезней, ходит по вечерам и тихонько поет: «Это есть наш последний и решительный бой...»

•На соревнованиях в Дании была еще одна встреча с Люсей Пинаевой. И опять Юля выиграла. Там же было объявлено: Рябчинская выступает в одиночке, Пинаева — в двойке. И все равно была еще одна прикидка. И опять Юля выиграла 1,2 секунды. Счет стал 6 : 3. А перед глазами у нее уже пошли круги. Ах, эти круги-круги. Зачем они накануне Олимпиады? Что изменилось с того первого чемпионата, на котором испытывали меня. И все-таки это было правильно!

Кто скажет, что труднее для меня: проиграть тот спор и выбыть из борьбы, или выиграть и положить на свои плечи олимпийскую судьбу одиночки? Дементьева, Середина и Пинаева — четыре золотые медали на Олимпиаде в Мельбурне, Риме, Токио, Мехико. Я спросила Юлю: «А ты что собиралась получать в Мюнхене?» — «Как, что? Золото!» — и еще так посмотрела на меня: вот те на, сколько говорили, готовились — неужели не ясно!

Наверное, это просто совпадение, что 5 октября, когда она впервые попробовала веслом олимпийскую воду, ровно пять лет назад, в этот же день Юля впервые села в байдарку.

Уже в предварительном заезде она показывает абсолютно лучший результат. Зато в полуфинале не торопится. Я мечусь на берегу, остается 5 минут, а корма Юлиной лодки все гуляет по затону. По нашим правилам, корму надо подать к плоту, и специальный судья придержит ее до момента старта. Все выстроились, а Юля все обтирает лицо. А потом ей стала выговаривать, а она выкатила глаза: «Та шо вы волнуетесь, я же все видела».

В день финала Юля проснулась рано. К своему стыду, я спала. Как-никак первая Олимпиада в качестве тренера, могла бы и поволноваться. Юля меня разбудила: расскажите что-нибудь. Ох, Юля, Юля, настраиваться надо, а ты сказочек захотела. Начала я ей массировать плечи, успокаиваю. Вроде бы забылась. Затем умчалась в столовую. Прибегает обратно. А на часах только 7.30: «Ой, пора ехать». А финал ровно в 11. Нет, стой, никуда не поедешь, у меня все до минуты рассчитано. Повздохала Юля и покорилась.

Приехали на канал. Я лодку натираю, а Юля сидит на берегу, поет что-то про себя. Спасибо запасной Нине Гоповой, обняла ее и увела в сторону, заговорила побасенками. Юля шагает и шепчет себе: «Ну, чего ты волнуешься. Все будет в порядке».

Зашипела ракета. Рябчинская задала темп, 132 удара в минуту! Сплошное колесо рук и лопастей. 250 метров — первая, 300 — первая... 350 — первая... Гонг! Гонг! Гонг! Это финишируют все остальные, но первый ударили в честь Юлии Рябчинской! Когда Юля выиграла, у меня пульс был, наверное, ударов 200 в минуту. Как в гонке! Что я могла вспомнить за две минуты, пока проходил финал? Если бы была такая возможность записывать быстро бегущие мысли, то наверняка хватило бы на две книги. Так, в какие-то мгновения проходит вся работа за несколько лет, и, как ни странно, прежде всего лезут ошибки в подготовке.

Это был самый счастливый миг — одно мгновение. Я невольно сжимала кулаки, не могла дышать, не хватало воздуха, что-то щекотало в горле, я собирала всю волю, чтобы не зареветь. К счастью, набросились тренеры из других команд, поздравляли, жали руки, говорили какие-то долгие фразы, но я ничего не могла понять, да и не пыталась. Я вся была во власти побе-

ды — победы Рябчинской! Победы нашей традиции! Когда Юля гребла, я сидела в автомашине, которая сопровождает заезд от старта до финиша и идет с той же скоростью, с которой идут спортсменки. Вместе с ней и я прошла от начала до конца всю дистанцию. Только разница в том, что свое напряжение и волнение она перенесла на гонку, а мне было некуда, все в себе, да вдобавок еще видя ее ошибки. Когда ударил гонг, с меня, с моих плеч словно упал страшный груз последних лет.

Эту победу я ощутила более весомой, чем свою двойную в Риме. И все время думала, как тяжело быть тренером даже в том случае, когда побеждают твои ученицы.

После победы Юли все уехали в олимпийскую деревню. Но победа победой, а инвентарь любит ласку. И кто, как не гонщица и тренер, должен упаковать, а потом и увязать его так, чтобы лодка не получила ни одной царапины до приезда домой.

Все трудное осталось позади, а впереди — поздравления, объятия. И еще был разговор после финиша — мы думали о будущем. Всю ночь не сомкнули глаз. Представляли новые старты и новые победы. И Юля стала перечислять много своих и, конечно, моих тренерских ошибок, допущенных при подготовке. И все время мы думали, как исправить. А Юля каялась, каялась и все говорила: «Помните, Антонина Александровна, я там не послушала вас, а тогда вы мне дали слабину». Я молчала. И только изредка, словно в свое оправдание, приводила пример из жизни ведущих спортсменок. И еще я очень радовалась, значит, все-таки что-то смогла заложить в нее. И она, уже олимпийская чемпионка, ведет себя самокритично, а это значит, что дальше будет все хорошо. Мысленно я видела сборную команду, какой она станет через несколько лет, вот такой же сильной, боевой, за-

дорной, как Юлия Рябчинская. С такой командой никакие трудности не страшны!

Не думайте, что мы ангелы и все земное нам чуждо. Мы тоже долго ждали и если дождались, то сначала устроили праздник сами себе — вдвоем и молча выпили шампанского. И обе молча подумали о тяжелом, трудном восхождении на Олимп. А уж потом праздновали со всеми, как положено по русскому обычаю — после труда и праздник. Как в сельском хозяйстве все праздники осенью — после уборки урожая. Или на заводах после выполнения годового плана. Так что мы тоже сохранили русские обычаи и соблюли традиции, и пусть болельщики нас простят. А праздновать было что. Не правда ли? Наша команда сделала невозможное: 6 золотых из 7. В истории Олимпиад, наверно, ни в одном виде спорта не было такого. Боюсь даже подумать: повторим ли когда-нибудь?

* * *

С того страшного дня, 13 января 1973 года, прошло три года. А я все думаю и думаю: как же это случилось?

Был обыкновенный трудовой день, каких я прожила тысячи. Мария Николаевна — десятки тысяч, а Юлия Рябчинская — сотни. Была нормальная тренировка на канале в Поти, где мы обычно тренируемся в зимние месяцы, когда у нас в России замерзают водоемы. Все было хорошо. И Юлия, заканчивая тренировку, захотела меня поддразнить: смотрите, мол, мои скорости растут, вы уже скоро меня не догоните. Речь шла о том, что на моем катере стоит старенький мотор «Москва» и пора менять его на «Вихрь». Я согласилась. Да, чтобы угнаться за тобой, пора менять мотор. Затем Юлия ушла вперед, а я задержалась, раз-

говаривая с кем-то из гребцов. Еще долго перед глазами мелькала ее синяя шапочка с белой полоской... Могла ли я подумать, что вижу ее в последний раз? Через минуту увидела лишь перевернутую байдарку да шапочку, еще плавающую на водной поверхности...

Пишу все это и плачу снова и снова, потому что как передать чувства отчаяния и беспомощности, когда в расцвете сил и здоровья погибла моя ученица, моя подруга, мой товарищ! Погибла моя старшая дочь... Потом, когда выяснили причины, оказалось: спазма дыхательных путей. В истории не только у нас, но и во всех гребных командах сборной страны не случалось такого. Как же это произошло? И потом я сопровождала ее в последний путь на родину. Это длилось так долго, долгих четыре дня... И все это время нужно было набираться сил и отвечать на каждый вопрос и родным и близким. Как же это случилось? Меня успокаивали: ведь такое получается один раз в столетие. Но ведь это случилось со мной. Мне казалось, что я не выдержу всех переживаний и вряд ли смогу работать тренером. Но рядом были Мария Николаевна и Саша Силаев... Прошло три года, а я все время спрашиваю у себя: как же это случилось?

ПО ДОРОГЕ В МОНРЕАЛЬ

Дела у нас пошли хуже. И результаты в сборной команде стали катастрофически падать — из лидирующей, называемой непобедимой команды мы перешли на вторые и третьи роли. Уже через два года после успеха в Мюнхене случилось невозможное: на чемпионате мира 1974 года байдарка-двойка заняла пятое место, а женская команда — третье место в командном зачете. Такого не было в течение последних 25 лет. Когда мы стали отыскивать причины, их оказалось немало.

Но главная заключалась в том, что вся подготовка велась в одиночку, без конкуренции и подгонялась под лидера команды. Снижалась требовательность со стороны старшего тренера сборной. К тому же в течение трех лет не было притока из юношеской команды.

За нас крепко взялись! Н. В. Савин ушел на пенсию, а я, получив нагоняй... приняла команду.

Было очень трудно, а фактически команды и не было. Мы зачисляли спортсменов, чтобы заполнить вакантные места.

Но календарь соревнований по-прежнему требовал нашего участия и наших побед. Я присматривалась к спортсменкам разного уровня и искала выход из тупи-

ка. Кто? Кто будет выступать в Монреале? Первым кандидатом оставалась Нина Гопова.

Кто еще? Татьяна Коршунова, 1956 года рождения, чемпионка юношеского чемпионата 1973 года, в 1974 году серебряный призер в байдарке-одиночке чемпионата СССР и в байдарке-четверке на чемпионате мира в Мехико.

Таисия Лаптева, 1955 года рождения, чемпионка СССР среди взрослых.

К известной уже Галине Крефт присоединяется Надежда Трахименок, 1955 года рождения. Что касается задач, то они предельно просты. Увеличение объемов и интенсивности. Жесткая трудовая дисциплина. Использование научных данных для быстреего восстановления после нагрузок. Со спортсменками было проще, труднее — с их тренерами. Их надо было убеждать в правильности задач, чтобы и они нацеливали учениц на то же самое.

С одиночкой все ясно — здесь будет грести сильнейшая! А двойка? Это команда. Нужно подбирать характеры, дополняющие друг друга. И делать это срочно, чтобы опробовать лучший вариант в 1975 году и отшлифовать к 1976 году. Кто загребная? Конечно, Галина Крефт, хотя и не очень опытная (только один раз участвовала на чемпионате мира), но лучше ее я никого не вижу.

У Гали характер вспыльчивый. Если надо — все выдаст, не оставит ничего, все отдаст без остатка. Нина Гопова? Чересчур спокойна. В меру настырна — и по поводу и без повода. Убедить ее в чем-то очень сложно. Значит, надо создать такую конкуренцию, чтобы она не считала себя недосыгаемой. Кажется, все. Задумано правильно. Но здесь я столкнулась с интересами тренера О. С. Ильиной, которой разрешено быть тренером при сборной команде и готовить Н. Гопову.

О. С. Ильина человек уважаемый, но ведомственные интересы заставляли ее быть категорически против, и, не уставая, она утверждала, что лодка в составе Крефт — Гопова никогда не будет показывать высоких результатов. И ей верили. Страшнее было другое: она убедила в этом Нину — хуже не придумаешь. Сейчас-то все ясно, причина убежденности ведомственная (!). Мол, Гопова должна выступать вместе с Кабаковой. Кроме того, Ольга Степановна всегда была против групповых тренировок и любыми способами старалась увести Нину в сторону. Что же, в этой честной борьбе единственным оружием оставались результаты соревнований...

Уже на первом туре отбора мне удалось доказать, что сборная команда сильнее клубных команд. И мы (я и мой помощник Каптур А. А.) очень гордились маленькой, но победой.

На международных соревнованиях сборная команда в составе Крефт и Нагирной уже вплотную подходит к лидерам — команде ГДР, а на чемпионате мира и Европы занимает второе место. Это еще одна маленькая победа. В байдарке-одиночке и четверке тоже вторые места и уже с меньшим отставанием, чем в прошлом году. И уже не третье, а второе общекомандное место. Хотя нас и хвалили, мы знали — это только начало.

К началу нового сезона в олимпийском году в команде появилась талантливая молодежь, и прежде всего Валя Нестерова, 1958 года рождения; Галя Чикарева, 1957 года рождения. Если Нестерова не выдержала режима и сдалась без боя (а может, просто ей рано быть в сборной), то Чикарева молодец. Благодаря ей нашим старожилам в сборной пришлось поработать еще больше. К сожалению, ей не хватило опыта и мастерства, чтобы выступать на Олимпийских играх, но у нее большое будущее.

Мои мысли по-прежнему возле байдарки-двойки. Составлять ее надо из сильных одиночниц. Таковы традиции. Но первое, что нужно для хорошего экипажа, — единство взглядов и единая цель. Нужен дружный, маленький коллектив. Нужно найти лучший, и промахнуться нельзя. Но как заменить Катю Нагирную Ниной Гоповой без ущерба, без психологической травмы? По себе знаю, с нами, женщинами, надо обращаться нежно и тонко. Плюс к этим трудностям прибавились и другие: Нине надо сбрасывать вес. И все мы без устали придумывали разные способы. Кроме того, ей надо было заново приучаться ходить в группе. За это спасибо Гале Крефт. Она взяла все на себя. Правда, ругались между собой и иногда сутками не разговаривали, но победила Галя. Молодец, всегда найдет слово, всегда поможет делом. Казалось бы, там все сдвинулось с места, а меня одолевают мысли: а вдруг я не права? И может, Гопову оставить в одиночке, а Крефт и Нагирную в двойке? Вот здорово! И двойка хорошая и одиночка, что надо!

Пока мучилась сомнениями, Катя все больше уходит от групповых тренировок, а это боязнь конкуренции. А она все больше убеждает меня в том, что не выложиться ей полностью в байдарке-одиночке и только в командной лодке сможет работать с двойным усилием. Кажется, все ясно, и все же побаиваюсь разрушить слаженную лодку Крефт — Нагирная. Вот и попробуйте встать на мое место, чтобы задуматься об олимпийской ответственности. И снова, снова пробуем все варианты. Крефт — Гопова — экипаж удался. Остается подвести к Олимпийским играм без потерь. Вторая лодка — Коршунова — Чикарева, третья — Трахименок — Нагирная.

Кажется, экипажи созданы, но теперь это не понравилось клубным тренерам, в особенности А. О. Козлову, тренеру Нагирной. Теперь он меня убеждает, что

совсем не обязательно быть лидером в байдарке-одиночке, а в байдарке-двойке грести можно. Нет, честное слово, самой грести было легче!

В нашей сборной выявился лидер — это Галина Крэфт в байдарке-одиночке и в двойке во главе с ней. Но у Галины тяжело болеет мать и вскоре умирает. Это случилось в дни первого тура отбора, и команда выступала без нее. Галя все это перенесла мужественно. На чемпионате Советского Союза (второй тур отбора) Галя впервые становится чемпионкой в байдарке-одиночке и через 1 час 30 минут — в байдарке-двойке.

Потом были еще контрольные соревнования, поездки на регаты, и теперь состав ясен. Это Крэфт, Гопова, Коршунова и Лаптева. Первая заявлена в двух номерах программы. Татьяна в двух номерах запасная, а Таисия запасная в байдарке-двойке. Это очень хорошо, что за сорок дней до Олимпиады состав известен твердо.

Остается проверить его на крупнейших соревнованиях в Англии, позднее названных «Малой Олимпиадой». В женских номерах программы выступают все лидеры последних лет, кроме спортсменов Американского континента.

Прошу главного тренера разрешить спортсменкам выступать только в одних номерах программы — Коршунова и Крэфт — Гопова. Не соглашается, спрашивает: «Когда будешь пробовать Галину в обеих лодках?» Наверное, он прав, у Гали малый стаж тренировки, всего 3,5 года. И рисковать на Олимпиаде нельзя. Начинаю ее убеждать. С ней работать намного легче, чем с другими. И хотя по натуре Галя резкая, с ней можно вести любой разговор. Если что не так, она будет доказывать и спорить, пока не настоит на своем, если не убедится в моей правоте.

Вот и сейчас ведем разговор, как пройти соревно-

вания не в ущерб олимпийским стартам и показать лучший результат в байдарке-двойке.

Расписание заездов ни в какие рамки не входит — все наоборот, но девочки меня успокаивают: не волнуйтесь, если надо и ночью будем стартовать. Лишь бы противницы шли в полную силу. Надо же и нам их проверить. Что же, это хорошо, когда есть желание дерзать и бороться. Пожалуй, это самое главное!

Галя особенно не вдается в подробности: надо, значит, надо!

Старт был очень трудный. Как назло, погода скверная: холодно, дождь и сильный встречно-боковой ветер. Галю это особенно не смутило, вылезла из лодки и этак спокойно заявляет: ничего страшного — можно выиграть даже одиночку.

Я разозлилась — пришла четвертой и еще кулаками машешь!

После соревнования мне задали вопрос: почему Крефт так плохо прошла первую половину? Срочно разобраться! Что же, разберемся, но не сейчас. Надо еще настроить гонщиц в байдарке-двойке, чтобы там ничего не случилось. Утром полуфиналы, а они, как назло, забыли стартовые номера и фартуки. Что за народ рассеянный? По моему адресу коллеги смехом прокатываются...

А Галя опять спокойно-спокойно: «Антонина Александровна, так это же не Олимпиада».

Да, девочки у меня не такие уж плохие, как иногда кажется со стороны.

У Гали в дневнике есть запись (я от каждой требую личного анализа и причин поражений). «Если не добьюсь победы, уйду из спорта и сразу же после гонок сломаю весло. Значит, слаба, нечего братья!» Про себя думаю — молодец!

У Нины другое. «Отдам себя без остатка, буду выкладываться так, что, если не попаду на Олимпиаду,

жалеть не буду, значит, большего я не смогла, и не смотрите на меня так. Нет, нет, не смогла. Ведь я же отдаю себя без остатка». Вот какие они, девочки в сборной. Но это на словах, а на деле?

Гонки продолжаются... В полуфинал со старта ушли вперед, потом остановились и шли третьими, а на финише решили догнать команду ГДР, но обходить не стали. Решили прийти вторыми. Я их ругаю: зачем вы это делаете? А они в ответ, а зачем их спугивать, пусть радуются. Это ведь регата. Олимпиада — совсем другое. Ну что им скажешь?

У девочек желание выиграть, и они заранее по определенному графику идут разминаться: сами репетируют Олимпиаду. За 1 час 10 минут начинают собирать вещи — это настрой. До этого играют в шахматы, да так, что приходится разбивать их игру и самой играть с победительницей. Нина сильно переживает проигрыш, и я Галю потихоньку прошу, чтобы проиграла. Надо же нервы беречь.

Собираем вещи, весла, идем к эллингу. Лодка готова. Натерта до блеска. Они бегут на разминку. Холодно. За 20 минут отправляются на старт. Прежде чем сесть в лодку, моют руки и весла мылом, верней, обезжиривают, чтобы весло не скользило в руках. Всякое бывало...

По соседству команда из ГДР. Посматриваю в их сторону. Все то же самое. Я своих хлопаю по плечам, желаю удачи. И теперь я и тренер ГДР идем наверх, откуда просматривается вся трасса.

В руках карандаши, блокноты, секундомеры. А ветер не утихает, волна увеличивается, и судья никак не может построить лодки.

Дан старт! Наши задали такой темп, который никто не показывал против такого ветра. Что они делают? Ведь на финише им придется бороться и с ветром и волной. Они идут по худшей воде, а лод-

ка из ГДР с загребной Цирцов идет по воде защищенной.

Наша лодка проиграла сотую секунды. Это не плохо. И в прошлом году мы были вторыми, но при хорошей погоде. И сейчас все видят: резерв есть, можно надеяться. Меня поздравляют. Ничего, это хорошо, что проиграли сейчас — выиграете на Олимпиаде. И дружно начинают перечислять причины проигрыша. Я, наоборот, перечисляю недостатки. Так легче для будущего.

* * *

Вернулись домой, осталось совсем немного, совсем последний этап. Мы готовимся в Тракае, на прекрасной гребной базе. Спасибо ее руководителям. Они сделали все, чтобы нам было хорошо. И единственное, в чем спасовали, это в погоде. Как они нас ни жалели, но в этом помочь не могли. И мы лавировали между озерами, стараясь укрыться от волны и ветра.

Наш главный А. П. Силаев так строил тренировки, чтобы каждая лодка могла почувствовать конкуренцию и сохранила свежесть и психологический настрой. Одиночницы стартовали с каноистами, а двойка женская с двойкой каноэ.

Кажется, все... провожали нас скромно, без громких слов и оваций. Мы и сами знали: будет трудно. Как положено, присели перед дальней дорогой, помолчали, и каждый в своих мыслях прокрутил свою жизнь. А может быть, и грядущую Олимпиаду.

В Москве были только полдня и ночь. И опять прощание с близкими. Попробуй уговорить маленьких, что это не надолго. Только и ждешь, чтобы уснули — и за дверь. И снова дорога.

А мысли одни: какими вернемся?

Летим долго. Дорога знакома — через океан. В са-

лоне свежо. Наши не курят, и лететь легче. Постепенно пересекаем часовые пояса, и это тоже наш противник. Чтобы девчата не спали, не сплю сама. Все время стараюсь их шевелить. Этот вариант давно проверен: в дороге отмучаемся, но зато уснем вместе с канадцами и попробуем сразу втянуться в их ритм. Приземлились. И не успели сесть в автобус, как вся команда отключилась и заснула. Дорога короткая, всего 40 минут. У ворот деревни все начали перекликаться. Ужин и снова спать.

Первое утро в деревне. У Тани Коршуновой болит голова. Врач успокаивает: ничего, пройдет, это акклиматизация. А я уже забеспокоилась. На предолимпийской неделе у Гали Крефт головная боль держалась 10 суток. Днем хотелось спать, а ночью бодрствовать. Может, снизить нагрузку? Ломаю голову, что это? Или успокоились, попав на игры, или действительно что-то не ладится. На тренировках девчата начали огрызаться. Нет, действительно, период акклиматизации дается трудно. Спрашиваю: «В чем дело?» — «Да, знаете, что-то лодка не идет, не видать нам золота».

Э, это плохо. Пора собирать, напомнить, для чего приехали. Пока составы не объявлены, готовиться надо всем. И кто будет лучшим, тому и выступать. А сейчас всем сесть в одиночки и для восстановления формы, для спокойствия грести до усталости. Вроде договорились. Хотя в душе думаю, а все-таки с мужчинами лучше.

Завтра открытие Олимпиады, а мы тренируемся. Сегодня праздник не для нас.

Приехали руководители Спорткомитета. Проводится открытое партийно-комсомольское собрание. В повестке дня — готовность к выступлению на XXI Олимпийских играх.

Слушали послание Л. И. Брежнева. С ответным словом выступают Сережа Петренко, Галя Крефт,

А. П. Силаев. Мы волнуемся: они говорят от нашего имени, и мы понимаем, какая на нас ответственность.

В день открытия тоже тренируемся. И только потом по телевизору смотрим парад.

Вечером играем в шахматы. Галя так и рвется на откровенность. Где будем выступать? В двух номерах? Или нет? А если да, то в каком? Где можно выиграть золото? Она все перекладывает на меня, мол, смотрите сами. Где можно выиграть золото? Нельзя, чтобы труд пропал даром. Попробовали поразмышлять, какие изменения могут быть в команде ГДР.

Галя ушла спать, а я долго не могу заснуть. Задача не из легких. И надо ждать, как разыграют дорожки в предварительных заездах. В каком из видов будет заявлена сильнейшая байдарочница мира Цирцов. От этого зависят и наши планы.

Чем ближе гонки, тем больше нервничают девушки. Все мы не железные, все мы обычные люди. Только с нас спрос больше. Я тоже завинчена до предела, но с ними шучу.

Хлопоты начинаются с утра. Надо делать зарядку. Нет, все идут, но сколько они мне наговорят по дороге. И то, что им пора отдыхать и что сил уже нет. И чем дальше, тем больше они забывают истинное значение слова «нельзя», а теперь я должна следить за едой. Вечером собрала у них целую сетку фруктов. Спрашиваю, ночью будете есть? То ли шутя, то ли всерьез, отвечают — а что, можно и поесть. Хожу за ними как нянька. И хотя я сама была не такой, хорошо их понимаю. Сейчас все мысли о гонках, и они, мои девочки, ищут любой повод, чтобы забыться.

Наконец пришел наш праздник. Одиночку доверили Тане Коршуновой, самой молодой в нашей команде. Галя Крефт идет в двойке. На старте нас огорчают новшеством: теперь тренер не может сопровождать заезд и смотреть. Отменена сопровождающая машина,

и участник остается наедине с собой. А это 30 минут ожидания и плюс гонка. Ох, как это много. По себе знаю, не каждый такое одиночество перенесет без ошибок. А мне еще хуже. У спортсмена хоть весло в руках, в которое можно вложить волнение, а у меня сескундомер и темпосчетчик.

Предварительные заезды прошли нормально, байдарка-двойка показала время на 5 секунд хуже, чем основные соперницы. От главного тренера получаю замечание. Первое, но не последнее. Молчу. Соглашаюсь. А сама думаю: нет, они гребут правильно, не все надо выкладывать в предварительных заездах. И тут же повод для беспокойства: Галя опять делает захват веслом где-то в конце проводки. Это настораживает.

Девчата нервничают; ни на минутку их нельзя оставлять в одиночестве или без дела, нужно давать посильную работу или тренировку.

После обеда отоспались, выходят на солнышко, розовые, довольные. Заливаются смехом, то ли молодость в них заиграла, то ли успокоились на время, забыли о гонках. Спрашиваю, что будем делать? Как, что? Играть в футбол! Вот тебе и на! А где найти мяч? Они пошли переодеваться, а я на скорую руку шью мяч из полотенец. Пришли, разделились на две команды. Начали. Смежу, хохота, как будто и нет Олимпиады! Любая тренировка не заменит такую игру.

Пришел финальный день. Прежде всего за окно — как с погодой? Погода чудесная! Никаких помех. Тихо. Безветренно. Чуть пасмурно. Гоняйся на радость.

Осторожно расталкиваю Татьяну, ей стартовать в полуфинале на два часа раньше; потом бужу Галю с Ниной. Зарядка. Завтрак. Все, как положено. С Таней еду сама, а Таисии — запасной, значит — помощнице, наказываю строго следить за остальными.

В полуфинале надо войти в тройку, без особой за-

траты сил и попасть в финал. После тут же уехать в деревню, пообедать. Поспать и вернуться обратно на канал.

С каждой спортсменкой в отдельности обсуждаю варианты прохождения заезда. И так, прежде всего ГДР и Венгрия. После заезда Галя спросит: как вам нравятся их лодки? Конечно, в душе они мне нравятся, но говорить об этом не собираюсь. Отвечаю, да, хорошие, но не страшные. Когда садимся в автобус, не договариваясь, говорим о другом, но что-то плохо получается. Нет, нет, а вспомним, как все было.

Не успела я вернуться с канала, уже надо будить Татьяну, теперь Галя с Ниной попытаются заснуть часок. Но разве сейчас до сна... Только об этом подумала, приезжаю, а моей помощницы Таисии нет. Куда ушла, неизвестно. А ведь ей надо следить за девочками. Завожу будильник до отказа. Ставлю под самую дверь, чтобы не проспали. Еду с Татьяной, а у самой душа болит. Ох, не проспали бы! Сколько было таких случаев!

Кажется, мелочь, человеку далекому от спорта и в голову не придет. Нет, у нас нет мелочей.

Едем с Татьяной в автобусе, обычно надо 30—35 минут, а сегодня больше, желающих попасть на канал очень много. На мосту платная стоянка, здесь дорогу сузили, появилось немного лишнего времени, и мы успели разобрать будущую гонку.

А девчат все нет и нет. И хотя времени достаточно, волнуюсь. Смотрю во все стороны, а мысли торопятся, спешат, опережают события. Татьяна уже разминается, бегаёт. Затем массажист, массируя ее, успокаивал, настраивал. Наконец-то подъехали девочки. Ну, молодцы!

А я не могу найти себе места. Где наши ученые, хоть бы взяли у меня пульс, наверное, сейчас он чаще, чем когда гребла сама.

Таня, Таня! Серебро — и ни шагу назад! Чув-

ствую, собралась она вся в комок, а в глазах искорки радости. Ей! Не кому-нибудь, а ей доверили судьбу одиночки. Почему ей? Самая волевая. Ее настырность всем нравится. Все. Хлопаю по плечу. Одна за другой отправляются они на старт, а настраиваются все по-разному. Все молодые. Из девяти стартующих семь моложе 23 лет. За все финальные гонки Олимпиад — это самый молодой заезд. Последний раз смотрю на ее тренера Якова Костюченко и наказываю — кричи и поддерживай, чтобы не сбавила темпа на финише. Это примерно метров за 150 до финиша, а дальше уже не пускают.

Как долго тянутся минуты ожидания. А у меня сердце вот-вот выскочит из груди. Старт! Идет хорошо. Темп отличный. Начала 132, 142, 138—128. Пройдены 250 метров. Таня впереди! Только бы хватило. Только бы хватило. Цирцов отстает на 0,39 секунды. Остальные все рядом держатся. У кого лучшая выносливость, тот и победит. А темп у Тани чуть-чуть снижается. Лидировала она метров 375 и все-таки уступила Цирцов. Но больше никого не пропустила. Что же, одиночка не наша...

Со своей задачей Татьяна справилась, на первой половине ей нужно было отыграть столько, чтобы хватило на финише. Она это сделала. Что еще добавить? Таня моложе других, да и данные ее не из лучших. Судите сами:

1. Цирцов, 1954 г. рожд. Рост 178 см, вес 78 кг.
2. Коршунова, 1956 г. рожд., рост 162 см, вес 59 кг.
3. Райпай, 1954 г. рожд., рост 173 см, вес 64 кг.

При таком неравенстве ее серебро равно золоту.

Иду в эллинг готовить и настраивать двойку. Здесь и легче и посложнее. И они и я понимаем, что надо сделать. Тренеры, приехавшие в качестве туристов, много помогают. Это Я. Я. Костюченко, О. С. Ильина. Сейчас на всякий случай сторожат лодки, натирают их

до блеска и тоже болеют за своих. Однако вести какие-либо разговоры и настраивать я не разрешила. Они, мои коллеги, все поняли и даже не обижались. Сейчас командовать должен один.

Если хорошо выступят наши девочки, все в порядке. Если плохо? Первой отвечать тоже мне.

Лодка готова. Спокойно, без волнений. Галя и Нина берут что положено: весла, фартуки, мыло, чтобы еще раз вымыть руки и жирные пятна на весле. Накануне мы сняли шкуркой лак с лопастей для лучшего сцепления с водой. Фартуки оставляем на плоту. Стараясь быть спокойной, обращаюсь к ним — вот вам полотенце в лодку. Перед стартом вытрите лодку насухо.

Погода исключительная, даже во сне не приснится. Уже потом девочки скажут — если бы нам говорили в долгие дни подготовки, что гоняться в финале будем в штиль, никогда бы не поверили. Не было ни одного сбора с хорошей погодой. Недаром мы сами себе придумали слова: «Нас ждет любая погода». А здесь, на Олимпиаде, пожалуйста. Борись! И не обижайся на спортивную судьбу! Все в равных и все в идеальных условиях.

Повторяю задачу: отличный старт — высокий темп на всей дистанции. Финиш за 150 метров — в высоком темпе! Галине персонально: на финише не согнуться в пояснице. Нине — не сжимать грудную клетку, свободней на разворот, выше толчковые руки в работе. Сама иду к трибунам. По ходу кто-то спрашивает: а завтра вы будете выставлять четверку на показательный заезд? Как во сне отвечаю: еще надо дожить. Не знаю, понял или нет. Как можно о чем-то другом думать и что-то решать. Я настолько взвинчена и настроена, не дай бог что-то случится, сама сяду и буду грести. А может, надо быть спокойней?

Выстрел известил о начале. Старт. Смотрю и гла-

зам не верю — как пошли! Вот молодцы! Только бы выдержали! Идут в очень высоком темпе. 144—148 ударов в минуту — впереди всех на целый корпус. При такой погоде Галя не уступит, она не из тех, а Нина ей поможет. Все хорошо — резкий старт Галины плюс отличный финиш Нины. Сейчас обе, как никогда, дополняют друг друга. 250 метров. Наши впереди с отрывом в секунду. Смотрите, смотрите, вторая лодка не ГДР, а венгерская и третья румынская. Где же экипаж ГДР — 250 метров прошли только четвертыми.

Вот это борьба! Трибуны гудят, режут от крика. Все встают, а я бегу и что есть сил кричу. Так держать! Темп! Темп!

Гонг. Все. Все... Золото наше. После трех лет мы вернули команде первое место. Я рада. А. П. Силаев, на что уже человек сдержанный, обнял и поцеловал.

Когда поздравляли девчат, Нина скажет: это только подумать — 10 лет труда. Только подумать! А Галя добавит: что ж, мы все молодцы. Спасибо вам, Антонина Александровна, что не пожалели нас, а нам спасибо, что выдержали жесткую дисциплину.

Победа дается не только молодым, но и упорным, настойчивым спортсменкам старшего поколения. Это я так, для будущего. А вот средние данные команд-призеров для тех, кто захочет попробовать.

	Рост	Вес	Возраст
1. СССР	170	68,5	24,5 лет
2. Венгрия	170,5	65,5	27 лет
3. ГДР	175,5	73,0	20,5 лет

Вот и кончились еще одни игры. Для меня пятые! Только подумать — пять олимпийских попыток! Стою по струнке, слушаю Гимн Советского Союза. А мысли уже обгоняют, уже бегут вперед — к Олимпиаде-80. Как подготовиться так, чтобы все выиграть. Как гово-

рится, 100 из 100. А можно ли это сделать? Можно! Талантов на русской земле не счесть!

Женская команда байдарочниц СССР первая. У нас 12 очков, у команды ГДР 11 очков. Но хочется большего. После соревнования представители ГДР пришли к нам с низким поклоном — поздравляли меня и всех наших.

Из чего же сложилась победа? Первое — это доверие между спортсменами и тренером; второе — правильное комплектование экипажей. Третье — проведение групповых тренировок, где более четко выявляется задача индивидуальной работы. Четвертое — большие тренировочные нагрузки. Пятое — жесткая дисциплина. Шестое — преемственность поколений. Все просто, все ясно, все укладывается в один абзац.

НАС ЖДЕТ ЛЮБАЯ ПОГОДА

Это последняя часть моей книги. По размерам она оказалась самая маленькая, но не это определяет ее значение. Здесь слова о моих друзьях, соперницах, коллегах. Последнее слово о гребле.

В нашей жизни все сложно: и понятия «соперница» и «подруга» давно соединились. В спорте — соперницы, в жизни — друзья. Пишу о всех в той последовательности, в какой встречала их на своем пути.

Елизавета Дементьева, потом Кислова — для меня просто Лиза. Впервые я увидела ее на лыжных соревнованиях Центральной зоны. Она выступала за Костромскую область, я — за Калининскую. Почему ее заметила и стала наблюдать и даже изучать? Я знала, что она была второй на чемпионате Советского Союза в байдарке-одиночке. Она мне сразу понравилась своей скромностью. Даже со стороны было видно, что ее уважают. Она думала не только о себе, но прежде всего о других, все время что-то подсказывала, особенно участникам эстафеты, объясняла девочкам, как и где пройти тот или иной подъем или поворот. А какой Лиза была веселой, даже трудно описать. Она была заводилой в песнях и плясках, и плясала отменно. Позднее, когда мы уже тренировались вместе, я узнала, что этим она как бы настраи-

вала себя на борьбу с соперником. В 1956 году я встретила с ней на Спартакиаде народов Российской Федерации и проиграла 0,5 секунды. Готовились мы в разных командах, но уже к Спартакиаде народов СССР были рядом. Лиза в основном составе команды, я — в личном зачете. Перед выходом на финальный заезд минут за 30 до старта выходит она в центр и начинает плясать и петь частушки. А я стою, думаю: «Вот это да! Как же можно — перед финалом и так веселиться?» И только позднее, когда села с ней в одну лодку, узнала: так она настраивалась. И так всегда делала в тяжелые минуты, чтобы никто не знал о ее печали. В своих переживаниях она была скрытна. А характер взрывной, могла и по пустякам «завестись», наговорить, но отходила быстро и за команду болела больше, чем за себя. Переживала так, что личные, домашние заботы отходили на второй план. В 1960 году тяжело заболела ее дочь. Она узнала об этом по телефону, а на другой день надо выступать на первенство ВЦСПС, и заменить некем — всех запасных отправили домой. Она гребла и в двойке и в четверке. И никто не мог ее остановить, да и упрямиться не решились. Если Кислова защищала честь своего общества, ничто не могло ее остановить. Качества Лизы — удивительны. Я болела ангиной и лежала дней двенадцать, она — моя соперница — должна радоваться, как некоторые (к счастью, их мало), так нет, она приходила, как могла успокаивала меня: «Не волнуйся, ты же сильная, все перенесешь и догонишь, а болезнь тебе только на руку, сама ведь себе отдыха не даешь». Что правда, то правда.

Пришло время, и простились мы с Лизой. Конечно, расставаться грустно, но время никого не бережет, все покидают спорт. Становятся отличными женами, матерями и превосходными специалистами в разных

областях. Лиза воспитывает двоих детей и работает преподавателем физвоспитания в техникуме в Ленинграде. Только сейчас мне стало известно, что характер ее мужал в военные годы, когда приходилось заменять отца и братьев на заводе.

С Терезой Ценц из команды Федеративной Республики Германии я познакомилась в 1958 году на чемпионате мира. На первый взгляд она строга, нелюдима, никого не признает. А когда узнаешь поближе, когда есть время поболтать, какая же это женщина милая, веселая и открытая. Все хочет рассказать и тут же спрашивает совета. В ее стране в те времена не было конкуренции среди женщин, и она к тому же выигрывала еще и у мужчин. Поражения переносила стойко, хотела выиграть Олимпийские игры, но, выступая на трех Олимпиадах, завоевала три серебряные медали. И каждый раз золото отнимали у нее наши девушки. Как она веселилась — любо посмотреть! В своей команде — главный организатор. Поют национальные песни, она солист. Когда в Риме меня поздравляла, обняла и шепнула: «Я уйду, но постараюсь прийти опять — только уже не сама, вернутся... мои ученики». По специальности скульптор, она весь свой огромный опыт гребца без остатка отдала Циммерман и Эссер. Через два года после Рима мы увидели ее в тренерском катере. Она оставалась такой же обаятельной. И теперь не она, ее ученицы все-таки выиграли Олимпийские игры 1964 и 1968 годов.

Два разных характера — Эссер и Циммерман, ученицы Терезы Ценц. Тереза нашла их на гребном слаломе. И тут же создала коллектив из двух человек, живущих в разных городах. И Эссер ездила на совместные тренировки к Циммерман. Соперницы в байдарке-одиночке, они выступали с равным успехом, то одна выигрывает, то другая, и на чемпионате мира

в 1963 году соответственно заняли четвертое и пятое места. Терезе удалось их сплотить, и, стараясь не стыковать их в одиночках на крупных соревнованиях, тем самым она уберегла их от спортивной злости друг к другу, а все усилия направила на борьбу в байдарке-двойке. Циммерман — рослая, 1 метр 76 сантиметров, поджарая, вес 65 килограммов, с длинными руками, очень сильная. Про такие руки у нас говорят: «Из них можно веревки вязать». Девушка со скрытым характером, не очень общительная, больше замкнутая. Эссер противоположна своей партнерше: рост 165, вес 65 кг, хорошо развита физически. Веселая, общительная, любознательная, ее главное увлечение — спортивные марки.

Циммерман оставила спорт в 1969 году и сейчас воспитывает двоих детей и тренирует маленьких ребят в спортшколе. Эссер оставила спорт в 1973 году, работает на предприятии, является ассистентом старшего тренера сборной команды своей страны. Когда они добились победы в Токио, на прощальном балу Тереза Ценц решила уйти из большого спорта. «Я сделала все и теперь спокойно могу уйти. Больше своим ученицам дать ничего не смогу». Я всегда буду восхищаться Терезой Ценц, ее преданности нашему делу. Она падала, чтобы встать, а поднявшись, с достоинством уступила другим дорогу.

Ее напарница — Ингрид Хартман. В течение четырех лет делила с ней победы и поражения. Была чуть-чуть слабее физически, ей не хватало спортивной злости, необходимой для индивидуальных побед. Как она болела за Терезу — слов нет! Переживала с ней совместные поражения и радовалась ее победам. В своей стране она не была ведущим тренером, но была первым тренером двукратной олимпийской чемпионки Эссер. А затем работала с американскими гребцами, и в подготовке байдарки-двойки, которая стала се-

ребрыным призером токийской Олимпиады, ее большая заслуга.

Глория Пэри из команды Соединенных Штатов Америки. Женщина физически крепкая, рост 176, а средний рост победителей всех Олимпиад около 166 сантиметров. В Риме выступала впервые, была чрезмерно смела и самоуверенна. Конечно, проиграла... Зато к следующей Олимпиаде готовилась серьезно и трудилась много. Даже в зимнее время проводила тренировки на воде. И, тренируясь на горном озере, обморозила руки. Чтобы сохранить силовую подготовку, привязывала к рукам гантели и продолжала занятия. Ее трудолюбие и стремление познать все лучшее в подготовке европейских спортсменов дали свои плоды: она завоевала серебряную медаль на токийской Олимпиаде. Глория, как и я, пришла в большой спорт поздно — в возрасте двадцати лет.

Долгие годы лидером польской команды оставалась Даниэль Валковяк: ее лучшие достижения — третье место на римской Олимпиаде в одиночке, так и осталось маяком для всех, идущих следом. Она выступала во всех номерах программы и вернулась в большой спорт после рождения дочери. Что о ней скажешь? Тоже веселая. Даже в миг поражения, когда победа была близка, но на самом финише у нее отнимали золотую или серебряную медаль, она не огорчалась. Но были у Даниэль и минуты отчаяния. И она всегда задавала нам вопрос: «Ну, скажите, откройте тайну побед. Нельзя же так — все время выигрывать. Ведь и мы много, очень много тренируемся». Действительно, физически она была развита очень хорошо. А вот чего-то главного ей не хватало. Иногда мне хотелось сказать: «А ты не трать время до финального колокола... на магазины». А это действительно так. Любовь к этому неглавному в нашей трудной жизни заставляла ее бегать не уставая. Вот и

пишу и думаю: а может, в этом она и находила отдых и силы для борьбы? Могла же она оставлять других за чертой призовой тройки? Кто знает? Даниэль никогда не расставалась с музыкой. У нее в руках всегда магнитофон или приемник. Она утверждала, что это вдохновляет ее на победы. Мне трудно забыть ее недоумение, когда однажды подошла ко мне и спросила: «Чего ты стоишь скучная?» А я после побед в одиночке и двойке мечтала уже о следующих соревнованиях и мысленно представляла новый водоем и новые старты. «На твоём месте я бы бегала вверх и вниз вот по этой лестнице от радости».

Эва Бонфалви из команды Венгрии. В 1959 году на чемпионате Европы она была третьей в одиночке, а в 1960 году — третьей в двойке. В ней сочеталось все: и сила, и быстрота, и воля к победе, и тоже не хватало немногого, а если точнее, было лишнее. И тренеры ее команды всегда говорили: «Жаль, она никак не может сбросить вес, и только это мешает ей побеждать». В дальнейшем удалось подобрать в команду молодых Пфедфер и Солоши — они стали серебряными призерами мексиканской Олимпиады, опередив нас на 0, 01 секунды. Они выиграли чемпионат мира в Югославии в 1970 году. Конечно, приятно видеть спортивных друзей рядом на пьедестале почёта, особенно если им помогал. И обидно, когда они тебя опережают, хоть в душе этим всегда гордишься.

Аня Кубус из Германской Демократической Республики. У меня сохранилась вырезка из немецкой газеты, как мы с ней провели совместную тренировку. Я и не думала, что она назовет меня своим тренером и на следующий год выиграет чемпионат мира. Конечно же, это не моя заслуга, а только ее желание все узнать и все применить на практике.

Маша Шубина, врач по профессии и моя напарни-

ца по команде в байдарке-двойке и байдарке-четверке. Внешне среди нас, плечистых, она напоминает балерину. Маша — само изящество. Нерешительная, она никогда ничего не решала сама, только через своего мужа, тренера. В тренировках не перерабатывала. Лишний отрезок и то не пройдет, все по плану. Прекрасная мать — у нее растут двое детей. И после их рождения она показывала выдающиеся результаты. Последние годы стала работать тренером в юношеской спортивной школе Волгограда. И я думаю, это прекрасно — соединить две профессии — тренера и врача.

С Ниной Грузинцевой я выступала довольно долго. Нина отличная хозяйка. Как она готовит! Какая гостеприимная! Веселая, любит петь. А вот с дисциплиной и с режимом у нее не получалось. Может, поэтому для побед в одиночке ей не хватало спортивного мужества. Сейчас Нина воспитывает дочь и работает в Новгородском совете «Спартака» начальником учебно-спортивного отдела. Несмотря на канцелярскую работу, ее часто можно видеть на воде, где она передает опыт маленьким спортсменкам.

Надя Левченко из Владивостока. Это великая труженица! Не имея спортивного таланта, только за счет большого трудолюбия Надежда добилась больших успехов в спорте. В ее адрес часто поговаривали: «Все, уже стара, пора молодости уступать дорогу». Надю это не трогало. Она боролась с молодежью и часто побеждала. И некоторым молодым приходилось ожидать следующего сезона. В нашем виде спорта есть любители возрастной статистики. За этим нетрудным делом они забывают свои дела и не учатся у нас, ветеранов, умению бороться. А девочки военных лет, знавшие, что такое война, без боя не сдаются. Ведь им пришлось пройти через все невзгоды военных лет, и потому характера им не занимать.

Сейчас Надя во Владивостоке работает тренером. Пока ее воспитанницы не догнали учителя, но сын Нади уже находится на пути в большой спорт и у себя в Приморском крае достиг больших успехов.

Людмила Пинаева. О ней сказано многое. Могу добавить и повторить самое главное: ее характерные черты — трудолюбие и дисциплина. По Люде можно проверять часы: жесткий график дня, месяца, года — постоянно и никогда никаких отклонений.

Вот они мои главные соперницы и подруги. И еще мне очень много помогали каноисты. И больше всех Павел Харин. С ним мы прошли по воде сотни километров в его любимой лодке — каноэ-двойке. Он уже был чемпионом Олимпийских игр, но старался передать мне свой большой опыт. До сих пор помню его объяснение: «Захват воды должен быть такой, чтобы без брызг, с водой надо обращаться ласково, нежно, сравнивая воду со стеклом. Надо ввести весло в воду так, чтобы не разбить воду-стекло — мгновенно и без брызг». В 1955 году Геннадий Бухарин, тогда чемпион Советского Союза, преподносил мне уроки мужества уже в каноэ-двойке. В Херсоне мы тренировались на Днепре, где большое течение и волна. Он предупреждал: никогда не теряй хладнокровия, ни при каких ситуациях. Геннадию не удалось выиграть Олимпийские игры, но его замечания и рекомендации очень помогли мне в большом спорте.

Саша Силаев. С ним я долгие годы тренировалась вместе. Свою готовность всегда сверяла с его. Его целеустремленность, желание победы всегда ставили Сашу на первое место среди ведущих спортсменов того времени.

Что бы я без вас сумела, мои друзья и мои соперницы?

Все. Можно поставить точку? Сказав о товарищах

и о себе, я обязана сказать еще несколько слов о нашем виде спорта — гребле.

Поклонников нашего вида, конечно, меньше, чем у футбола. Или хоккея. Что поделаешь, если не у всех мальчишек и девчонок под окнами река, по которой мчится байдарка. Если бы эти ребята знали, что эта байдарка — потомок эскимосского каяка и тунгусской оморочки — утлых, неустойчивых, позволяющих неторопливо передвигаться по воде. В далеком прошлом неизвестный конструктор изобрел двухлопастное весло для поочередных гребков с левого и правого бортов. Прошли века, но в своем первоначальном облики такая лодка и такое весло поныне служит эскимосам Гренландии, эвенкам, чукчам. И только в спорте многое изменилось. Сегодня байдарка — гоночное судно, максимально облегченное, заузненное, со специально рассчитанными обводами, что обеспечивает минимальное сопротивление встречному потоку воды. Битва за секунды идет не только на гребных каналах, но и лабораториях, за конструкторскими столами. Длина байдарки чуть больше пяти метров, но она легонькая — одной рукой можно подхватить. Делают нам байдарки из авиационной фанеры, но самую настоящую, первоклассную лодку для мастера международного класса строят из красного дерева. Мне она напоминает скрипку. И настрой лодки — дело тонкое и таинственное. И прежде чем настраивать, ее надо найти. Выбрать такую, чтобы и по весу, и по высоте над водой, и по балансу подходила (по всему подходила). Сделать это удастся не всегда. Чего только не предпринимали мы, чтобы иметь «свою» лодку. И полностью переклеивали импортные суда, и создавали оригинальные конструкции по личным чертежам, а затем на собственноручно изготовленных болванках клеили персональную лодку. И только потом, когда все в ажуре — лодка вымыта и выскоблена, наступа-

ет пора размышлений: а нельзя ли еще выиграть время? Найти эффективную смазку для днища или еще что-то... Я давно убедилась, сначала на себе, а потом на своих подругах, что байдарка для нас существо одушевленное, с достоинствами и недостатками. Верткая и неустойчивая, она сбрасывает в воду будущих чемпионов. Чтобы усидеть, необходимо выработать чувство баланса, которым обладают плотогоны, спускаясь по горным рекам, стоя на одном бревнышке. Байдарка не всем покоряется.

Кто сосчитает, сколько пройдено километров? Кто измерит наш пот и слезы, пролитые за борт? Как далеко еще до ярких праздников гребных регат, когда на ветру развеваются полотнища разноцветных флагов, а по голубой воде, оставляя белый след, проносятся лодки. Как далеко еще до момента, когда победители причаливают к нарядному плоту и поднимаются на пьедестал почета.

Сначала разминка. Байдарка бежит легко, почти прыгая после каждого гребка. Фонтанами выскакивают струйки воды из-под форштевня лодки. И только потом начинается главное — работа на отрезках. Задание — пройти двадцать раз по 250 метров с максимальной скоростью. Семь-восемь раз проскакиваешь легко и незаметно. Потом начинаешь чувствовать, как затекают руки и деревенеют мышцы, потом приходит момент, и начинаешь себя уговаривать: «Ну, чуть-чуть...» Осталось немного, главное-то ведь сделано. И гребешь эти километры за счет какой-то сверхъестественной силы. И легкие работают как мехи, и сердце громко стучит, пульс колотится, что его и не сосчитаешь. Это я испытала тысячи раз и это же вижу у своих учениц.

Что поделаешь, суть тренировки и состоит, чтобы довести себя до полного изнеможения, подойти к пределу возможностей и заставить работать в этом состоя-

нии еще немного. И только тогда организм назавтра ответит мудрым всплеском неизвестных запасов мощности, силы, выносливости...

Вот так мы и работаем день, два, месяц, год, чтобы дождаться того момента, когда мы, девять байдарочниц-одиночниц, занимаем дорожки, доставшиеся по жребию. Стартер долго выравнивает нас, командуя судьям, тем, что держат лодку за корму: «Первая — вперед! Третья — назад!» А мы мутим веслом воду в ожидании команды: «Марш!» Наконец-то опущен флаг, взлетела ракета, и байдарки, словно птицы, унеслись вперед. Сколько я не гребу, а вот дадут старт, и я будто снова сижу в лодке, и мельница весел, молотящих воду, будто видится не с берега, а слева и справа, скосив глаз, можно посмотреть, где там носы лодок соперниц, вспарывающие воду. Только поначалу вода ласковая и податливая, ее не чувствуешь под стартовыми гребками. Но где-то к середине она становится вязкой и упругой. А на финише, когда судья, подбадривая приближающихся гребцов, отбивает на рынде мелкую дробь, вода кажется жесткой. И ее приходится прорывать последними усилиями.

Последние двести метров проходишь перед трибунами. Их рев прибавляет сил, и мы, ожидающие этот момент, бросаем все, что можем, мы знаем: сейчас решается судьба гонки... И тот, кто сделает на гребок больше, тот окажется в финишном створе впереди других.

Конкуренция так велика, что борьба на наших ргатах бывает куда более жестокой, нежели на мировых чемпионатах. И нередко, когда колокол принимает на один удар две, а то и три лодки, а затем судьи долго колдуют над мокрым отпечатком фотофиниша, и сам начинаешь гадать — может быть, чемпионка, а может, и вообще без медали. Бывают и другие гонки, когда лучше подготовленные уходят вперед, и ты смот-

ришь им в спину. А затем... Вылезаете из байдарки под недоуменными взглядами своих болельщиков и читаете на следующий день в газетах: известная чемпионка откровенно разочаровала... Тяжело!

Формула гонок в байдарке представляет возможность проявить себя во всем. Есть спринт — 500 м. Удвоенный, он становится средней дистанцией — олимпийским километром. Для стайеров существует гребной «марафон» — дистанции 10 000 метров. На этих дистанциях проходят гонки на одиночках, на двойках, четверках, а все завершают соревнования эстафеты 4×500 метров.

Стартовать приходится в разных условиях. Погода не спрашивает, хотим соревноваться или нет. Приходим на канал в тревожной предгрозовой тишине под нахмуренным дождливым небом и под проливным дождем, падающим на землю стеной, и в беспокойную воду, когда ничто не может совладать с разошедшейся волной. Нас ждет любая погода!

Гребля — традиционно олимпийский вид спорта, и успехами наших гребцов можно гордиться.

Но если вы уже не в том возрасте, когда ставят рекорды, все равно включите греблю в активный отдых. Во-первых, в гребле на байдарках отлично сочетается одновременное воздействие на организм сразу трех факторов природы: солнца, воздуха и воды. У нас, байдарочников, в отличие от занимающихся народной и академической греблей, есть существенное преимущество: мы сидим лицом по направлению движения, не надо опасаться столкновения со встречными судами.

Современная байдарка поначалу покажется вам весьма неустойчивой, и, если вы после первого путешествия перевернетесь и окажетесь в воде, не огорчайтесь: так начинали все чемпионы. Постепенно, как в езде на велосипеде, выработаете в себе чув-

ство баланса, и прогулки станут все более продолжительными, а вы почувствуете себя в байдарке увереннее.

А ритмичные движения гребца — хорошая тренировка для сердечно-сосудистой системы и легких. Не случайно жизненная емкость легких у байдарочников — наибольшая среди представителей других видов спорта. Во время движения веслом усиленно работают все мышцы туловища, плеч, рук. Рельефности мускулатуры наших гребцов можно позавидовать!

Поэтому не стоит удивляться, что байдарочная гребля интенсивно развивается. Растет количество водных станций и гребных секций. Наша гребля неприхотлива и не требует особых условий. Любое озеро, небольшая река могут стать водным стадионом. Поэтому и занимаются греблей на байдарках и каноэ во всех концах необъятной страны. Но главная причина растущей популярности гребли в том, что этот вид спорта имеет большое оздоровительное значение. Наш спортзал — это гладь озера или серпантин реки.

Первый выход на воду совпадает с восходом солнца. Из-за горизонта поднимается красный диск, и ложится на воду багрово-золотистая дорожка. Нос лодки мягко и бесшумно разрезает неподвижную гладь воды на две разбегающиеся волны. Всплеснет хвостом сонная рыба, да зашуршат о борт стебли камыша. И снова тихо.

Что может сравниться с моей греблей?!

Приходите на водную станцию! Здесь ждут вас маленькие изящные лодки, которые откроют новый, неведомый мир природы, постоянное общение с которой оздоровит ваше тело и обогатит душу. А потом, день за днем, отсчитывая километры, вы придете к большому счастью, что зовется победой. Обязательно придете.

Теперь мы все ждем Олимпиаду-80. Это и гордость и радость. И жду я этого праздника с нетерпением. И ожидаю увидеть многое. Во-первых, наши гребцы обязаны повторить успех 1960, 1972 годов. Это там, говоря словами стрелков, мы из 100 возможных выбили все 100.

И я верю, что наши девчата, известные и еще ~~не~~ведомые, повторят успех ветеранов, и как итог **трудных** дней засверкает на большом празднике в **Москве** их победа. Низкий поклон будущим чемпионам, и добро пожаловать гостям из других стран.

Говоря откровенно, мне чуть-чуть жаль, что в нашей столице проводится Олимпиада уже... без нас. Кому не хочется выступить дома и порадовать Родину высокими спортивными результатами.

В какой роли я буду встречать Олимпиаду? На такой большой срок трудно загадывать. Но сборной команде все ясно: своя вода, свой канал, своя миллионная армия болельщиков! При таких условиях стыдно проигрывать.

Какие результаты будут показаны лучшими женщинами на нашей воде? Для победы необходимо постоянно показывать в байдарке-одиночке 1 : 53,0—1 : 55,0, в байдарке-двойке — 1 : 40,0—1 : 42,0. И на эти результаты надо обязательно нацеливать молодежь.

Я верю, любой наш олимпиец перешагнет через все и все сделает для победы. Уже сейчас, не откладывая ни на час, нужно начинать долгую спортивную жизнь — бороться с житейскими трудностями и с земными соблазнами. Только жесткая дисциплина и невероятная требовательность к себе приведет вас, будущие олимпийцы, к победе. Не забудьте при подготовке взять лучшее у ветеранов, которые высоко пронесли спортивное знамя нашей Родины на прошедших Олимпийских играх.

* * *

Вот и все, вот и закончена моя книга. Даже не книга, а просто моя история. Здесь нет секретов, все просто и ясно. Да, жизнь была трудной, но я никогда не останавливалась, и за все это мне воздалось сторицей. А чего это стоило — не столь важно. Главное в моей жизни — это люди. Они ежедневно и еже часно помогали и помогают мне. И за это им моя великая благодарность. И перед всеми, кто мне помог, я в неоплатном долгу.

Пишу, останавливаюсь, думаю, вспоминаю, снова пишу. Дочка Юля теребит за руку: «Мама, ты все пишешь и пишешь, а когда же будем играть?» Все, дочка, все, уже кончила, сейчас начнем.

Серия книг «СПОРТ И ЛИЧНОСТЬ»
редакции военной и спортивной литературы
издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Нашей серии минуло десять лет. Первым ее автором была замечательная советская конькобежка Инга Артамонова. Книга ее называлась символически — «Я учусь ходить по земле». Тогда, десять лет назад, мы тоже только «учились ходить по земле», разрабатывали свои первые планы, искали в спорте интересных людей, определяли круг проблем и интересов...

У книги, которую вы, наш уважаемый читатель, держите сейчас в руках, тридцать третий порядковый номер. Это значит, что за десять лет состоялись тридцать три встречи ярких представителей нашего спорта с вами. Тридцать три книги воспоминаний и размышлений, откровений и споров, предложений и рассуждений...

Как легко заметит постоянный читатель нашей серии, ее авторы не стремятся превратить свои книги в растянутые автобиографии, где с утомительной скрупулезностью пересказываются подробности давно отгремевших матчей, приводится перечень одержанных автором триумфальных побед, список больших городов, в которых он некогда побывал, а весь остальной мир существует лишь в качестве приправы к основному блюду.

Представить спорт как мир больших чувств и мыслей, как соревнование в благородстве и мужестве, как школу характеров, как неотъемлемую и все более заметную часть жизни любого культурного человека — вот такую генеральную задачу мы ставим нашим авторам и с радостью убеждаемся, что мы с ними в подавляющем большинстве случаев единомышленники. Человек познается в главном деле своей жизни, будь то наука, искусство или спорт. Руководствуясь этим безусловным правилом, мы вместе с нашими авторами и определили тот круг проблем, который и составляет такое сложное, своеобразное и неповторимое явление, как СПОРТ! Постигание спорта, осмысление происходящих в нем процессов — дело не простое и не общедоступное. Чтобы взять на себя смелость судить о мире спорта, мире

побед и взлетов, поражений и неожиданных падений, мало быть обладателем чемпионских титулов и регалий. Нужно быть личностью в лучшем смысле этого слова. Нужно быть интересным человеком, способным не только увидеть и запомнить, но и оценить, объяснить, проанализировать, понять...

Кто же они, уже состоявшиеся и будущие герои и авторы наших книг? Первыми были Инга Артамонова и Анатолий Тарасов, Евгений Гришин и Валерий Попенченко, Борис Майоров и Людмила Савинкова, Зоя Миронова и Юрий Титов, Лариса Латынина и Станислав Жук... Запомнились, судя по вашим письмам и рецензиям в прессе, книги Игоря Емчука и Анны Дмитриевой, Николая Насибова и Альгирдаса Шоцикаса, Михаила Воронина и Петра Болотникова, Валерия Брумеля и Евгения Буланчика, побеждали на различных всесоюзных конкурсах книги Аркадия Воробьева, Виктора Лонского, Игоря Новикова, многие книги серии переведены в ряде стран мира...

В самое ближайшее время выйдут в свет книги Владимира Шатаева, Леонида Гиссена, Ноны Гаприндашвили, Виктора Пономельника, Тамары Пресс... Пишут для нас Леонид Шелешнев и Геннадий Вольнов, Валерий Харламов и Юрий Власов, Игорь Егоров и Владимир Васин, Анатолий Сасс и Анатолий Бондарчук...

Говоря о будущих наших авторах, нельзя не упомянуть о той большой роли, которую играют ваши читательские письма. В них называются конкретные имена, берут начало интересные споры и дискуссии, задаются вопросы, раздаются и критические голоса. Эту обратную связь, контакт с теми, для кого, собственно, мы и работаем, редакция рассматривает как добрую традицию, достойную того, чтобы продолжать ее и укреплять.

Пишите нам: советуйте, спорьте, критикуйте, поправляйте, подсказывайте. Давайте вместе продолжать серию «Спорт и личность».

Редакция

СОДЕРЖАНИЕ

Я прощаюсь и... остаюсь	3
Мама	5
Мария Николаевна Фадеева	22
От Олимпиады до Олимпиады	66
Глазами тренера	89
Моя старшая дочь...	114
По дороге в Монреаль	126
Нас ждет любая погода	142

С32 Середина А. А.
В любую погоду. М., «Молодая гвардия», 1977.
160 с. с ил. (Спорт и личность. Кн. 33).

Заслуженный мастер спорта СССР, заслуженный тренер СССР, кандидат педагогических наук, многократная чемпионка СССР, Европы, мира и Олимпийских игр, ныне старший тренер сборной команды СССР по гребле Антонина Середина принадлежит к тому поколению наших людей, детство которых отняла война. Но именно им, мальчикам и девочкам грозных сороковых годов, предстояло высоко поднять знамя советского спорта. О трудном пути в большой спорт, о тяжелой, но счастливой доле атлета и тренера пишет автор в своей книге.

7А5.3

С 70302—070 128—77
078(02)—77

ИБ № 632

Антонина Александровна Середина

В ЛЮБУЮ ПОГОДУ

Редактор **М. Лаврик**

Художник **Л. Белов**

Художественный редактор **К. Фадин**

Технический редактор **Р. Сиголаева**

Корректоры **Л. Четыркина, Н. Павлова**

Сдано в набор 27/X 1976 г. Подписано к печати 23/II 1977 г.
А06340. Формат 70×108¹/₃₂ Бумага № 2. Печ. л. 5 (усл. 7).+
8 вкл. Уч.-изд. л. 7,5. Тираж 100 000 экз. Цена 47 коп. Т. П.
1977 г., № 128. Заказ 1828.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типогра-
фии: 103030, Москва, К-30, Суцевская, 21.

47 коп.

Серия
«СПОРТ И ЛИЧНОСТЬ»
Книга 33

АНТОНИНА
СЕРЕДИНА,

заслуженный мастер спор-
та СССР,

заслуженный тренер
СССР,

кандидат педагогических
наук,

многократная чемпионка
СССР, мира, Европы, Олим-
пийских игр,

кавалер орденов Ленина,
Дружбы народов, «Знак По-
чета»

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ